

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134—241X

Следопыт

9'86

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

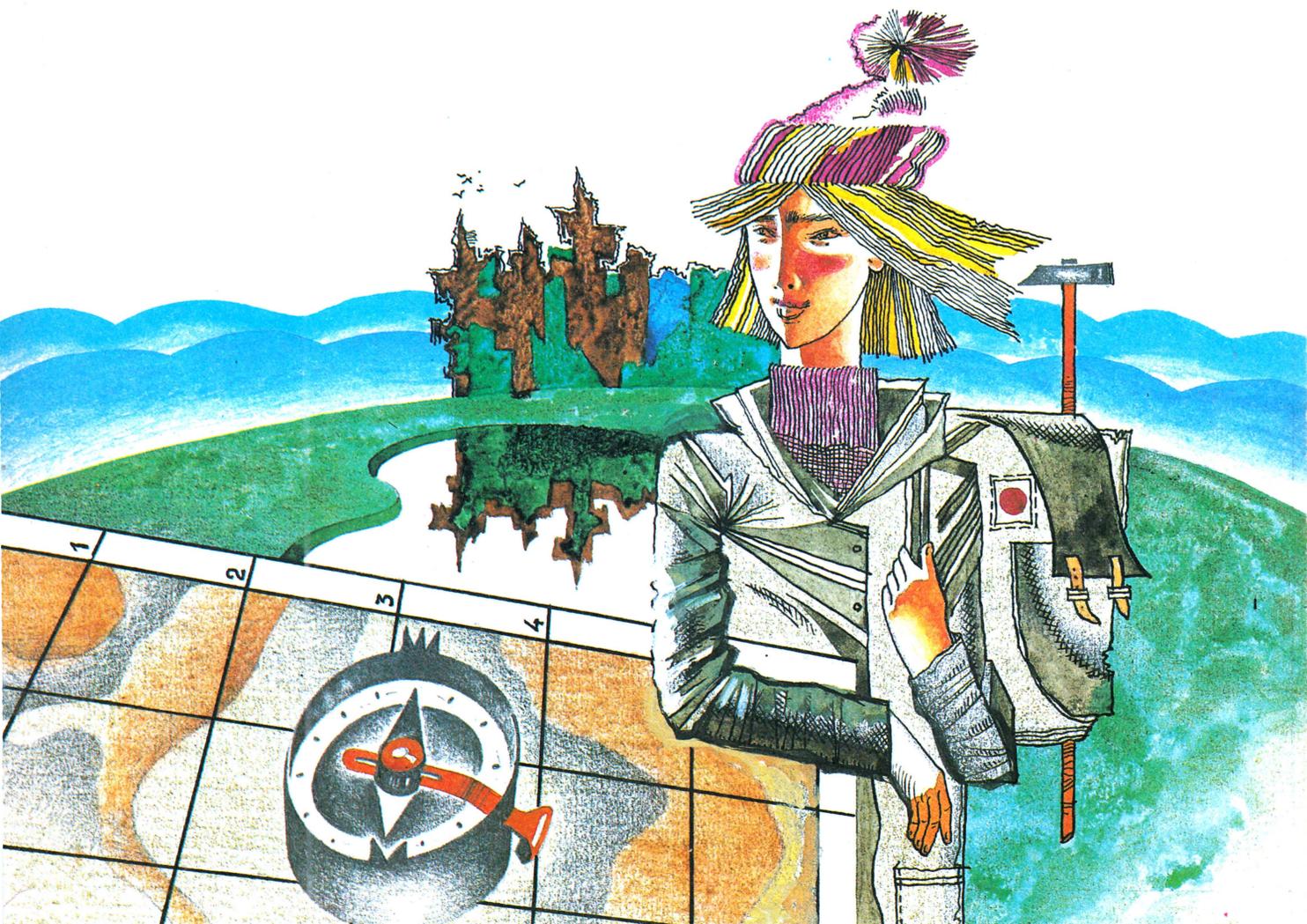
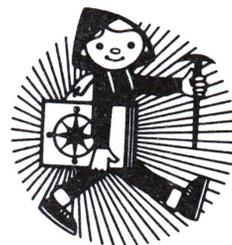
Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

Праздник в Челябинске
Строится дома

Василий Никитич Татищев, сподвижник Петра Великого, выдающийся государственный деятель и ученый, в 1736 году, будучи тогда главным начальником уральских и сибирских заводов, собственноручно вычертил план новой крепости. Место ей на карте определил такое — где речка Челябинка впадает в Миасс. План этот за подписью автора — В. Татищева — хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

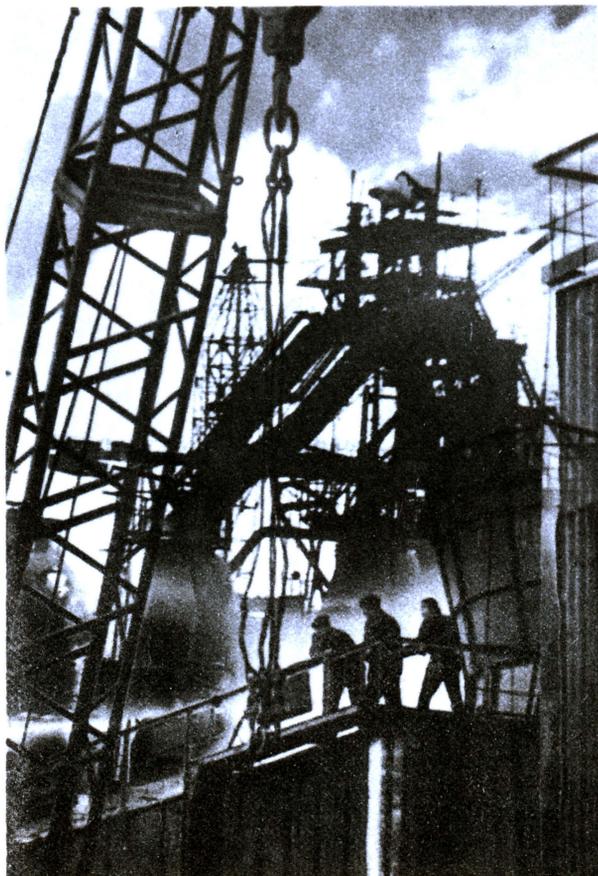
В сентябре того же 1736 года полковник Тефтелев в донесении своему начальнику, то есть Татищеву, сообщал, что «Челябинская крепость строится...»

Так был основан ровно 250 лет назад город Челябинск. Крепость, центр казачьей Исетской провинции, главный городишко уезда, Челябинск оставался захолустным в течение долгих полутора веков.

В конце минувшего века, когда через Челябинск пролегла транссибирская железнодорожная магистраль, город сразу вырос в пять-шесть раз.

За годы первых пятилеток Челябинск превратился в крупный индустриальный центр страны, население его перервалило за 200 тысяч человек.

В Великую Отечественную войну Челябинск стал Танкоградом. Экономическая мощь, население его утроилось.

Сейчас Челябинск один из крупнейших промышленных и культурных центров страны, город-миллионер.

Чем гордится Челябинск! Конечно, заводами, которых в городе более ста, всемирно знаменитой продукцией этих заводов, добрыми традициями трудового населения города.

Гордятся челябинцы и лицом своего города, всем неповторимым, что создали они, что есть только у них. И тут нельзя не позавидовать их патриотизму.

Много ли городов могут похвастаться такой главной улицей и центральной площадью, как проспект имени В. И. Ленина и площадь Революции в Челябинске! И подземные переходы на улицах здесь лучше московских. Есть ли еще где здания, фасады которых так нарядны — украшены ажурным каслинским литьем! А как сказочно великолепен драматический театр! Кстати, он хорош не только по форме, но и по содержанию. Интерьеры и убранство многих общественных помещений города просто поражают своей красотой приезжих. Ну, а челябинская школа хоккея — ведь она тоже неповторима...

С днем рождения тебя, Челябинск, — прекрасный город-труженик!

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

9 '86

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

- 2/ В. Николаев
ПРОГУЛКИ ПО ГОРОДУ
- 7/ В. Сибирев
МИМО НИКАК НИКОМУ НЕ ПРОЙТИ. Стихи
- 8/ Р. Повилейко
ЧУЛЫМСКИЕ ВСАДНИКИ
- 12/ В. Худяков
ЭКЗАМЕН. Рассказ
- 17/ С. Соловьев
СВЕТИЛЬНИК. Рассказ
- 20/ В. Самсонов
ОТЧИЙ ДОМ
- 21/ Н. Гальперович
НА РОДИНЕ НАЧДИВА
- 22/ И. Тетерюков
ВОСЕМЬ ГЕРОЕВ ИЗ ОДНОЙ ШКОЛЫ
- 23/ С. Зигуненко
ЕСТЬ ИДЕИ!
- 26/ О. Пантюхин
ТРИ ДНЯ И ЖИЗНЬ
- 28/ А. Моисеев
ЯЗЫКОМ УЛИЦ
- 31/ Н. Савина
ДИРЕКТОР СТАНКОСТРОЯ
- 32/ А. Ляпустин
МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАСТЕР ФОТОГРАФИИ
- 33/ Э. Бутин
ЛИЦОМ К ЛИЦУ. Повесть. Окончание
- 56/ С. Чаплин
НАПЕРЕКОР СТИХИИ
- 59/ Л. Сонин
ОШИБКА УЧЕНОГО
- 60/ С. Другаль
«СТРЕМЛЕНИЕ ПЕЧАТАТЬСЯ ОГРОМНО...»
- 63/ В. Чазов
КУДА СТРЕЛЯЕТ РОГАТКА!
- 64/ А. Иванова
КРАСНОКЛЮВЫЕ ЭМИГРАНТЫ
- 65/ В. Стахеев
КЕДРАЧИ ТРИФОНА МАТВЕЕВИЧА
- 66/ В. Снигирев
В УРМАНЕ
- 68/ Конан Дойл
ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАРОМ ШОСКОМЕ. Рассказ
- 77/ Л. Данилов
ДЕМИДОВСКАЯ ПРЕМИЯ
- 78/ МИР НА ЛАДОНИ
- 79/ М. Рафиков
ТАМ, НА ЛИСЬЕЙ ГОРЕ...

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки
рисунок С. Сухова
«Дороги пионерского лета»

© «Уральский следопыт», 1986 г.

ПРОГУЛКИ по ГОРОДУ

Владислав НИКОЛАЕВ

Рисунки С. Малышева

ЛЕГЕНДАРНОЙ ГОРЫ ВЫСОКОЙ, МАГНИТ-ГОРЫ, ДАВНЫМ-ДАВНО УЖЕ НЕТ, ИСЧЕЗЛА С ЛИЦА ЗЕМЛИ; ДАЖЕ ТАГИЛЬЧАНЕ-СТАРОЖИЛЫ НЕ В СИЛАХ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ, КАКОЙ ОНА БЫЛА В СВОЕМ НАТУРАЛЬНОМ ВИДЕ. ВМЕСТО ГОРЫ — БЕЗДОННЫЙ, МНИТСЯ, ДО ЦЕНТРА ЗЕМЛИ, КРАТЕР, А ВОКРУГ НЕГО ЦИКЛОПИЧЕСКИЕ ОТВАЛЫ КРАСНОЙ НЕДРЯНОЙ ГЛИНЫ ВПЕРЕ-МЕШКУ С РАЗДРОБЛЕННЫМ КАМНЕМ, — СМЕСЬ НАСТОЛЬКО БЕСПЛОДНАЯ, ЧТО ДЕСЯТИЛЕ-ТИЯМИ НЕ УХВАТЫВАЮТСЯ ЗА НЕЕ ДЕРЕВЬЯ, НЕ ЦЕПЛЯЕТСЯ ТРАВА И НЕ ВЫЮТ НА НЕЙ ГНЕЗДА ПТИЦЫ...

Едва Ермак, перевалив Уральский хребет, по утес-ненной Баранче-реке выломился на большую си-бирскую воду — в реку Тагил, как тотчас углядел по-над лесом похожую на колокольню заостренную грани-ную вершину, и с уст его сорвалось как выдох:

— О-о! Высокая!

Путь Ермаковой дружины лежал вниз по Тагилу, а гора вознеслась в противоположной стороне, верстах в де-сяти; тем не менее атаман решил взобраться на нее, чтобы с поднебесных высот взглянуть на открывающиеся сибир-ские дали. Отправился он верхом на коне. Только конь ступил на каменный склон, случилось чудо: выскочил из подков все гвозди, а следом отстали и будто примерзали к ржавым плитам и сами подковы. Как громом пораженный, атаман спешился. Новое чудо: вон полезли гвозди из его казачьих сапог, отвалились подметки! «Магниты», — дога-дался он.

В Нижнетагильском музее имеется наглядное дока-зательство того, что легенда эта не так уж далека от реальности: за металлической решеткой в одном из залов подвешен на кронштейне рудный штупф в бронзо-вой узорной оправе. Силой магнитного притяжения удержи-вает он на весу литую железную площадку с двухпудро-вой гирей — всего около пятидесяти килограммов тяжести. Какая сила!

Много воды утекло с Ермаковых времен, и не только исчезла гора — пали леса окрест, и на их месте выросли новые — из кирпича и железа, до самого неба; клубящиеся кроны не из хвои и листьев, а из фантастической окраски дымов: оранжевых, синих, зеленых, фиолетовых и черных тоже, опадающих на землю не раз в год — осенью, а, счита-й, каждый день черными хлопьями сажки... Да, от перво-бытия тут камня на камне не осталось.

Только состарившаяся река, как бабка с клюкой, все еще волочится еле-еле по родовому ложу. В уральских посе-ленных дома ставились задами к воде, вот и тащится изможденная река мимо капустных огородов, потом через неосвоенную до сих пор пойменную низину, потом мимо голого Красного камня и, наконец, скрывается за преде-лами города.

Течет река Тагил и через все мое детство.

В детстве, как известно, и солнце жарче, и небо выше, и дни длиннее, и даже вода мокрее. Да, мокрее была наша река. Шире, глубже. В заводах белыми лебедками табуни-лись лилии. На плесах — не песок, а золото. Цветущая, полная сил и здоровья река.

В жаркие дни река кипела от ребячьи. Разбежишься по высокому берегу, привскочишь на краю уреза и — вниз голо-вой в парную воду. Но что саженный глинистый обрыв-чик — даже сердце не екает в полете. И тогда влезали на тополя, бородачатыми стражами выстроившиеся вдоль берега, и бросались с них: робкие — солдатиком, стоймя, смельча-ки — раскинув руки и выгнув грудь, ласточкой. Вот уж дух захватывало — восторг!

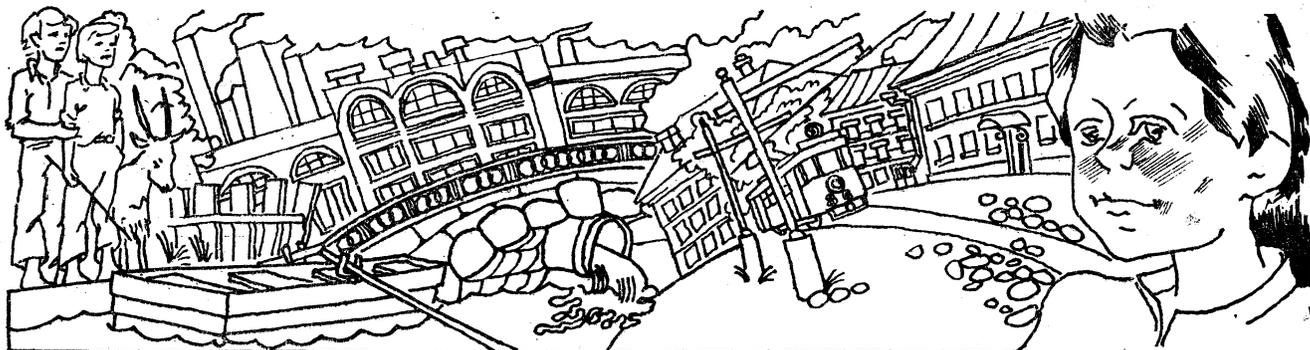
Когда это было, при царе Горохе? — поморщится син-тетический истукан, живущий исключительно сегодняшним днем и не признающий никаких воспоминаний. Да нет же, всего лишь вчера, вчера! Даже заспать не успел никаких подробностей, все их помню: и пахнущую водорослями воду, и сухой стрекот прозрачных стрекозиных крылышек, и устилающие дно золотые пески.

В ту пору жизнь представлялась бесконечной и бес-смертной, и совершенно не верилось, что когда-нибудь сам будешь болен и стар, и вот уже, считай, все позади, и на поверку жизнь такая трагически короткая и стремительная, что как бы укладывается всего в один день. Нет, это не воспоминания, это сегодняшняя моя жизнь...

Еще прыгали в воду с перил сходен, так назывался узкий пешеходный мост на сваях, по которому из левобе-режных улиц люди шли на трамвайную остановку на Крас-ном камне и обратно.

Послушайте, как именовались левобережные улицы, параллельными линиями спускавшиеся наклонно к реке: Первая Вогульская, Вторая Вогульская, Третья Вогульская. Была еще и Поперечновогульская, соединяющая повдоль реки все три Вогульские между собой, как раз в ней «в сто сорок солнц» и просияло утро моей жизни.

И ливни в те годы были пуше и грозы шибче. Земля тряслась от грома. Не выдержав напора стихий, нередко падали в реку тополя, едва не достигая своими макушками противоположного берега. Спускающиеся под уклон все три Вогульские превращались в бурные притоки Тагила. Сама река, точно напившийся удав, взбухала-вздучалась на глазах. В центре города ее перегораживала построенная еще первыми Демидовыми заводская плотина, а за ней далеко и широко разливался городской пруд. Чтобы ливневые воды не своротили плотину, на ней, бывало, поднимали окованные

лиственничные затворы, и река внизу тотчас выходила из берегов и заливала всю кочковатую пойму под Красным камнем. Значит, будет пожива! Мы засучивали рукава. Через день-другой большая вода скатывалась, и на пойменных лугах — в ямках, колдобинах, рытвинах, в копытных следах — везде оставалась вода, и в ней, едва шевельнешь палкой, плескалась рыба. Лови голыми руками, выпиньвай на твердь ногами, а если увертывается, не дается, снимай с себя рубаху, завязывай рукава и ворот и ходи с ней вместо бредня по ерикам, калужинам и лывам, и вся рыба из них будет твоя. Случалось, по полной рубахе приносили матерям на жареху.

Однажды обрушились такие ливни и так, наверное, много было выпущено воды из пруда, что она уже не катилась, а мчалась, летела, как бешеная, в белой пене и брызгах, вырывая с корнем все, что встречалось на пути. Плыли деревья, садовые скамейки, столы, сорванные с привязи пустые лодки. У пешеходного моста брыгаи взлетали выше перил. Вдруг мост заскрипел и середкой стал подаваться вниз по течению, потом и вовсе порвался на две половины, правая половина с выдернутыми черными сваями загнулась к правому берегу, левая — к левому.

Надо сказать, что в первое военное лето на левобережье появилась еще одна улочка, вытянувшаяся, вопреки уральским традициям, вдоль самой береговой кромки и лицом к воде. Селились на ней беженцы с запада. Хибарки вырастали в один сутки. Сегодня тут еще чей-то огород, а завтра, глядишь, — слепленная из глины, не успевшая просохнуть хатка, похожая на ласточкино гнездо. Попервости из чего только не гордились тут жильцы — из досок, фанеры, толи, выкладывалось даже из нарезанных в лугах дернин.

На этой улочке я нашел себе друга. Несмотря на то, что лет ему было столько же, сколько и мне — десять, все навеличивали его по отчеству — Максимыч: уж больно озабочен он был всевозможными жизненными проблемами, как взрослый, целый день в хлопотах и трудах, не то что поиграть — улыбнуться некогда. Этаким большеголовый широкогрудый мужичок. На его попечении находилась комолая худоробая коза. Он не только пас, но и сам доил ее. Да еще запасал на зиму сено. Из оставшихся от постройки избенки-насыпухи досок его отец шил лодку, даже не лодку, а черт знает что — ни кормы, ни носа, четырехугольный плоскодонный ящик, и на этой посудине Максимыч каждый день завозил козу на противоположный берег, на заливные луга, а оттуда нередко возвращался еще и с копной велевой сочной травы, нарванной руками.

Так вот, река разыгралась не на шутку: ревела, пенилась, вспучивалась волнами. Под ветром кренились верхушки тополей. Низко неслись разорванные в клочья копотные тучи. Вода плескалась вровень с берегом. Поднимись еще на сантиметр, и она хлынет во двор Максимыча и еще дальше — в избу, в сараюшку. На всякий случай козу мы втащили на покрытую только плоскую крышу

сараюшки и сами взобрались на забор, оседлали его верхом и во все глаза смотрели, что же будет дальше. Привязанная на длинной веревке несуразная посудина высоко подпрыгивала на волнах и при падении издавала такой мощный звук, словно из пушки палили. На противоположном берегу у начала сходен собралась кучка людей. Было видно, как они разводили руками, скребли затылки. Наконец от кучки отделился какой-то мужик в длинном брезентовом плаще с капюшоном и двинулся вдоль берега в нашу сторону. Меня и Максимыча, сидевших на заборе, словно куры на насесте, он углядел еще издали и рукой подал знак, что именно к нам и идет.

— Лодку будет просить, — догадался Максимыч. — Как бы не так!

Дружок мой не ошибся.

— Эй, ребятки! — сложив руки рупором, закричал мужик, остановившись на другом берегу против нас. — Хотите на орехи заработать? Перебросьте через реку — и получите пятерку.

— Пятерку получишь, а лодку потеряешь, унесет, — мрачно отозвался Максимыч.

— Такие орды — и бонтесь! Уши вянут слушать. За риск приплачу еще пятерку. Идет? Да для меня еще весло либо шест захватите, и ни на вершок не сдвинет в сторону.

— А не обманешь? — сомневался Максимыч.

— Не из тех, — твердо заверил плащ с капюшоном.

Пока мы, что есть мочи орудуя веслами, переправлялись через плещущую ширь, к мужику успел подбежать остоялый люд, скопившийся у истока сходен. Наша четырехугольная баржа едва всех вместила. Вода теперь шипела и пенилась почти вровень с бортами, однако пассажиров это ничуть не смущало, и, отстранив нас от весел, они отчаянно ринулись через поток... Смелость города берет! Взята была и река. А на родном берегу нас уже ожидала другая толпа. Откуда она взялась? Все куда-то опаздывали и торопились. В руки Максимыча хлынули деньги. Он едва успевал прятать их за пазуху, становясь на глазах все шире и шире. Свечерело. Народ на берегах не убывал. На том и другом зажгли по костру — вместо маяков и для храбрости. Дело крутилось колесом. Максимыч сам уже в лодку не заходил, гонял ее туда-сюда пассажиры, а он только собирал с них мзду...

Река притягивала, как магнит, все там было интересно, но самое захватывающее, конечно же, — рыбалка. В летнюю пору дня не случалось, чтобы я не побаловался с удочкой. И дождь не помеха. В дождь клевало еще лучше. Когда началась война, баловство сразу же превратилось в серьезное дело. Если прежде мои уловы чаще всего препровождались в подпечек кошке, то теперь пошли на стол в виде уха либо даже жарехи на сковородке, причем мать, раскладывая рыбу по мискам, норовила оделить меня первым.

Внимание поощряет. Хотелось отличиться пуше — ловить, например, зараз целое ведро. Но, увы, как я ни

старался, выше полутора-двух десятков полосатых окуньков, красноглазых плотвичек и писклявых пескарей подняться не мог. Положи их в ведро — дна не покроют. Носил добычу я на кулечке из ивового прута. Будто и живая рыба кем-то в реке выдавалась тоже по карточкам. Да и много нас было по берегу, мокроносых удильщиков, на всех не напасешься. Вот если бы отправиться по берегу все дальше и дальше, пройти город, забрести в лес и еще идти и идти, то обязательно придешь в такое место, где до тебя человек еще не бывал, — ни единого следочка вокруг, где рыбы в реке совершенно не пуганы и полны ею все боцаги и омота. Может, там и удочки не надо, лови руками, черпай ведром.

Долгонько я вынашивал сей замысел, долгонько собирался с духом — шутка ли решиться обойти чуть не полсвета — и однажды все-таки решился. В последний момент передумал брать с собой тяжелое ведро, переменял его на легонький алюминиевый бидончик — для начала хватит, а там видно будет. С вечера положил в него ломоть хлеба, золотистую луковицу, соль в спичечном коробке, а на брезгу уже шлепал босыми ногами по отсыревшему от ночного тумана берегу вон из города: самодельная удочка на плече, бидончик в руке, портки до щиколоток, рубаха распояской.

Не синее, не серое, а какое-то полинявшее небо нагнало тоску и тревогу — что-то будет? Ворочусь ли обратно? Под рубахой обведало холодком. Но едва я миновал последние избы, пожаром взялось передо мной солнце, брызнуло навстречу слепящими лучами, и все вокруг повеселело: небо стало лазурно-синим, заплясали деревья, заулыбались кусты, а река, что текла рядом, по правую руку, всем своим ласково-девственным видом обещала вознаградить меня за отчаянность невиданным уловом.

Выходя из дома, я ждал, что буду проламываться сквозь нехоженые дебри, но сколько я ни шел, передо мной все время бежала тропинка, лотком выбитая в дернине. Там и сям различались следы. Не звериные ли? Не медвежьи ли? — настораживался я и наклонялся разглядеть. Нет, не звериные. Вот этот раздвоенный — коровий, а вон тот, полукруглый, — явно конский. Отпечатались даже шипы на концах подковы и квадратные шляпки гвоздей. Встречались и другого рода следы, оставленные коровами и лошадами, которые я обегал стороной, но однажды зазевавшись и ступил босой ногой в коровью лепешку — впечатление не из приятных. Хорошо — река под боком, тут же ополоснул ногу на струе.

А на самой реке места разворачивались одно лучше другого. Вот омуток, заросший белой кувшинкой, — в солнечные утра любит рыба попасть в тени ее лопушистых круглых листьев. Я, конечно, немедленно разматываю удочку, насаживаю на крючок червяка и забрасываю его рядом с кувшинками. Перебирая ногами от нетерпения, жду. Если за пять минут не моргнет вырезанный из сосновой коры поплавок, сматываю удочку и бегу дальше.

Долго ли, коротко ли я так бежал, но вдруг понял: рыбных поленниц я сегодня не достигну, и, чтобы вечером дома не ревели обо мне, как по покойнику, надо немедленно поворачивать оглобли. Солнце уже давно не слало лучи встречь, а высыпало их из своего золоченого лукошка совершенно отвесно. Не успеешь оглянуться, как оно снова присядет на корточки, но уже в обратной стороне. Горели отбитые пятки, словно шел я не по земле, а по красным угольям, ноги спотыкались о всякую жилку, прошивавшую тропинку поперек. Желудок подвело... И я сдался.

Я шлепнулся задом на обмытый волной сырой песок, погрузил горевшие ступни в воду и извлек из бидончика свой провизант: луковицу, хлеб, соль, зачерпнул проточной воды. О, ничего вкуснее доселе я не едал!

Поворотил я вовремя. Когда подходил к городу, солнце вновь сквозило меж сосновых колонн на высоте в пол-дерева. Повсюду накапливались сырые тени. Города я еще не видел, но уже слышал его. Впереди что-то гремело, гудело, взбрыкивало, дышало со свистом, сипело, сливаясь в непрерывный машинный гул. Надо было день проболтаться в лесу и кроме шороха листьев да птичьих переполохов ничего не слышать, чтобы впервые в жизни различить-осознать этот обширный гул, среди которого вырос, не замечая, и подивиться его исполнскому напору — ну и силаща! День и ночь без передыху ковал город оружием на врага. Это было его извечное дело. В бытность Петра он ковал его на шведов, потом на турок, на французов, потом снова на французов вкупе с англичанами — на всех, кто, ничтоже сумняшеся, замахивался на Русь.

Сам город все еще прятался за лесом, а вот верхушки заводских труб показались, из них курились дымы немисленных в природе колеров. Ну разве бывает зеленый дым? А над нашим городом растекался и такой. Дымы из труб сначала поднимались толстыми столбами, потом, будто упершись в потолок, плоско и тонко расплзались по всему небу.

Накрытая зеленой тенью, вода в реке стала бутылочно-лилового цвета. И вдруг я углядел на ней всплывшую вверх белым брюхом какую-то рыбку. Она еще цеплялась за жизнь: одышливо водила жаберными крышками и конвульсивно дергалась, предпринимая отчаянные попытки встать в нормальное положение, но из этого у нее ровным счетом ничего не получалось, и течение волокло ее за собой, как щепку. Я же похвастаться уловом не мог: ершишка, окунишка да парочка пескарей — кошке на жевок. Понятно, еще одна рыбка меня совершенно не выручит, но для счета сойдет. Разом я смахнул с себя портки, рубахонку и ринулся в воду. Вот и добыча — красноглазая плоская сорочка. Взяв в руки, я оглядел ее со всех сторон, пытаюсь уразуметь, отчего же всплыла на поверхность. Может, побывала уже на крючке? Или посидела в плетеной морде, а когда ее оттуда вытряхивали, помяла себе бока? Однако никаких следов физического воздействия не нашел я на рыбе, все у нее было целехонькое: и бока, и жабры, и губы. А серебристая чешуя одна к одной. Тем лучше. Едва я выбрался на берег, как снова увидел враспиди реки взбрыкивающий беляк. Давай сюда и его!

Потом я снова шел по берегу и глаз не отводил от воды, стараясь раскусить загаданную мне загадку. Вот вниз по течению волочится маслянистая пленка, играя в лучах заходящего солнца всеми цветами радуги. А вот одну рыбку выплеснуло волной на песок. Жаберные крышки — настужь. Алые жабры под ними — как раскаленные угли. Эта уже уснула навеки и скоро взоянет дохлятиной. Вот к лезвию резучей осоки на уровне воды прикрепилась черная сочная капля, похожая на спелую ягоду волчьего лыка — та тоже черная и тоже произрастает без никакого черенка, прямо на стебле. Капля-ягода словно пульсировала изнутри, и от нее беспрерывно отъединялись широко расхлывшиеся концентрические круги. Они отличались перламутром. И по реке плыли еще такие же ягоды, и вокруг них тоже вились кольца, угарно пахло мазутом.

Все это — и пленка, и запахи, и индустриальные шумы, и дымы — вместе с всплывшей рыбой связывалось в моей голове в единую причинную цепочку; но что же все-таки произошло на реке, понять я никак не мог.

Идя все время вдоль реки, вышел я, наконец, на новоотстроенную улицу Береговую, по ней до дому — рукой подать. Но что это? До моих ушей долетают крики, стонания, причитания, а по всему берегу рассыпались люди: бабы в белых платках, бородатые старики, старухи в длинных подолах и, точно горох, ребятишки. Мужиков не видно. Мужики либо на войне, либо в работе.

Близ воды кое-где горят костры. В руках баб мелькают черенки граблей и лопат. Что они хоть делают так дружно? И по кому воют?

А рыбы перед моими глазами еще прибавилось. Вдоль береговой кромки будто белая пена взбилась тонкой длинной полосой — и это все рыба, рыба. Тысячи, тысячи рыб! Я даже представить не мог, что в нашей реке так много ее обитало. Среди всякой мелочи распластались такие крупные экземпляры, какие удочкой никогда и не извлекались на свет божий.

Бабы голосили на все лады:

— Сбросили! Отравили! Конец света!

Я уже понял, чем они занимались: одни сгребали в кучу дохлаю рыбу, другие тут же закапывали ее поглубже в землю. В одной из баб я узнал мать Максимыча. Лоб у нее по самые глаза был обвязан мокрым вафельным полотенцем. Ее постоянно мучили головные боли, и она редко поднималась с постели. Превозмогая себя, она тоже орудовала граблями, и по ее морщинистым щекам сбегали слезы. Ребятишки жгли костры, подбрасывая в огонь вместо дров все ту же рыбу. На огне она шипела, пускала пузыри, корчилась, теряя сначала хвосты и плавники, а потом истлевала вся. Я долго топтался у крайнего костра, дожидаясь момента, когда отойдут от него люди. Дождался и тотчас не мешкая высыпал в костер из своего бидона всю рыбу. И этой туда дорога!

Вот так в одночасье сгинула наша река. По привычке в полуденный зной мы еще лезли в нее, но тут же выскакивали обратно, преображенные в пятнистых зверей. Кому смех, а купальщикам горе. Никакое мыло, никакая мочалка не брали тех мазутных пятен. А вот солнечные лучи они собирали, будто увеличительные стекла; оглянуться не успеешь — на месте пятна насквозь прожженная кожа.

С того рокового часа в реке уже больше не мокло, придавленное камнями, липовое корье на мочало, на мочальных плотках не стучали бабы вальки, не скрипели ведра на коромыслах — даже на полив теперь не годилась вода, не тожко в пишу либо на поило скотине; а пузатые плетёные морды из своих гнезд в каменных молах перекочевали на бережные огороды, где их вздели на шести, облачили в развешивающиеся хламиды, вооружили перевёрнутыми метлами, то есть превратили в пугалища. А пугать было кого: как только река умерла, вместо благородной птицы на ней видимо-невидимо объявилось черного воронья...

М вот спустя четыре десятилетия с хвостиком я снова на тех берегах. Не один, а с давним своим знакомцем, главврачом городской санэпидстанции Николаем Павловичем Сапугольцевым. Про ручьи и речки, протекающие по городу, а также в его окрестностях в радиусе до пятидесяти километров, он знает все.

Слегка помятый светлый полотняный костюм, реденькая соломенная шляпа и широкие сандалии придают моему спутнику какой-то простецкий вид и внушают мысль о том, что человек он покладистый, мягкий, интеллигентный. В сущности, так это и есть. Но до поры до времени, пока речь идет о житейском — не о работе. А вот работа у него строгая, и сам он, включаясь в нее, тоже становится строгим, неуступчивым, а для кого-то и — грозой!

Прошлым летом вот в такой же знойный день мы объездили с ним на «газике» все ручьи и речки в окрестностях города, питающие своей водой питьевые пруды; на всех них кипела жизнь: где пасли скот и выращивали хлеб, где валяли лес, и если та или иная производственная деятельность шла во вред истокам, Николай Павлович своей властью мог ее немедленно прекратить. Встречающие его люди это понимали, шли на полшага сзади, разговаривали сверхпочтительно, бывало, и заискивающе и напоследок всякий раз приглашали оттрапезовать за каким-нибудь

уже накрытым столом. А Николай Павлович будто и не слышал этих приглашений: закончит осмотр и сразу — к машине. С раннего утра мы в рот ничего не брали, у меня желудок подвело, а он все держит марку. Железный мужик! Во второй половине дня мы вернулись в город, зашли в его кабинет на службе, чтобы стряхнуть с себя дорожную пыль, ополоснуть лицо, руки, а затем отправиться, наконец, в столовую... Но нашим планам не суждено было сбыться. Едва мы ступили на порог, как затрещонил телефон, громко, настырно, словно подавал сигнал тревоги. Николай Павлович сорвал с рогатых рычажков трубку, и молодой женский голос, взволнованный, напуганный, заполнил весь кабинет:

— Помогите! Разберитесь! Немедленно приезжайте! В детском садике номер... дети с ног валяются. Играют-играют и вдрут ни с того ни с сего падают. Отчего, почему — никто понять не может...

— Немедленно выезжаю.

И вот мы в детском садике. В виду чрезвычайных событий я даже о голоде забыл. Выдали нам по белому халату, и, накинув их внапашку на плечи, прошли мы в спальню. На нескольких кроватках лежали пострадавшие — личики бледненькие, глазки замутненные. Но не стонут и не жалуется. «Животик болит?» — «Нет». — «А головка?» — «Нет». — «А ножки?» — «Нет». В сопровождении кухонщиц, как десарки, воспитательниц прошли мы на кухню, где Николай Павлович взял для анализа в прихваченные с собой пробирки толику манной каши, молока, сливочного масла — всего того, что дети ели в обед и полдник. Ходил он по садiku хмурый, озабоченный, бормотал про себя:

— Ежели бы дело было в пище, то отравились бы все. А попадало всего несколько человек. Надо искать причину в другом... Ну-ка, покажите, где у вас дети падали.

— Пойдемте тогда во двор. После полдника мы их вывели на прогулку, там все и случилось.

В считанные минуты, принохиваясь и приглядываясь, Николай Павлович обжег весь двор, обсаженный вдоль штакетника подстриженной акацией, и, наконец, в дальнем углу, точно сеттер перед спрятавшейся дичью, сделал многозначительную стойку, потом поманил нас рукой к себе — меня и воспитательниц.

— Здесь дети играли? — втягивая воздух поочередно то одной, то другой ноздрей, спросил расследователь, когда мы подошли.

— Во второй половине дня сюда падает тень вон от того тополя, что на улице, и обычно тут кто-нибудь прячется от жары.

— Так, так. А тут ведь попахивает чем-то подозрительным, из-под люка тянет.

У самых его ног лежала красная от ржавчины, слегка выпуклая чугунная крышка канализационного люка. Он нагнулся, поддел крышку. Из мрачного колодца в нос шибануло. Николай Павлович поспешно опустил крышку на место и безапелляционным тоном распорядился:

— Детей ни сегодня, ни завтра во двор не выводить, окна и двери помещений держать плотно закрытыми. — Сам бегом бросился вон из двора на городскую улицу. Я — следом. На улице он что-то прикинул в уме и решительно двинулся в ту сторону, где курились в отдалении заводские трубы. Метров через двести опять остановился перед чугунной крышкой канализационного колодца, приподнял ее на самую малость, и — опять формалин, опять от одного его глотка искры забегали перед глазами. Так от крышки к крышке и двигались мы по улицам, переулкам и дворам; Николай Павлович в своем розыском рвении походил на Шерлока Холмса, а я, возможно, на постоянного спутника Шерлока доктора Ватсона. Путь наш закончился у заводской бетонной стены, за которой гудели от жары огнеды-

шашке батареи, дымили трубы, шипели пары... Через полтора месяца директор этого предприятия сидел в зале суда за решетчатой загородкой, а Николай Павлович выступал в качестве обвинителя. Гневных слов было произнесено много, но обвиняемый отделался легким испугом — штрафом из государственного кармана.

...В такой же солнечный день посредине лета, как и в прошлом году, мы с Николаем Павловичем идем по следу — на этот раз вдоль маленькой овражистой речушки, пересекающей чуть не весь город, по которой в давний роковой час прихлынули в реку Тагил токсичные мазуты, смолы и черт знает что еще и одним махом умертвили в ней все живое; даже, наверно, никаких микроорганизмов не осталось. Николай Павлович в знакомом мне светлом полотняном костюме — похоже, это у него летняя рабочая униформа.

Как четыре десятилетия назад прорвались губительные смолы в эту речушку, так текут они, не переставая, и сегодня: черные, густые, в радужных отсверках и смрадно пахучие. Берега у речушки будто обуглившись, и ничто на них не растет. Даже дома близ нее не строятся, и меж белокаменными громадами под самым центром города протянулася будто оспой изрытый неприглядный пустырь.

— Чистое золото течет, — кивнув на кипящую струю, сказал Николай Павлович. — Все, что сбрасывается сюда, можно утилизировать и превратить в полезные материалы.

Речка поднырнула под бетонный мост, по которому громыхали трамваи, и устремилась напрямик к Красному камню. С запада она обогнет вытянувшуюся грядой невысокую гору и сразу же соединится с рекою Тагил. Туда мы и идем.

— А ведь, помнится, у этой речушки было некогда свое название? — спрашиваю я.

— Вроде было, — соглашается Николай Павлович, — но убей бог, не вспомнить.

— А сейчас мы спросим у кого-нибудь.

— Вонючка, — не задумываясь, ответил первым попавший навстречу джинсовый парень.

— Шутить?

— Че мне с вами шутить? Все ее так зовут: Вонючка — и есть Вонючка.

Не удовлетворившись ответом, спросили мы про то же у старшухи с кошелкой: эта-то в ее возрасте должна ведать доподлинно.

— Как же, знаю, знаю: Горячка! Потому как зимой и летом горячая вода тут. В самую что ни на есть лютую стужу ни на волосок не задерживается ледком.

Бабушное толкование тоже показало нам сомнительным, и, увидев уже под самым Красным камнем, там, где речушка впадает в Тагил-реку, стайку девушек с голыми плечами, в цветастых сарафанах, колдующих вокруг теодолита на треноге, да еще с подробной картой в руках, мы обратились с вопросом и к ним, поставив его несколько иначе:

— Нет ли, красавицы, на вашей карте названия этой загаженной речушки?

— Есть! — хором ответили красавицы в сарафанах. — Вязовка!

Вон даже как! Может, название это пошло оттого, что некогда на ее берегах вязы росли, а может, оттого, что слишком прихотливо бежала издали — петли вязала. Теперь от нее даже названия первородного не осталось.

Река Тагил, протекающая вдоль каменной гряды, мало чем отличалась от своего притока: такая же черная, смрадная и мелкая — как говорится, курица вброд перейдет. Ужели когда-то в эту реку мы прыгали ласточкой с перил мостов и верхушек тополей? За четыре десятилетия с хвостиком дно поднялось не на один метр от отложения смол, мазутов и иных сбросов. Теперь сбрасывают в реку свои отходы не только заводы, но и жители приблизив-

шихся к ней кварталов. Зачем изношенный холодильник отвозить куда-то на свалку, ежели его можно подкантовать к краю горы и столкнуть вниз: пусть разобьется о камни и утонет в реке. Но в обмелевшей реке уже, кроме пьяного, никто и ничто не сможет утонуть, и торчат из нее обломки домашних холодильников, стиральных машин, помпеты кузова легковушек, шины тягачей, детские коляски, санки, всякий прочий хлам. В этот день томила такая же жара, как в солнечном детстве, когда мы не вылезали из реки и когда она вся кипела от ребячьих тел. Теперь же — ни одного купающегося. Загорающие есть, но они держатся подальше от берега, чтобы случайно в мазут не влезть, — распластались на уступах скал и на плоской верхушке Камня.

— Ошибки приходят в дверь и гуртом, а выталкиваются в щель и по крупице, — философски заметил мой спутник. — Реку погубили зараз, в одночасье, а для того, чтобы вылечить ее, понадобятся годы. Да и средства немалые, миллионы, может быть. Но лечить надо. Долина-то какая — поискать! Ежели сад ли, парк ли в ней разбить, весь город украсит.

Под Красным камнем, главным образом по другую сторону реки, широко простирались пойменные луга, те самые, на которых после разлива в калужинах да колдобинах ловил я некогда рыбу, — километра на два повдоль да не менее километра шири, это, считай, целых двести гектаров. На противоположном берегу, вдали, у высокой материковой кручи, виднелась чаша нового стадиона, поднявшегося одним развалистым боком как раз до полкручи; малую толику долины занимал стадион — то ли еще можно тут понаделать да понасадить! И мы с Николаем Павловичем размечтались. Первым делом перекрыть промышленные сбросы, отвести их в отстойники, научиться утилизировать, наконец, пустить по реке землесосный снаряд либо землечерпалку, снять с золотых песков многометровый слой мазутов и гудронов, а уж после можно и рыбу разводить и берега обсаживать: сосна, кедр, липа, береза. Тенистые аллеи, непролазные кущи!..

Думается, все это тагильчанам под силу. Ведь отгрохали же они набережную у городского пруда — любо-дорого посмотреть: тут и длинная да широкая беломраморная лестница к воде не хуже одесской, и узорно-чугунные паралеты меж гранитных столбов вдоль тротуаров, и раздевалки под этими самыми тротуарами для купающихся, и у самой воды отдельное здание для моржей — любителей прорубного зимнего плавания.

На индустриальном Урале загубленных за здорово живешь рек много, ой, много. Назову еще только одну — славную Исеть, на которой стоит столица Среднего Урала Свердловск. Лишь минует река обихоженный центр города, где она в гранитах и в фонтанах и в арочных мостах, как тотчас становится отхожим местом, куда сваливается и сваливается все, от чего нужно избавиться... Целые километры протекает река близ сосновых боров парковой зоны, на берегу — очарование, зелень, праздники осенних красок, а на реку и глядеть не хочется. Русло здесь раздвинулось до двухсот метров, однако в значительной своей части оно выпятилось наружу, обсохло, а вода бежит, петляя, лишь узенькой горловинкой. Тем не менее все еще весной и летом во время птичьих перелетов по давней привычке присаживаются здесь на ночевку утки... Сюда бы тоже землесосный снаряд или землечерпалку, до первоосновы расчистить русло, и новые утки и рыбы не заставят себя ждать. И уже не отводили бы мы от реки глаз своих.

Настала пора возрождать наши реки. Увы, ошибки вламываются в дверь, а выживаются в щель...

Мимо никак никому не пройти

Владимир СИБИРЕВ

СОКРОВЕННОЕ

Как туман, раздвигаю шторы
И до предзвездной звезды
Сам с собой веду разговоры,
В том не видя большой беды.
Тут и чаянья, и поминки.
Всем я нужен, повсюду вхож.
Вторя мне,
Стучит на машинке,
Наклонившись над крышей,
Дождь.
И лишь вспыхнет от солнца рама,
Предъявляет, как напоказ,
Мне
Зеркальная амальгама
Ретушь синюю
Возле глаз
Да на стенах домов потеки...
И едва ли уже прочтешь
Расплывающиеся строки,
Что в ту ночь
Напечатал дождь.

ЗАКОН ТАЙГИ

Называвшийся богом таяжным,
Исходивший полмира пешком,
Был он в сущности
Типом ничтожным,
Да зато
Экстраклассы стрелком.
И согбенный добычей, бывало,
Сеял он по привычке беду,
Даже птахи не миловал малой,
Лишь бы ствол разрядить на ходу.
...Как он ни был увешан железом,
Как ни крался тропею косуль,
Как ни верил ружейным нарезам
И мгновенной реакции пуль,

Час пробил!
Но ни слуху ни духу
Не осталось о том, как в пургу
Бог таяжный
С распоротым брюхом
Опочил на январском снегу
Над изодранной в клочья
котомкой...
И под утро у горной гряды
Замело равнодушной поземкой
И его, и медвежьи следы.

ПРОЗРЕНИЕ

Немецкая
Слышится речь на бульварах.
И в стайке горластой,
среди молодых,
Я вижу туристов,
Не то чтобы старых,
Но ровно свою — безупречно седых.
А Крым
Весь в надгробиях и обелисках,
Успевших в гранитную землю врасти.
Наверное, больше их,
чем кипарисов...
И мимо никак никому не пройти.
...Что думаешь ты,
сивобровый баварец,
Об этих щемящих, как боль,
остриях?
А вдруг, как и прежде,
«Дойчлянд юбер аллес»
Рождает горячку в твоих сыновьях?
И снятся им ночью
свои «мессершмитты»,
Свой план «Барбаросса»
и собственный «блиц»?
...Вечерние тени упали на плиты

И стали похожи на щели бойниц.
Молчали туристы.
Мгновенно состарясь
На фоне чужих
краснозвездных могил,
Сутуло стоял сивобровый баварец
И нервно
Рукав свой пустой
Теребил.

В МЕМОРИАЛЬНОМ ПАРКЕ

Словно бы на запах хлебной корки,
Как какой-нибудь Тяни-Толкай,
Около Зеленой ходит горки
От «Фонтана»
Взад-вперед трамвай.
Тормозит почти у каждой арки,
Возле пионерских лагерей.
Я сойду в мемориальном парке,
У черты гвардейских батарей.
...На ветру
Закладывает уши,
Как в часы,
Когда на берегу
Гаубицы били и «катюши»
Здесь в сорок четвертом
По врагу.
Их огонь
Фашистов
Напрочь выжег...
Так что, дорогой Тяни-Толкай,
Вез меня ты в мир веселых книжек,
А попал я на передний край.
У «ежей» хожу и по траншеям
Трогаю металл торпед и мин...
И листва блестит апрельским клеем
Над подлодкой,
Поднятой с глубин.

ЧУЛЫМСКИЕ ВСАДНИКИ

Рюрик ПОВИЛЕЙКО

Рисунки В. Ганзина

Выехали из Кольцовки полудни; напрямком через Барановку и пути всего-то 30 километров, но добрались до табунных лугов и загонов в шестом часу вечера, когда солнце стало клониться к рощам за излучиной Чульма. Там кончался Каргатский район области и начинался другой — Доволенский...

Каргат — самый дальний из райцентров для пригородной электрички, идущей туда лишь раз в день в 8 утра, и езды от Новосибирска часа четыре. Потом еще часа четыре жди автобуса, который за час с лишним проходит 35 км до центральной усадьбы совхоза «Первомайский», что и есть село Кольцовка.

Почти весь район находится на Барабинской впадине — рощи да болота. На грязи Каргата жалуются в районной газете «За изобилие» аж с самого 1930 года, но что сказать тогда о Кольцовке?! Грязь непроезжая, непролазная. Село в одну длинную, невероятно грязную улицу выходит одним концом на нежрайонный тракт, а другим неизвестно куда. Два десятка квадратных метров асфальта поровну поделены между очень красивым Домом культуры и дирекцией совхоза. Копни на локоть землю — и протупает вода малахитово-зеленая или мшисто-красная. А еще вдоль главной непроезжей улицы свалены гигантские глыбы и железные части разваленных домов. Строили по всей улице двухэтажки, а тепла на вторых этажах и желания жить в них не оказалось, — вот и развалили дорого стоявшие новостройки до привычных одноэтажек. И такое, оказывается, бывает.

...Выехали из деревни и, едва миновав мелиоративные канавы с застойной водой, пошли чесать по перелескам. Отдохнувшая каурая кобыла Галька везла нашу телегу весело и споро по еле заметной травяной колее — только берегись низких веток.

Нас в телеге двое: конюх совхозного табуна Василий Осадчий и

я. У Василия прическа скобкой, борода, усы белесые, глаза зеленые, нос горбинкой — истинный Алеша Попович с Чульма. Только что в кирзачах, джинсах протертых в белесость, голубой майке и куртке-брезентухе. Он мне приглянулся дня два назад, когда лихо гонял на красном мотоцикле вокруг недостроенной сельской больнички, в которую на время уборки поселили студенток-товароведок из города, у которых я был преподавателем. И когда я узнал, что он еще и при совхозных лошадах, то сердце сомлело — всю жизнь я думал денька хоть три-четыре пожить у лошадей! И вот получилось.

— Люблю езду с ветерком, — говорит Василий, — люблю при лошадах. И так, чтобы ночью, один с лошаду, под луной, тихо брести, — тоже люблю. Живая она скотина и очень-очень понимающая. Скажу: умнее, чем собака.

А сзади бежал, не прекращая злобно лая, трехмесячный овчаренок Джим. Пристроился под задком телеги и лаял чуть не в самое ухо.

— Чего он тап?

— В прошлый раз взял я псину с собой. Он с размаху прыгнул в телегу, лег и лежит, ухом не ведет. Так и доехал на мягком-то сене. А сейчас видит — места нет — и злится. Ничего, пусть лапы крепит. Я иду третий год волчонка. Ух, воспитаю! Не находится. Ну, и взял пока этого...

— Здесь волки есть?

— Есть. Лисы, корсаки, утки дикие, лоси, а значит, и волки. Двоих жеребят задавили в волчью свадьбу — одного просто задрали, а другого съели. Волчи свадьбы у них в марте бывают, это когда во главе бежит матерая опытная волчица, а за ней шесть — восемь волков. Найду волчонка!

До чего красива и велика наша сибирская сторсна! Стояли последние сентябрьские денечки сухого бабьего лета. В рощах сплошным ковром опята, по чистой земле громадные, как тарелки, грузди. Ни об-

лачка. Ни ветерка. Только проходят мимо золотые рощи, только мелькает под колесами полеглая стерня, зеленая бойкая трава и красный мох. Едешь, едешь, едешь — и ши души.

— Вася, расскажи о себе.

— А что о себе? Осадчий Василий Алексеевич. В последний день, тридцатого сентября, будет двадцать три года. Великий возраст. Отец за жеребятами ходит, тысячи две за свою жизнь вырастил. Я как помню себя — при отце, при лошадах. Два месяца — с четырнадцатого июля — по приказу я конюх. Предлагали мне телят. Да пускай они подохнут, телята, не пас их и не буду пасти. А лошади — это как люди, только вернее и добрее их. Сейчас мы на табуне вдвоем с отцом, каждые четыре дня меняемся. Сегодня моя очередь. Получаем с конской головы: за рабочую голову 3—66, за молодую — 2—40 на двоих. Всего выходит в месяц 180—200 рублей. Да я бы не платил, а брал деньги за это приволье.

Рощи и перелески кончилились, и развернулась необозримая степь: геодезическая вышка справа, слева — пара-другая громадных стогов, а по ходу, куда несет нас почуявшая камышный запах Галька, над самой рекой Чульмом стоит дом, и две фигурки на крыше машут. Нам туда.

ОБУЧЕНИЕ ЛОШАДИ НАЧИНАЕТСЯ

— Ну, где моя Серуха?! — крикнул Василий таким дурным голосом, что весь табун поддался в испуге в дальний угол большого открытого загона, и только одна серая лошадь осталась стоять, развернувшись головой к человеку. — Вот она, моя Серуха! Ходит с 1979 года необученная. Ходит и рожает. Чем конь дурнее, тем больше мне нравится! — сказал специально для нас и зашел в загон.

Пастухов двое — они в брезен-

тово-джинсовом рванье, при головных уборах. Саша — что постарше — в великопешнейшей черной киношляпе, Николай — в пуховой кепке набекрень. Обоим это очень идет.

— Это что за Серуха? — спрашиваю.

— Хорошая кобыла, лет восьми — десяти, но необученная, необъезженная значит. Самая что ни на есть дикая и свободная.

— А разве лошадей не загоняют в тепло на зиму?

— Нет, они ходят свободными и лето, и весну, и осень, и зиму, круглый год. Корма всегда хватает. Пшеницу и люцерну у нас всю не убирают. Лошади пробьют снег копытами и радуются гастрономии. От волков — табуном отбиваются. Это не скот. Эти — гордые. Сейчас мы бываем все время, а зимой раз в четыре дня приедем, посмотрим, обсчитаем и обратно домой. Смотри ты, что Васька-то делает?! Он ведь аховый. Сколько обучал лошадей вот так, нахрапом, ни разу даже мизинца не вывернул. Вася, не дури!

Мы подошли поближе к загону из толстых берез, редко заложённых на высоту двух метров. Василий ходил по загону, держа перед собой пятиметровый шест, на конце которого из длинного нейлонового

аркана была сделана треугольником метровая петля, — в нее он ловил голову кобылы. Ходил он, не замечая никого, кроме нее одной, и лошади бешеным потоком обтекали его. У ног Васи лошадей облаивал молодой несмышленный Джим. Вася иногда пихал его сапогом и ругался весело. Коля, тот, что в кепке, не оставался в долгу.

Василий уже взял кобылу в петлю, отбросил шест и, держась за конец аркана, бегал за ней длинными подпрыгивающими шагами, все быстрее и быстрее.

— Уздечку давай! — наконец, крикнул он.

Упал Вася. Встал. Подтягивается к кобыле. Гладит. Успокаивает: «Чего поджимаешь копыта? Хватит того, что ты меня повалила. Тпру! Трижды сбросила уздечку? Мы не гордые, оденем в четвертый. Намотаем арканчик на бетончик. Давись, давьсь, спокойней будешь!»

Выгнали табун, осталась одна Серуха. Вася похлопывает ее по боку, успокаивает.

— Передом врешет! — вдруг орет предупреждающе Саша, и Вася мгновенно отскакивает, медленно возвращается.

— Ну, будут сейчас чудеса вокруг света!

Повели лошадь на растяжках. Вася, приучая ее к себе, — ближе, на половине веревки. Табун тоже двинулся, пощипывая траву, а за ним и мы. Обошли болотце, впереди дом с колом, телегами и забегавшими вперед собаками. Там и должно начаться главное обучение.

Вдруг Серуха встала на дыбы, длинно и протяжно заржала, метнулась с огромной силой в одну, в другую сторону, одного повалила и с размаху выхватила веревку у другого. Веревка змеей ушла вслед за ней.

ЧУДО, КОТОРОЕ НАЗЫВАЮТ ЛОШАДЬЮ

И второй раз ушла Серуха. Теперь уже от самого дома, ушла по недосмотру. Понадеялся Василий — снял одну веревку, другую не одел, а потом и не успел. А за огрызок сумасшедшую не удержишь. Василий перелетел через старую, заросшую чертополохом дорогу и долго лежал головой вниз, на боку. Серуха уходила, победно ржала. Не взял! Но с уздечкой ушла! К Кривуше с табуном ушла, к дальнему изгибу Чулыма, где поутру взлетело пять диких уток. Василий, как полагается, собирался ее запрячь под телегу, загонять до седьмого пота и потом

сесть в седло. Не получалось. Поднялся Василий, с восхищением смотрел вслед уходящей Серухе:

— Этой кобыле цены не будет. — За обучение коня платят? — спросил я.

— Платят. Пять рублей. А надо бы полста — сами видели.

— А что теперь делать с Серухой?

— Веревки нет, снова арканом ловить. Снова загонять табун в загон и все сначала — арканом на месте ловить и снова выводить.

Василий оседлал Гальку, и попросили они с Сашей к Кривуше. Впереди был большой день.

Лошадь — чудо не меньше, чем человек. Это только название лошадь, конь, а на самом деле настоящее чудо. Живет, понимает, ощущает свободу, любит и облизывает своих жеребят, дружит с собакой и человеком, страшится опасности и преодолевает ее, болеет, старается вылечиться и, наконец, умирает, иногда оставляя память в людях, но чаще всего беспамятно, по-рабочему.

Лошади есть разные: рысаки, верховые, упряжные, «продуктивные» (это значит мясо-молоко) и,

конечно, местные породы. В стране нашей, судя по последним справочникам, 102 государственных племенных завода: 41 специализируется на рысаках, 35 — на верховых лошадях, 13 заводов дают тяжелоупряжных и еще 13 сохраняют местные породы. 102 конных завода ежегодно поставляют шесть тысяч породистых лошадей внутрь страны и на экспорт. Раз в пять лет составляются государственные племенные книги, чтобы знать на глубину в 100 лет и более, кто от кого пошел и кому что в наследство передано. Не у всех людей такая тщательная, «до седьмого колена», родословная! Мир уже приучен издавна ехать за лучшими лошадьми в Россию.

Человек пенил и хвалил в лошади прежде всего скорость хода и силовую выносливость. Из Европы шли к нам тяжеловозы: брабансоны, ардены, першероны, клейдесдал, суффолки — они везли много, но недалеко. С тяговой силой в 75 кг лошадь везет полторы тонны, а иные силачи — даже 20—25 тонн, — это несколько тракторных прицепов. В 1981 году на конференции по новым и возобновляемым источникам энергии, проведенной под эгидой ООН, много говорилось о лошадях — «живых двигателях», которые очень

надежны, просты в обслуживании и экономичны.

— Ну как, прокатимся на наших беспородных? Без рекордов, потихонечку-полегонечку.

Лошадь мне попала смирная, но высокая. До стремян ни левой, ни правой ногой я не достал, только брюки надорвал вельветовые. Тогда подвел коня к телеге, залез на нее и с третьей попытки уселся точно в седло. Дальше что? Ага, поводья. Натягивать-останавливать и поворачивать вправо-влево. Бьешь пятками — пошла лошадь, бьешь веткой — побежала. Ну, теоретически все понятно. Тронул бока, и пошла. Пошла! Вправо? Пожалуйста. Влево? Тоже. Но пока лучше прямо по ровной дороге. На машине вжимаешься куда-то в глубину и тянешь голову за руль, а здесь сидишь гордо, прямо, высоко, — все в округе видно.

Поддать ходу? Сжал ноги, постучал каблуками в теплый бок лошади — идет так же. Стукнул по сильнее. Спина затряслась, и я сразу же, несмотря на стремяна, носхал по седлу куда-то вбок, в сторону. Тпруу! Вот так. Теперь снова шагом. Даром, что беспородная, а все понимает. Похлопал: «Молодец, молодец». Отмахнулась. Ну, а теперь последний поворот, и прямо к дому. Какое же это чудо — верховая лошадь! Вы сидели хоть раз на лошади?!

ОБУЧЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Был час дня. Василий снял рубаху и ходил голый по поясу, возбужденно рассказывая:

— Разорвало веревку — в третий вель раз пришлось ловить!

Серуха стояла, накрепко привязанная к колу. Василий осторожно надел на нее хомут, сбрую, откатил телегу, развел оглобли, стал заводить лошадь.

— Ты чего такой дурак, а, Вася? Подкати телегу, а не лошадь, телегу подкати! — увещевает Коля.

Василий, послушавшись, подкатил телегу-бричку, подложил под задние колеса бревно, расставил оглобли ловушкой. Бьет лошадь по ногам — та не идет. Но со второй попытки удалось.

— Будут чудеса! Сейчас узнаем, что вокруг света творится! Дугу клади, оглобли повыше. Супонь затягиваем, затягиваем!..

Поперек телеги Василий положил старое автосиденье, а в задние колеса просунул палку, чтобы колеса не крутились, чтобы

тяжелой лошади было. Штормовку одел: «Чтоб шкуру не сорвать, когда падать придется. Обьежать лошадь — как на тигра идти». Снял мокрые сапоги (болото дважды помесил), одел сандалии. Приказал подалее отойти овчаркам Султану и Пальме. Подумал и снял майку из-под куртки — приготовился к купанию. Ну, теперь все?

Выкурил сигаретку, сел в конец телеги, помолчал, примерился. Потом привстал и резко обжег кобылу кнутом. Та — ни с места. Еще удар. Лошадь заплескала, резко и круто развернулась, развалила низкую печушку и пошла зигзагами: по ведрам, котлам, сеткам, моткам старой проволоки, старым детским игрушкам, новеньким изоляторам на конце истлевшего столба, вылизанным банкам. Джим не выдержал и побежал за бешеной телегой, подавая голос поддержки хозяину.

Вернулись путешественники вокруг света часа через два. Василий Осадчий был в восторге: «Сломала бричку — вон две доски торчат вовнутрь, два раза перевернулись. Хорошо идет. Поворачивает хорошо. В галоп бежит и бежит. Вожжами все руки порезала. Пусть кусается, пусть передом бьет и задом — моя! Пить хочу, не могу». И выпил воды три кружки подряд, запив полбанкой черного чая. Продолжал: «Что понял — ей другая кличка нужна. Серуха — серая, не то. Ей нужна зверская кличка. Не знаю, какая, но зверская».

Лошадь стояла в упряжке у кола. Тихо и спокойно. Не задыхалась. Только левая задняя нога надвисала — ударить кого.

Василий переоделся в ватник, рассовал курево по карманам — за два дня сменил 6 пачек «Астры» скурил. Затем набрал лошади сена на вечер и на ночь, выпряг из телеги, подпустил жеребенка. Сосунок миглом прибежал на ржанье матери. Василий жеребенка, мать погладил, сходил в дом, вытацил банку свежесоленных груздей и коробку сырых яиц — откусил верхушку и выпил яйцо, за ним и весь десяток, после занялся громадными, зеленоватыми от укропа груздями. Теперь можно и поговорить.

— Трудно было? — спросил я.

— Нормально. Стала прыгать. Потанцала вниз, в сторону. Подбрюшник лопнул. Распрыгалась. Поймали. Повели на растяжках. Кинокомедия с главным режиссером. Хомут сломала, а потом побежала на аркане как собачка. Упала на четвереньки и стала хватать траву с землей. Пантера. Ох, пантера!

— Много лошадей объездил?
 — Отец за 20 лет много, а я — за два года — десятка полтора-два. За этот месяц трех коней обучил. Вначале, помню, не я коня, а он меня обучал. Было мне годочка четыре, и я с коня упал. Конь напугался и в стремени метров пять меня протасил. Отец потом долго не разрешал к лошадям подходить. Он на бричке солыарку развозил. Пока дома обедает — я к лошадям. Отирять, вскочил, поехал. Гордился. В общем, хотя и на кинемеханика выучился и в магнитофонах разбираюсь профессионально, но к ферме привык, к лошадям. Вам-то здесь понравилась? По-моему, санитарий. Вечер скоро, а комарья нет. Тучи ушли, солнце вон какое. Нет, тут жить можно...

КОННО-ТЕЛЕЖНЫЙ ЛИКБЕЗ

Занятие по ликбезу состоялось поздно вечером. Я спрашивал, Василий просвещал меня.

— Почему лошади, на которых ездите, не подкованы?

— Не куют, потому что бегают не по асфальту и не по льду. Там без подков будут сразу хромать. А потом, где подковы брать? В городе, может, и продаются, да и то на барахолке.

— А это все сбруя?

— Сбруя: уздечка, хомут деревянно-кожаный на шею, дуга, шлея сзади, седелка на спину, чересседельник, чтобы хомутом шею не терло, вожжи. Седло: стремяна, две деревянные доски и две дуги железно-алюминиевые, две подруги, потник-войлок в 2—3 слоя, если лошадь худая. Аркан и быч. Махор по бокам в блямбах — это для украшения... Телега? Ну, колеса передние маленькие и веляют, чтобы накат был, ось и штырь в солидоле, оглобли, стесы-атосы из проволоки, передок поворота. У машины борта, а здесь правая-левая дробины с ручищами. Амортизаторов нет.

— Дорого обходятся лошади?

— Смотря по какому счету. По деревне что перевезти или на ферму килограмм 200—500 — лучше лошади не найдешь. Мотоцикл мал, а машина велика. А мы с этой милой по бездорожью, по грязи, по солонцу — везде пройдем. Для лошади нужно сена два зарода на зиму, центнеров 60, на корову же 30—40. Что корова, что лошадь стоят одинаково — 500—700 рублей. Это наши, домашние, сибирские. А племенных рысаков за 6000 руб-

лей берут. И наш совхоз покупал, только зря. Рысак не просто стоит, он требует особого ухода, кормежки, выездки. Все делаем, а когда в День животновода на скачки в Каргат выезжаем, первыми приходят не племенные рысаки, а наши лошади — сибирские.

— Это что, порода такая — сибирская?

— Нет. Это просто удобное название. Я как-то интересовался по книгам, фотографии смотрел в журнале «Коневодство и конный спорт» (он, оказывается, выходит с 1842 года). Есть старая донская лошадь, кабардинская — тоже старая порода. Плотная мускулатура, резвые ноги. Орловские рысаки, что с конца XVIII века, — на них даже в свой хоккей играют. Я сначала думал, что, вероятней всего, это пещерская лошадь, которая бродит по стране до самого Полярного круга, — некрупная, сильная, упряжная, не боится сильных морозов, а летом хоть миллиард насекомых на спину садись — только отмахивается хвостом. Только их немного осталось — 4—5 тысяч.

— А что, есть другие местные породы?

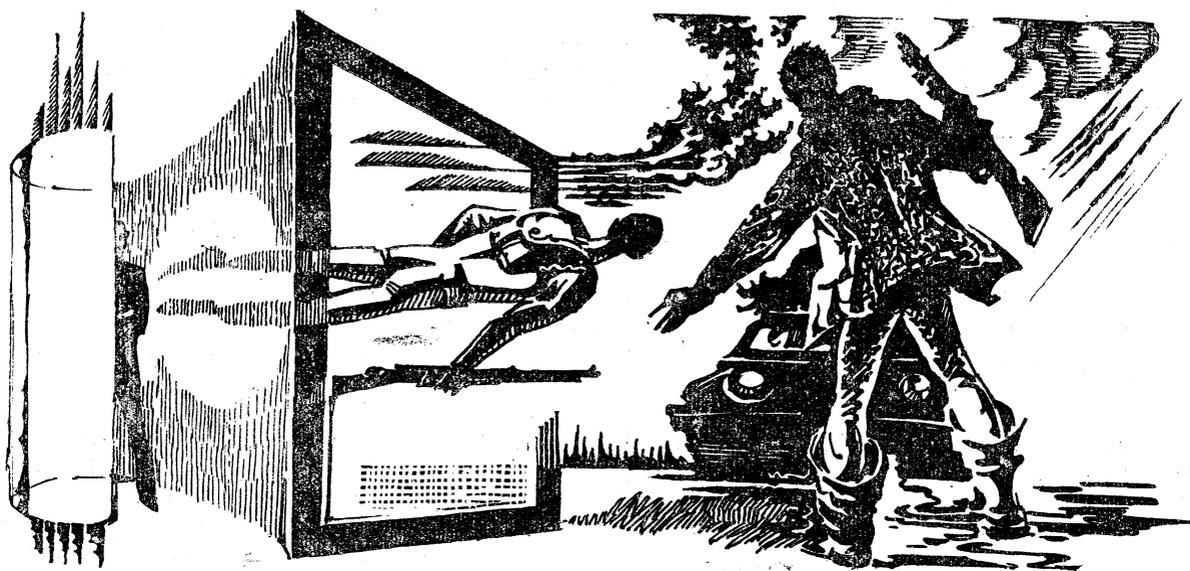
— Есть сравнительно новая кузнецкая лошадь — от скрещивания местных пород с рысаками и тяжеловесами. Думал, эта, но когда узнал, что они украшение цирковых программ, — понял: не то. Прикидывал: Казахстан близко. Может, казахская порода — тоже древняя, вес 400—500 кг, табунами ходят, их около 400 тысяч. Словом, происхождение теряется в глубине древности, кочевники на них три тысячи лет по Сибири кочевали. Их даже с хозяевами в могильных курганах хоронили. Похожи очень на сегодняшних. Решил так: это помесь казахской с местной — сибирская. Может, и ошибаюсь.

Когда мы с Василием выехали из Кольцовки, то стали свидетелями любопытного события. На перекрестке застряла в грязи небольшая колонна салатных грузовичков ГАЗ-52 в 75 лошадиных сил. Кругились, разворачивались и только увязали все глубже в едкой солончаковой грязи. Вася посмотрел, встряхнул вожжами и въехал сбоку в еще большую грязь. Объехал по самой луже, поднялся на дорогу, а дальше говорить нечего. Мы потом всю дорогу проговорили на тему, как одна-единственная лошадиная сила обходит 75, а то и 130 лошадиных сил.

Как я до этого представлял укротителей диких лошадей — мустангов? Мужики, у которых все ковбойское: рост, плечи, сапоги со шпорами на высоком каблуке, меховые или в крайнем случае кожаные штаны, огромная шляпа, ну и где-то под лассо-арканом, конечно, пистолет. Он, значит, по живописным краям и долам едет и мелодично поет, подыгрывая себе на банджо. Где-то впереди ждет его черноволося красавица в монистах поверх роскошной шали и... далее кино кончается.

И вот я у живых ковбоев. Нет у них ни одежды особой, ни хорошего ковбойского инструмента, к седлу притороченного, ни денег больших, ни женщин рядом. Есть лошади, работа — и все это самое настоящее, без блестящей кинобутафории. Свое, сибирское. Эйей, чулымские всадники, — добрых вам лошадей!

Рисунки Е. Стерлиговой

ЭКЗАМЕН

Вадим ХУДЯКОВ

Если твоя фамилия Черешин, на экзамен тебя приглашают одним из последних. За это время можно успеть переволноваться, успокоиться и снова разволноваться. Твои друзья один за другим скрываются в нуль-кабине, а ты сидишь и ждешь. Рядом сидит Ямада, но по его бесстрастному лицу непонятно, о чем он думает. А ты думаешь, какое задание попадет. И о том, что от настоящей работы отделяет лишь этот экзамен. И что с Лидой у вас, кажется, так ничего и не получилось. Ее родители, наверное, будут этому только рады. А мама, когда в прошлый раз прилетал на каникулы, больше не говорила о твоём загубленном журналистском таланте. Но губы ее были поджаты, и на столе лежал журнал с портретом Поля Мерсье в траурной рамке. А ведь ты так надеялся, что именно этот номер не попадет маме на глаза. Потому что Поль был твоим учителем, и браконьеры подстерегли его в одном из заказников Лебеда. Его убили в Сиреневых болотах, и обойма его пистолета была полна. Поль был профессионалом и асом, но никогда не стрелял в людей. Даже когда стреляли в него...

— Курсант Черешин!

Он стремительно вскочил и тут же плюхнулся обратно: кобура зацепилась за подлокотник кресла. На блудном лице Ямады появилось слабое подобие улыбки.

— Курсант Черешин! — вновь загрохотал с потолка голос инструктора. — Что вы там копаетесь?!

— Иду, иду, — отозвался Черешин, дергая непослушный ремень. Он как-то сразу перестал волноваться и лишь проклинал правило, согласно которому курсанты являлись на экзамен во всей амуниции. Отцепившись от кресла, он бегом кинулся к кабине, едва успев чертыхнуться в ответ на сказанное Ямадой традиционное «ни пуха...»

Нуль-кабина тесновата для курсанта в полном снаряжении, особенно если рост у курсанта два метра девять сантиметров и плечи соответствующей ширины. Черешин еле уместился там с винтовкой, пистолетом и ранцем антиграва. Он хотел повернуться и чуть не взвыл — жесткий футляр аптечки немилосердно впился в бок. К тому же ощутимо замутило — верный при-

нак начавшегося нуль-перехода. Счастье еще, что это длится секунды...

Вот сейчас загорится зеленый сигнал, люк раскроется, и Черешин окажется в... Тут вариантов множество. Либо его перебросят в один из земных заповедников (самое неинтересное), либо на Марс или Венеру (нуль-система пока ограничивается рамками Солнечной системы), либо в какой-нибудь из секторов Полигона. Вот уж там-то аппаратура создаст какие угодно условия. Последний экзамен. Одиночный рейд.

Сигнала все не было. Более того, кабина почему-то начала покачиваться, что в принципе невозможно. Черешин не испугался: начальство обожает сюрпризы и любит ставить курсантов в тупик. Девяносто девять процентов за то, что «авария» входит в условия экзамена.

Ну, так и есть. Пол вдруг на секунду ушел из-под ног и тут же больно ударил по пяткам. Что-то треснуло. Стены накренились. Впрочем, зеленый сигнал горит, значит, переход окончен. Черешин глубоко вздохнул — как перед прыжком с трамплина — и нажал кнопку с надписью «задание». По экранчику побежали строки: «Корунда. Светлые пески. Сезон дождей. Среднее течение Большой реки, 200 км к юго-востоку. На островке половодьем отрезано стадо псевдоланей».

И все? Стало быть, Полигон. Всего-то дел — смотреть в это самое среднее течение и перетачить псевдоланей на сухой берег. То есть не ланей, естественно, а симпатичных киберов, которые оных изображают. Так, а что мы имеем на Корунде в смысле хищников? Псевдотигры и эти, как их, летучие косатки. Придется пострелять, подумал Черешин без особого азарта.

В проем люка залетали водяные капли. Сезон дождей.

Он поежился, натянул капюшон и шагнул в мокрую траву.

Кабина, покосившись, стояла посреди небольшой лужайки. Основанием она придавила куст шиповника, раздавленные ягоды валялись на земле. Желтая листва берез никла и вздрагивала под струями дождя.

На Корунду это походило мало. На Землю это походило, вот что. Только здесь была уже осень. Да-а, начальство обожает сюрпризы и отличается своеобразным чувством юмора...

Кто-то негромко кашлянул. Черешин стремительно обернулся и замер. Шагах в двадцати от него, прислонившись к березе, стоял неподвижно парень. Взъерошенный. Бородатый. Одежды весьма странно. У ног его мокро поблескивал в траве ствол какого-то оружия. Он смотрел

на Черешина смущенно и доброжелательно. И еще. Бородач не двигался, потому что был крепко-накрепко привязан к дереву.

Он стоял так, привязанный, всю ночь и страшно ослаб. И когда посреди поляны вдруг возник серебристый цилиндр, сначала подумал — галлюцинация. Тем более что цилиндр завис в воздухе. Но потом он рухнул на землю, застыл, перекосившись, и Семен понял, что все взаправду.

Из цилиндра выбрался верзила, с ног до головы увешанный оружием. Был он немножко похож на привидение: сквозь туловище свободно просвечивали кусты и деревья. Так, пушота, перетянутая чем-то вроде портупей; на том месте, где положено быть плечу, винтовка болтается (или карабин, сразу не разберешь). Руки, впрочем, видны. Здоровенные такие грабли. И физиономия на месте. Приятная физиономия, хотя в данный момент встревоженная и недовольная. Так что, понял Семен, никакая это не пустота, а просто такой комбинезон, насквозь просвечивающий. Вроде хамелеона, хотя хамелеона в натуре Семен ни разу не видел.

Интересный комбинезон, прямо шпионский. Хотя что тут шпиону делать, в Лосиной тундре?.. Нечего ему тут делать, так что, скорее всего, никакой это не шпион. А раз так (Семен даже восхитился, до чего логично развивается его мысль), то мы имеем дело с пришельцем. С Марса, а еще вероятнее — из другой звездной системы, потому что на Марсе разумная жизнь пока не обнаружена.

На этом месте своих рассуждений Семен огорчился. Такое событие, первый контакт, можно сказать, а он здесь у березки — как Красная Шапочка после встречи с волком. Хорошенькое впечатление произведут земные дела на этого марсианина или откуда он там...

Но надо было завязывать контакт, и Семен деликатно кашлянул. Верзила круто обернулся и уставился на него с великим изумлением.

Семен улыбнулся как можно приветливее и сказал:

— Добро пожаловать! Рад приветствовать вас на планете Земля. Зе-мля. Планета такая. А меня зовут Семен. Се-мен — ферштеен? Понимаешь? Я — Семен Полунин. Охотинспектор. А это — Земля. Советский Союз.

Пришелец помолчал — как видно, вдумываясь в услышанное. Потом в свою очередь представился:

— Виктор Черешин, курсант Школы егерей Главного управления космических заповедников.

— Что-о?! — сказал Семен.

Они сидели в палатке (Полунин лишь хмыкнул удивленно, когда из маленькой коробочки появился уютный домик) и подкреплялись питательными кубиками из черешинского НЗ. Черешин молчал, и Семен тоже помалкивал, понимал — человек переживает. Кто угодно заперевживает, если его закинуть лет на триста назад. А ничего, здоровые мужики у нас в будущем. Это ж надо — космические заповедники, Школа егерей. Хороша у него винтовочка. И ножик что надо.

Семен покосился на кинжал, которым Черешин перерезал державшую его веревку, и уже совсем было собрался расспросить, в каком году состоится первый межзвездный полет и будет ли третья мировая, но вместо этого вдруг выпалил:

— Слушай, Вить, у вас там заповедники, егеря. Ты вон с каким шпалером ходишь. Это что же, и браконьеры сохранились?

— Сохранились, — грустно отозвался Черешин, думая о своем. — Еще как сохранились. Понимаешь, масса освоенных планет... На некоторых еще капитализм во всей его красе. Да и на Земле пока не все в порядке.

— Америка? — понимающе вздохнул Семен. — Соединенные Штаты?

— Не только... Знаешь, сколько стоит, например, головной щиток трипсона? При том, что трипсонов осталось не больше десяти тысяч?..

— Представляю.

Семен попытался представить себе трипсона. Перед его мысленным взором возник носорог из передачи «В мире животных»... Надо же, трипсоны! Ну, дают ребята!

— А я думал, у вас уже полный коммунизм. Мы тут строим, строим...

— Так и мы строим! — Виктор до того возмутился, что даже забыл о своих бедах. — Ты что же думаешь — сегодня заснул при социализме, а с утра пораньше коммунизм по визору объявили?!

— Почему же. — Полунин и сам уже понял, что свалил дурака. — Ясное дело, процесс долгий. Слушай! — его вдруг осенило. — Так ты же теперь нам поможешь?! Техника у вас небось не нашей чета. Расскажешь в Академии наук... Да взять все эти твои штуки, — комбинезон один чего стоит! Или... — он осекся. — Пстой, это же... Временной парадокс может получиться. Когда это еще все должно быть изобретено...

— Откуда я знаю, что получится, — с тоской сказал Черешин. — Я даже не знаю, как получилось, что меня сюда забросило. Да еще вместе с кабиной. Это ведь нуль-система, а не машина времени.

— А у вас и такая есть?

— Опыты проводятся, — Виктор пожал плечами. — Вроде даже установку собрали, я где-то читал. Но пока это все в стадии эксперимента. В общем, Сема, застрял я у вас, кажется, крепко.

— Ну так уж и застрял. — Семен очень хотел помочь этому симпатичному парню, но не знал как. — У нас тоже жить можно. Если бы тебя в Штаты занесло — тогда другое дело. А здесь СССР. Поможем. До поселка доберемся, с районом свяжемся. В Москву тебя отправят, а там — наука. Да не переживай ты, не строят твою машинку в обратную сторону!

— Настроят... — Черешин безнадежно махнул рукой.

Помолчали. Съели еще по кубику. Черешин нагнулся, поднял полунинский карабин. Прикинул по руке.

— Музейная вещица... Да, а что ты у безрезки делал?

Вот этот вопрос Семену пришлось как кость в горло. Не хотелось ему на этот вопрос отвечать.

— Да так, — начал нехотя, — привязали. Браконьеры. Здесь же заказник, Лосиная тундра называется. — Но вдруг снова нахлынули на него обида и унижение, и Полунина прорвало: — Есть тут у нас такой товарищ Кочкин, директор совхоза, красавец мужчина, чтоб ему!.. Два раза карабин у него отбирал. Да что толку, если уже через месяц ему возвращают... Царь и бог, понимаешь! А вчера лося со своими дружками завалил. Я их на этом деле прихватил, и поначалу-то ничего, не возражают, не ругаются. А начал протокол составлять — навалились скопом... Ну, и вот... А я, подлость такая, Мухтара на зимовье оставил, уж он-то бы им показал!

— Мухтар — это помощник?

— Собака. Овчар восточно-европейский. Он у меня браконьеров на дух не переносит! А тут я один. Ручкой мне помахали и уехали. Если б ты на полянку не свалился... — Семен присвистнул. — Такого, главное, лося завалили, гады! А теперь иди доказывай. До дома доберутся, мясо спрячут — и свидетелей нет.

— Та-ак... — Черешин поднялся, задев головой потолок палатки. — А когда они, говоришь, до дома доберутся?

Семен встрепенулся было, но тут же сник.

— Да нет, не догнать. У них вездеход, пешком не погонишься. Часа через три на месте будут.

Виктор вышел из палатки. Дождь сеял все так же мелко, нудно, неутомимо. Холодный ветер обдавал лицо. Влажно шелестела листва жилистых, скрученных каменных берез, чуть

слышно потрескивали сучья, темнели, понурились под дождем, кусты шиповника. Невдалеке стояла рябинка — четко выделялись ярко-красные гроздья... Земля. Наша Земля. Сейчас, сто лет назад и через тысячи лет — наша. И если ее топчут грязными сапогами... а в твоих силах сделать ее чище, хоть немного исправить зло...

— Вить, а Вить, — Семен подошел, топтался сзади. — Ты чего? Не догнать же, я говорю...

— Бери карабин, — не оборачиваясь, сказал Черешин. — Догоним.

— Нет, ты серьезно? — Полуниин засуетился, собирая вещи, возбужденно хохотнул. — Ну, дают дрозда потомки! Догоним, говоришь?! Ну, поехали! Ах, черт, они же у меня патроны забрали...

— Возьми мою винтовку.

Черешин ощутил, как накатило знакомое чувство азарта, веселая ярость, пьянящее предчувствие боя. Экзамен продолжается, и уж он-то постарается получить «отлично» за этот поиск.

— Слышь, Вить, а где у нее затвор-то?

— Вот магазин, а вот предохранитель. А это пусковая клавиша. Снимешь с предохранителя — и лупи. Пятьдесят зарядов.

— Ясно. — Полуниин для пробы шарахнул по ближайшей березе, ветку словно топором обрубило. — Сильно бьет, собака!

— Теперь обхвати меня руками и держись крепче.

И Черешин передвинул рычажок антиграва в предельное положение. Земля ушла из-под ног. Семен вцепился в плечи, горячо дышал в ухо.

Коньяк сделал свое дело. Гости захмелели, сыпали анекдотами и думать забыли о привязанном к дереву охотинспекторе. ГТС с ревом шел по тундре. Гусеницы рвали дерн, месили размокшую землю. По металлическому полу вездехода со звоном перекачивались пустые бутылки. Брезентовая крыша просела, сквозь нее просачивались темные капли крови: сверху была привязана лосиная туша. Одна капля упала на лицо гостю из сельхозуправления. Гость слизнул ее языком и глупо захохотал. Все было в порядке. Почти.

Кочкин оглянулся на согнутую спину водителя, поймал в зеркальце его хмурый взгляд. Второй гость как раз кончил рассказывать очередной — не без бороды — анекдот. Кочкин вежливо засмеялся.

— Как, говорите? Полетел в Гондурас за укропом? Ха-ха. Ну, еще по одной... Да вы

закусывайте — пока еще приедем. Одну минутку...

Цепляясь за скамейку, он пробрался к водителскому отсеку. Достал сигареты. Похлопал по карману.

— Костя, дай спичек.

Водитель, не глядя, сунул коробок.

— Что, детинушка, невесел? О чем задумался?

— Зря мы это, Сергей Петрович, вот что.

— Ты о чем, Костя? Лося пожалел? Плюнь, их по тундре много бегают. На наш с тобой век хватит.

— Вы не шутите, Сергей Петрович. — Голос водителя дрожал. — У Семена двое детишек.

Директор затянулся, пустил дым поверх его головы.

— Вот оно что! А я-то думаю, о чем это наш Костя размышляет. Мало тебя Полуниин штрафовал? За каких-то жалких гусей. Мало, да?! Детишек его пожалел? А он наших пожалеет? Ты пойми, Костя, Полуниин давно напрашивался. Я его предупреждал. Да и кто видел? Кто докажет? Ты ведь в свидетели не пойдешь? Не пойдешь, а, Костя? Что молчишь?

— Убийцей быть не хочу.

— Убийцей! Сопли развесил. Мы его разве убили?! Ну, пошутили, к дереву привязали. Приедем в поселок, заправишься — и обратно. Отвяжешь. Полуниин тебе еще и спасибо скажет.

— Правда? — Костя обернулся. В глазах его вспыхнул радостный огонек. — Нет, правда, Сергей Петрович?

— Рычаги не бросай, в канаву заедем... Конечно, правда. Да, Костя, вот еще что. Тебе мой «зауэр» нравился? Дарю! Владей. Только Полунину не показывай — отберет. Ну, рули, бродяга!

Кочкин поощрительно потрепал Костю по загривку. На секунду рука его замерла, словно собираясь вцепиться в горло не в меру совестливого водителя, и директор поспешно ее отдернул.

— Да, Полунину скажешь — это ему последнее предупреждение. Пусть из поселка сматывается. Двоим нам не ужиться. Вот так!

Кочкин с остервенением швырнул окурок на пол, придавил каблуком.

И тут ГТС стал. Костя затормозил так резко, что гости, с недопитыми бутылками в руках, попадали со скамеек, а директор с размаху «приложился» к железной стойке.

Прямо перед лобовым стеклом, широко расставив ноги, стоял отчаянный охотинспектор, всем в поселке известный Семен Полуниин. На губах его играла нехорошая ухмылка, в руках

он сжимал короткую, странного вида винтовку, а позади так же нехорошо ухмылялся здоровенный парень в небывалом, насквозь просвечивающем комбинезоне и с пистолетом наизготовку.

— Выходи, приехали,— сказал Полунин.

— Выходи!— повторил Семен и для убедительности врезал из черешинской винтовки по фаре. Брызнули осколки.— По одному.

Отрезвевшие браконьеры нехотя выбрались на свежий воздух.

— Значит, программа у нас будет такая,— продолжал Семен.— Ты, Костя, доставай тросик и вяжи высоким гостям руки. Вот так, молодец. Нет, уважаемого директора совхоза не трогай. Пусть пока так постоит. Теперь забирайся в кабину и дуй в поселок. Привезешь участкового уполномоченного товарища Трифонова. Скажешь, я усиленно прошу. А мы пока побеседуем.

Вездеход вновь загрохотал, рванул с места и пошел в сторону поселка. Кочкин проводил его тоскливым взглядом.

— А теперь иди сюда.

Семен вернул винтовку Черешину и деловито засучивал рукава.

— Не имеешь права,— хрипло сказал директор.

— Имею, имею,— успокоил Семен.— Я тебе сейчас все мои права распишу.

Черешин прекрасно понимал, что должно произойти, но не вмешивался. С какой стати? Это дело их двоих — Полунина и этого... Кочкина.

— Привязать бы тебя к березе,— мечтательно сказал Семен,— да все березы в лесу остались.

И тут раздался хорошо знакомый Черешину голос. Он произнес:

— Что происходит? Докладывайте, курсант Черешин!

И на поле битвы собственной персоной вступил начальник Школы егерей Главного управления космических заповедников сэр Джордж Берроу-старший. И Черешин понял, что его все-таки нашли.

— В норме.— Врач отошел от браконьеров, тщательно упаковывая шприц.— Завтра проснутся и ничего не вспомнят. Может быть...— он возпросительно посмотрел на Берроу.

— Этого не надо, он и так никому не расскажет,— сухо ответил сэр Джордж.— Правда, был еще водитель...

— Костя?— Полунин замотал головой.— Да он с перепугу все позабудет!

— М-да?— Начальник Школы егерей скептически поджал губы.— Впрочем, насколько я понимаю, он вне пределов нашей досягаемости. Ладно, будем надеяться. Черешин, прощайтесь с вашим товарищем, нам пора.

Сотрудники Института времени скрылись в недрах своей экспериментальной машины. Там уже находилось черешинское снаряжение и— в разобранном виде— нуль-кабина. Из недр доносились возбужденные голоса: сотрудники пытались выстроить хоть сколько-нибудь правдоподобную гипотезу по поводу происшествия с курсантом.

— Быстрее, курсант.— Берроу шагнул к машине.— Энергия уходит.

Виктор пожал руку Полунину.

— Прощай, Сема.

— До свидания. Я рад, что тебя нашли.— Семен хотел еще что-то сказать, но не мог подобрать нужных слов. Тогда он просто снял с плеча свой карабин, снова заряженный.— Держи. На память.

— Спасибо, Сема.— Черешин воровато оглянулся, Берроу не было видно.— Эх, была не была, создадим временной парадокс!

— Спасибо и тебе.— Семен принял ответный дар— нож из будущего, сделанный, надо полагать, из неизвестного пока науке сплава.— Ну, бывай!

Высокая фигура в проеме люка. Грустная улыбка. Прощальный взмах руки.

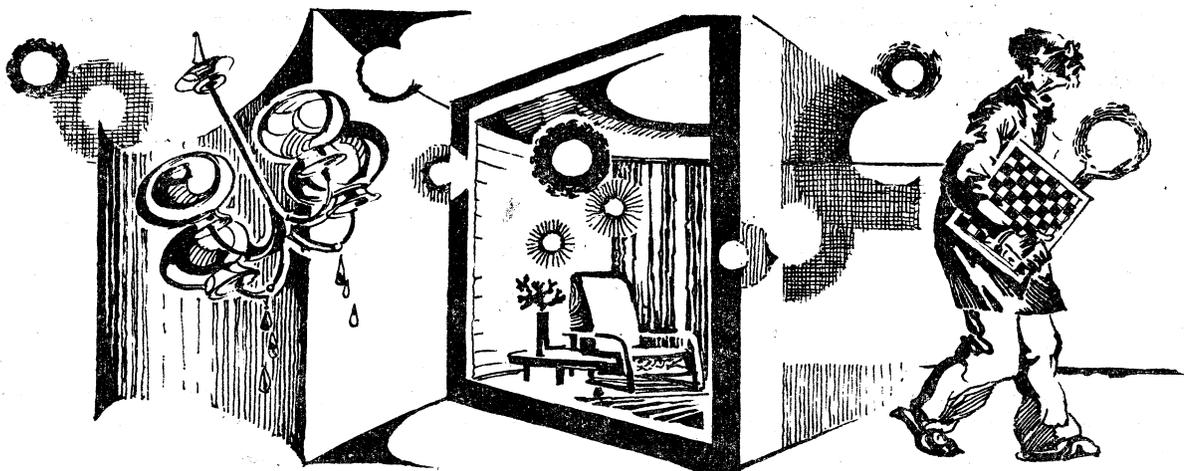
И все. И растаяла машина в воздухе.

— До свиданья,— еще раз пробормотал Семен Полунин.

Издалека донесся рокот мотора. Это спешил из поселка участковый уполномоченный.

По экранчику побежали строки: «Корунда. Светлые пески. Сезон дождей...» Черешин натянул капюшон и вышел из нуль-кабины.

Сиреневый ливень хлестал по бирюзовым барханам. Из-за облаков на курсанта стремительно спикировал кибер, изображавший летучую козатку. Два выстрела разнесли его вдребезги. Полунинский карабин бил без промаха.

СВЕТИЛЬНИК

Станислав СОЛОВЬЕВ

Архипов оторвал взгляд от светильника и посмотрел на продавца; тот улыбался. «Наверное, залежалый товар», — подумал он и снова взглянул на витрину. Небольшой, янтарного цвета шарик тихо лежал на синем пластике и светился ровным приятным светом.

— А электричество откуда? Шнура что-то не видно, — спросил Архипов как можно солиднее.

Продавец мгновенно ожил:

— О, это новая модель! Электричество находит сам и потребляет методом непрямого контакта.

— Так уж и сам?

— Именно так. Вот здесь, под витриной, электропроводка проложена. Вот Светлячок, так этот светильник называется, и пристроился точно над ней. Он вообще все сам делает! И место оптимальное находит, и форму в соответствии с интерьером принимает, и освещенность регулирует. Чудо, а не светильник!.. Ну как, берете?

Архипов вспомнил свою старую настольную лампу. Некрасивая, громоздкая, вечно пыли полно...

— Заверните! — решительно сказал он и пошел к кассе.

Дома Архипов включил верхний свет, поставил пенопластовую коробку с покупкой на стол и осторожно снял крышку.

— А где же инструкция? — пробормотал он

удивленно. — Ну вот, так всегда... Что-нибудь да обязательно забудут положить!

Он вытащил светильник из коробки и опустил на стол. Янтарный шарик задумчиво качнулся, потом вдруг резко сжался и подпрыгнул к потолку.

— Ух ты! — Архипов испуганно отпрянул от стола.

Но ничего страшного не произошло. Светильник превратился из шара в крупную полусферу и застыл на потолке точно над письменным столом. Комната наполнилась приятным янтарным полумраком. В то же время стол был освещен достаточно ярко.

— Интересно, — сказал Архипов. Выключив старую люстру, он пошел проверить, много ли энергии потребляет Светлячок.

Движение электросчетчика было едва заметным.

— Вот и хорошо! — Архипов устало опустился в мягкое кресло, потянулся за газетой. Светлячок тут же оказался над ним.

— Умница! — похвалил его Архипов. Отложив газету в сторону, он оглядел комнату и с удивлением обнаружил, что впервые она не кажется ему необжитой и пугающе одинокой. Что-то изменилось. Что?.. Похоже, поселились в ней комфорт и покой. И все это благодаря новому освещению. Архипов задумался. Раньше он не размышлял над ролью света в жизни человека. А ведь как все просто!

Вечер пролетел быстро. Архипов снял с полка люстру, спрятал в чулан настольную лампу, прибрался в комнате. И странно, домашние заботы не показались ему обременительными. Может быть, потому, что все время Светлячок неотступно следовал за Архиповым, светил. Помогал.

Часы пробили одиннадцать вечера. Светлячок тревожно замигал.

— Что случилось? Уж не испортился ли ты, дружок? — заволновался Архипов. Незаметно он стал относиться к светильнику как к живому существу.

Светлячок в ответ продолжал мигать. Что-то знакомое показалось Архипову в этих быстрых вспышках.

...Море. Шторм. Молодой матрос-сигнальщик Архипов стоит на вахте. Рядом командир. Он диктует, Архипов передает. Тире-точка, точка-тире — мигает прожектор... Азбука Морзе!

— В-а-м п-о-р-а с-п-а-т-ь! В-а-м... — сигнализировал Светлячок.

— Так ты еще и разговариваешь? — удивился Архипов.

— Д-а. Я и-з н-о-в-о-г-о п-о-к-о-л-е-н-и-я б-ы-т-о-в-ы-х и-н-т-е-л-л-е-к-т-у-а-л-ь-н-ы-х э-л-е-к-т-р-о-п-р-и-б-о-р-о-в.

— Ух ты! А что еще умеешь?

— М-н-о-г-о-е. Н-о в-а-м п-о-р-а о-т-д-ы-х-а-т-ь.

Архипов развел руками.

— Ну, что с тобой делать! Подчиняюсь.

В приподнятом настроении он сходил в ванную, умылся и лег в постель. Светлячок золотистой каплей повис над кроватью и стал тихо раскачиваться, постепенно угасая. Через несколько минут Архипову показалось, что вся комната слегка покачивается и поскрипывает. «Как кубрик корабля, идущего в далекую гавань...» — подумал он, засыпая.

За окном то ли шумело море, то ли падал на город дождь.

Через несколько дней Светлячок попросил Архипова взять бумагу, перо и продиктовал список из двадцати наименований.

— Олово, вольфрам, янтарь... Ничего не понимаю! Зачем тебе все это? — спросил Архипов, удивленно глядя на Светлячка.

— Н-у-ж-н-о. У м-е-н-я т-а-к-а-я п-р-о-г-р-а-м-м-а. М-н-е б-е-з э-т-о-г-о б-у-д-е-т п-л-о-х-о, — грустно промигал Светлячок.

— Ну, ладно, ладно. Достану. Ты только не раскисай.

В тот же день, сразу после работы, Архипов

отправился в поход по магазинам и знакомым выполнять заказ Светлячка. Хуже всего дело обстояло с янтарем. Его и требовалось-то несколько граммов. А где их взять? В конце концов Архипов махнул рукой и купил дорогой янтарный мундштук.

— Для друга ничего не жалко! — сказал он Светлячку, высыпая из портфеля все, что требовалось по списку.

— С-п-а-с-и-б-о! — коротко просигналил Светлячок.

Ночью, сквозь сон, Архипов слышал непонятные мелодичные звуки. В комнате сильно пахло горелой канифолью. «Не случилось бы пожара...» — равнодушно подумал Архипов, поворачиваясь на другой бок.

А утром его разбудил яркий свет. Архипов открыл глаза. Свет сразу же померк. С удивлением Архипов посмотрел на потолок, где в один ряд выстроилась гирлянда из шести одинаковых Светлячков.

— Д-о-б-р-о-е у-т-р-о! — дружно промигали они Архипову.

— Здравствуйте... — ответил он несколько озадаченно.

— Т-ы н-е с-е-р-д-и-ш-ь-с-я н-а м-е-н-я з-а Э-Т-О? — спросил Светлячок, который был ближе всех.

Архипов улыбнулся.

— Нет. Я так понимаю, что это и есть твоя программа? — спросил он, указывая на остальных Светлячков.

— Д-а. Т-е-п-е-р-ь н-а-м б-у-д-е-т в-е-с-е-л-е-е!

— Это точно, — подтвердил Архипов. — С детьми всегда веселее.

Жизнь Архипова изменилась. Ему больше не приходилось выдумывать ежедневно десятки причин, чтобы оттянуть возвращение в свою пустую, скучную квартиру. После работы он спешил покончить со всеми житейскими делами, чтобы как можно скорее оказаться дома, где его ждали Светлячки.

Однажды вечером Архипов в полном домашнем окружении разгадывал кроссворд.

— Река в Индии, из четырех букв! — торжественно произносил он и хитро оглядывал озадаченный янтарным светом потолок.

— Г-а-н-г, — сигнализировал один из Светлячков.

— Правильно, — говорил Архипов и вписывал в пустые квадратики разгаданное слово.

— А теперь вот это... Английский поэт-романтик...

Дверь в комнату неожиданно распахнулась,

и на пороге появился сосед-пенсионер Мареньков. В руках он держал электрическую лампочку.

— Дмитрий,— сказал Мареньков, не здороваясь,— ты извини, что я без стука. У меня, понимаешь, только что последняя лампочка перегорела, а до завтра надо обязательно один этюдик шахматный решить. Ты не мог бы мне лампочку одолжить?.. Ой, что это?!

Мареньков с открытым ртом уставился на потолок, где в кружок собралась веселая компания Светлячков. Архипов улыбнулся:

— Разве не видишь, светильники новые.

— Кра-со-та...— протянул Мареньков, любуясь приятной игрой света.— И уютно-то как! Вот бы мне такое.

Архипов вопросительно посмотрел на старшего Светлячка.

— Н-и-ч-е-г-о н-е и-м-е-е-м п-р-о-т-и-в,— просигналил тот.

Одна из полусфер погасла и, превратившись в шарик, прыгнула Архипову в руки.

— Ой!— вскрикнул от неожиданности Мареньков.

— Бери, Захарыч, пользуйся,— сказал Архипов, краснея от щедрости.

— Спасибо, Дмитрий! Спасибо, Прометей ты мой любезный... А как включить-то это чудо?— Мареньков осторожно повертел светильник в руках.

— А никак. Ты его на стол положи, а дальше он все, что нужно, сам сделает. Не сомневайся!

— Чудеса,— сказал Мареньков и повернулся, намереваясь уйти. Светлячка он бережно прижимал к груди, как младенца.

— Да, Захарыч, чуть не забыл. Ты азбуку Морзе знаешь?

— Это не обязательно,— раздался в комнате негромкий, хорошо поставленный голос.

— Кто это?— сиплым шепотом спросил Мареньков, вжимая голову в плечи.

— Это мы, Светлячки,— сказал тот же голос. Архипов растерянно опустил на стул.

— До сих пор вы говорили азбукой Морзе...— сказал он, глядя в потолок.

Светлячки перемигнулись.

— Наша программа предусматривает индивидуальный подход к владельцу. Тебе было приятно вспомнить молодость. Поэтому мы использовали азбуку Морзе. Ведь мы не ошиблись?

— Нет...— ответил Архипов после паузы. «Они знают меня лучше, чем я сам... Они умнее меня!»— подумал он и впервые почувствовал себя неуютно в присутствии умных Светлячков.

Спал он плохо. Всю ночь ему снились говорящие утюги и глубокомысленные портфели.

Везде и всюду разумные вещи преследовали Архипова и учили жизни, манерам, порядку...

В шесть утра его разбудил громкий стук в дверь. Архипов сбросил одеяло и сел на кровати. «А если и впрямь все вещи в доме станут умными? Что тогда?!»— ошалело подумал он, не в силах забыть ночной кошмар...

Едва Архипов открыл дверь, как Мареньков сунул ему в руки Светлячка.

— Забирай, Дмитрий, свою чудо-технику!— сказал сосед сердито.

— Ты чего, Захарыч?— удивился Архипов.

Мареньков обиженно потер кулаком слезящиеся, красные глаза и сказал:

— В шахматы мы играли! Всю ночь! Раз сорок, наверное...

— Так чем же ты недоволен? Все знают, что в шахматах ты дока.

Услышав это, Мареньков даже побледнел.

— Вот именно!— крикнул он.— Я сразу раскусил, что твоя лампочка хитрит! Поддается мне! Жалеет! А жалеют знаешь кого?! Слабых да немощных! Я что же, немощный?!

Мареньков расстроено махнул рукой и ушел.

Архипов положил Светлячка на стол. Сам сел рядом и задумался.

Можно ли распоряжаться вещью, которая умнее тебя? Зачем вещам разум?

Он посмотрел на притихших Светлячков,— словно понимают, что их судьба решается... А ведь Светлячки любят людей. У них такая программа. Архипова они спасли от одиночества... Маренькова тоже пожалели. Ведь его каждый пятиклассник в шахматы обыгрывает, а старик очень переживает. Оттого и занялся решением этюдов. Чтобы соперника не видеть... Другое дело, что, несмотря на весь свой интеллект, Светлячки все-таки ошибаются. Не всякий сегодня готов принять открытую помощь от друга, не то что от собственной вещи.

Друга? Вот! Вот в чем дело! Светлячок не просто вещь! Это вещь-друг. А значит, и относиться к нему надо как к другу, не сокрушаясь по поводу того, что он умнее... Непривычно... Вещь перестает быть мещанской принадлежностью! Не так ли?..

— П-о-р-а г-у-л-я-т-ь!— робко просигналил старший Светлячок.

«Испугались после вчерашнего. Снова на Морзе перешли»,— подумал Архипов и покраснел за себя и Маренькова.

— Вот что,— сказал он Светлячкам,— сегодня начнете учить меня играть в шахматы. А то стыдно даже! До сих пор не умею. Согласны?..

ОТЧИЙ ДОМ

Владимир САМСОНОВ

Дорога вьется меж старых, обросших бороатым лишайником елей, так густо сплетенных ветвями, что сквозь них едва просеиваются брызги солнечного света. Иногда то там, то сям тянется черничник. Но вот дорога становится уже, пересекает ручей, взбирается на бугор; здесь она совсем исчезает. На вязкой комкастой земле остались только едва заметные следы от наезженного зимника. Дальше начинается пашня, за ней виднеется деревня с двумя посадами изб. Одна из них — наша, с обомшелой тесовой крышей. Рубил избу когда-то дед Макар Богомолов. В деревне у многих такая фамилия. Впрочем, не меньше и Косолаповых. Большинство между собой родственники.

Деда Макара в деревне уважали. Помню, в весеннюю пору дед брал меня и младшего братишку — белобрысого в конопушках Николку, и мы, утопая в лужах внешней воды, шли к пашне. Дед, высохший, как корень дерева, опускался на колени у края борозды, мял в ладонях комья земли, подолгу смотрел на ее темные крупицы. Обычно говорливый, он становился задумчивым. Мы терпеливо ждали, когда он закончит свое непонятное занятие.

Словно очнувшись, дед поднимался, тихо чему-то улыбался и говорил:

— Радуйтесь, внуки. Земля водою омыта — будет вволю жита.

Я и радовался, но только тому, что дед опять становился ласковым и говорливым. А что сказал он — это не представлялось мне столь уж важным.

...С последней нашей прогулки в поле прошло много лет. Деда схоронили на сельском погосте перед самой войной.

...Холодной выдалась зима сорок третьего года. Огромные сугробы снега лежали поперек улицы — неподвижные, простегнутые тропинками. Редко кого увидишь на улице: в деревне одни старики да ребяташки. Мать и Колька укладывались на одну кровать, а я — на другую. Долгая ночь настолько выстуживала дом, что вода застывала в ведрах у порога.

Я ложился спать позже, после того как справлялся с уроками и делами по хозяйству. Керосина для лампы не было, и я делал уроки при свете лампадки, сняв ее с цепочки перед иконой и поставив в стакан, чтобы не падала. Мать в бога не верила — икона осталась висеть в углу избы с времян, когда был жив дедушка.

Моя помощь по хозяйству заключалась в том, что надо было сходить в сарай и обиходить корову Звездочку. Потом — принести дров, заложить их за печку, чтобы к утру подсохли. Я надевал большие отцовские валенки, полушубок и выходил во двор. Мне нравилось ходить в сарай, проверять, как чувствует себя Звездочка. Она лежала на сухой соломе. В больших ее глазах отсвечивался свет фонаря, в который я ставил все ту же лампадку.

Корова внимательно и долго смотрела на меня, за-

тем шумно вздыхала, словно сочувствуя человеку. Я сидел на корточках и гладил ее широкий лоб.

В такие минуты думалось о многом: об отце, который где-то воевал с фашистами, о брате Кольке, у которого нет зимнего пальто и потому всегда с нетерпением ожидавшем моего возвращения из школы, чтобы в моем полушубке выйти на улицу. Каждый день он задавал мне один и тот же вопрос: «Петь, а вам говорили в школе, когда война кончится? Когда папка вернется?»

Но больше всего я думал о маме. Я понимал, как трудно ей растих нас, как много она работает, как темными ночами подолгу не может заснуть, вспоминая об отце. Бывало, и заплачет тихо-тихо, чтобы мы не слышали.

Утром чуть свет мама поднималась. Я видел, как она медленно, осторожно, чтобы не разбудить нас, одевалась, туго завязывала платок на голове и уходила на кухню. Лучину, которую мы иногда зажигали по вечерам, мать не трогала, так и ходила в темноте. Потом топила печь. Трещали дрова, и тепло плыло по избе.

Облака... Они словно напуганы войной: торопливо плывут на восток и причудливыми тенями окрашивают в черный цвет невспаханые поля, непривычно желтеющие прошлогодней стерней. А по всем срокам сев должен быть давно закончен. Шла вторая военная весна. Вся лучшая техника, как и опытные трактористы, на фронте.

Егор Косолапов, наш председатель, за глаза которого мы звали Косолапычем, велел колесникам (так называли трактористов, работающих на колесных тракторах) и прицепщикам срочно собраться у вагончика. Была утренняя перемена.

— Быстренько, быстренько, поторапливайтесь, — кричал Косолапыч.

Был он ниже среднего роста, слегка сутулый, вертикальный, несмотря на то, что вместо левой ноги у него была деревяшка. Он уже побывал на войне и вот вернулся. Теперь он командовал нами, пятнадцати-шестнадцатилетними парнишками и женщинами.

Зачем нас собирал Косолапыч, мы не догадывались: вроде бы никаких уполномоченных не приезжало. А то, что мы запоздали с севом, ясно всем.

— Все в сборе? — уточнил председатель.

И тут мы услышали действительно очень важное сообщение. Косолапыч взял на себя большую по тому времени ответственность. Видя безвыходность положения с севом, он принял единичное решение: тот тракторист, который вспашет за неделю больше других, будет премирован литром керосина. А что означал этот литр в то время, когда жгли березовые лучины, чтобы осветить избу!

Выслушав Косолапыча, мы быстро разошлись к своим «комольям», без фар, тракторам и, ревниво поглядывая друг на друга, быстро запустили двигатели.

Работали мы чертовски, без продыха. Бутылку молока с ломтем хлеба проглатывали прямо в борозде, среди грачей, следующих за пахущим трактором. И хоть на разговоры времени не тратили, но придирчиво следили за ходом пахоты. У Митьки Косолапова вдруг случилась беда: вылавился подшипник двигателя. Здоровый и задорный подросток не смог сдержать слез и, расстроенный, ушел за вагончик...

Пустые бутылки мы хранили подалеже от посторонних глаз, надеясь в душе, что именно в них и будет залит премиальный керосин.

Прошла неделя. Надо было видеть победителя, когда он, тщательно закуорив заветный сосуд, прятал его под телогрейку и уходил вечером в деревню. Сегодня

у него в избе загорится трехлинейная лампа со стеклом. И всю неделю в этот дом будут собираться по вечерам солдатские вдовы, матери воюющих и без вести пропавших сыновей, старики и старухи, которым не спится в эти тревожные ночи. Будет идти неторопливый, трудный разговор. Иногда кто-то всхлипнет, кто-то выругается. А иной раз в разговор вдруг ворвется щемящий душу женский крик-плач с такими причитаниями, что все опускают головы.

Пройдет неделя, и в другой избе загорится лампа со стеклом: дважды подряд получать премию почему-то никому не удавалось. И опять идут люди на посиделки, на огонек, не сговариваясь. Горе сблизило, сроднило.

Пятая премия была моя.

...И снова наступила зима. Я сидел у окна и, откинувшись на спинку парты, смотрел в окно, туда, за овраг, где на высоком откосе стояли тополя, за которыми в дымке и стуже виднелись коровники. Из открытых дверей густо валил пар. А вот и мама. Я узнал ее сразу, маленькую, худенькую. Потом видел, как от избы правления, застегивая на ходу телогрейку, бежала Паша Косолапова. «Что бы это значило?» — подумал я, а сердце застучало, заняло в груди.

— Простите, Анна Ивановна, — крикнул я учительнице и бросился к выходу.

В правлении колхоза, когда я прибежал туда, было шумно. Постепенно стало ясно, что к чему. Позвонили со станции: прибывает санитарный эшелон, и в нем — отец. Раненый. До прихода поезда оставалось четыре часа. Мама тормозила председателя:

— Егор, дай лошадь.

— Нету, — хмурился Косолапыч. — Всех разослал...

Схватив за руку, мама потащила меня за собой. Мы бежали полем. Скрипел под ногами снег. Красное солнце опускалось к горизонту, и стужа захлестывала дыхание.

— Не отставай, сынок. Вдруг поезд раньше придет, — торопила мама.

Сзади зафыркала лошадь.

— Садитесь, — крикнул дядя Егор, едва сани поравнялись с нами.

До чего же молодец дядя Егор! А как же? Они с отцом моим — закадычные друзья. На фронт ушли вместе. Только вот Егор вернулся без ноги, а отец вот сколь еще воевал.

— Не бойсь, теперь успеем, — успокаивал нас дядя Егор. — Какой он теперь — Никола? Почитай, третий год не виделся. Если ранение легкое, будем просить оставить его в деревне. Долечим сами.

Санитарный поезд прибыл вовремя. Из вагонов выпрыгнули военные. Мать бросилась было спросить об отце, но ее остановил Егор.

— Жди тут. Я сам.

И пошел фронтовик, припадая на деревянную ногу, стал разговаривать с военными. Мы подошли к ним.

— Богомоллов, значит? — спросил капитан. — В шестом вагоне.

...На нижней полке лежал отец. Забинтованные голова, руки. Воспаленные, немигающие глаза. Худое желтое лицо.

Мама упала на колени, прижалась к отцу, заплакала. — Ленушка, родная моя, — прошептал отец. — И ты здесь, Петя? А, и Егор... Ты, Егор, не оставь моих...

— Через пять минут отправляемся, — предупредила санитарка. — Прощайтесь. — Насилу оторвал я маму от отца. Пришел капитан, под руку вывел ее.

Поезд ушел на восток.

...Много лет минуло с той поры. Сколько раз, ломая синий лед, вырывалась из берегов наша речка Быструшка. Сколько раз буйным цветом полыхали луга, колосилась рожь...

Отец не вернулся — умер в госпитале.

Не стал я механизатором, как хотела того мама, да и сам когда-то.

У судьбы своя логика. Я закончил высшее военное летное училище.

Где-то высоко, среди звезд летит мой воздушный ракетносец. Сегодня обычный тренировочный полет на дальность. Баки самолета заполнены многими тоннами керосина. Внизу море огней. И среди многих и многих деревень и сел, над которыми летит управляемый мной корабль, я знаю, отдельным светящимся островком выделяется и моя родная деревня — Богомоллово. Мой отчий дом.

Я смотрю вниз на эти огоньки и чувствую, как в груди что-то поднимается и перехватывает дыхание. Я представляю, как мой ракетный корабль глотает и глотает тонны чистейшего керосина, и вспоминаю вдруг ту, запомнившуюся на всю жизнь, первую премию, которую я получил в войну: литр желтого керосина.

НА РОДИНЕ НАЧДИВА

Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ

Есть в Белоруссии, недалеко от древнего города Полоцка, небольшая деревня. Приютилась она на берегах красивого озера с чистой, прозрачной водой. Много таких деревень на Полотчине, но эта отличается от других названием, не похожим на традиционные белорусские. В честь знаменитого земляка, легендарного героя гражданской войны назвали деревню Азино.

Здесь 26 сентября 1895 года родился будущий красный командир, а в соседнем Полоцке окончил он городское училище. Здесь оставил он родных, уйдя в 1916 году на фронт.

В деревню, в сельский Совет едут и идут туристы, журналисты, историки, шлют свои запросы красные следопыты, собирая факты биографии легендарного начдива 28-й «железной» азинской дивизии.

Ольга Дмитриевна Кондрашева, одна из старейших работниц Совета, показывает большую книгу, где бережно собраны документы, связанные с биографией земляка.

— Мы собираем все, что касается нашего прославленного односельчанина. В средней школе, носящей его имя, открыт музей.

Несколько лет назад встречался я в Полоцке с родной сестрой Азина Ольгой Мартыновной, ее уже нет в живых, как, наверное, и других близких родных героя.

— А Мария Петровна Бердашкевич? — живо возражает собеседница. — Она племянница Владимира Мартыновича, дочь его сестры.

...На окраинной улице, усаженной стройными тополями, обыкновенный сельский дом. Мария Петровна — высокая, худощавая, с живыми голубыми глазами на строгом лице, чем-то неуловимо напоминает облик Азина, известный по портретам.

— А мама еще больше была похожа на своего брата, — говорит Мария Петровна.

В прошлом учительница, Мария Петровна много слышала о детстве, юношеских годах В. М. Азина из семейных преданий.

— Мы с сыном не единственные родственники Азина, — говорит Мария Петровна. — В Полоцке на улице Сушкова живет его двоюродный брат Андрей Иванович Азин.

Еще один человек, живущий в Полоцке, имеет отношение к жизни легендарного начдива. Это пенсионер Георгий Федорович Неустроев. Воспитанником он служил в азинской дивизии, был музыкантом духового оркестра, прошел боевыми дорогами гражданской по всему Уралу. Неустроев — автор многих статей об Азине, частый гость красных следопытов.

Средняя школа № 10 в Полоцке носит имя своего славного земляка. Перед входом в здание — бронзовый бюст. Владимир Мартынович изображен в паняхе и бурке, таким, каким был он во время освобождения от белогвардейцев столицы Урала Екатеринбурга.

В окна заглядывают стройные белоснежные башни знаменитой Полоцкой Софийки — одного из трех славных соборов Киевской Руси, над тихой Двиной медленно проплывают облака. И будто какими-то невидимыми прочными нитями в такие минуты связываются и этот древний белорусский город, и бескрайние уральские просторы. И слышится биение горячего сердца большевика-интернационалиста, и живет его дело в нашей дружбе, в нашей общности, в верности высоким коммунистическим идеалам.

Фото Эрнста Тетеревского

ВОСЕМЬ ГЕРОЕВ ИЗ ОДНОЙ ШКОЛЫ

Иван ТЕТЕРЮКОВ,
ветеран труда, токарь-универсал

Кто бывал на Южном Урале, знает, как красив этот край, — густые леса, скалистые кручи, обильные озера. Здесь, в живописной долине реки Сим, и расположился Аша — тихичный рабочий городок.

Давно, еще в 1935 году, построили для своих детей ашинские металлурги большую красивую школу-десятилетку.

Был я недавно в этом своем родном городе — он недалеко от Сима, где живу и работаю. Совсем близко, что называется, палкой через гору можно перекинуть. Прошел мимо школы, не удержался, заглянул туда, как-никак — юбилейный срок: пятьдесят лет исполнилось ей. Вдохнул, вспомнив прошлое. Сейчас школа, увы, не такая шумная и многодетная, как во времена моего ученичества. Школ-то стало много, а ребятни не хватает. Еле-еле нынче на одну смену наскребли учеников. А когда-то здесь размещалось до полутора тысяч воспитанников. В классе по сорок человек сживало. Жизнь кипела! С такой шумной армией могли управляться только самые выносливые и быстрые во всех делах учителя. Да и то сказать, в те годы две трети из них были мужчины. Вспоминать о них радостно. Когда после войны ашанцы вернулись в свой город, школа стала похожа на военное училище. Директор — майор, один завуч — капитан, другой — лейтенант. Были и старшины, и сержанты. А уж в вечерней что творилось! По партам расселись парни в шинелях, бушлатах, тельняшках, фуфайках, от которых так и попахивало порохом.

В своих воспоминаниях маршал бронетанковых войск Ротмистров писал: «В годы войны небольшой уральский городок Аша дал самое большое количество добровольцев в Уральский добровольческий танковый корпус. Старшеклассники, учителя, во главе с первым директором школы Б. В. Пуреховским, сражались на фронте».

Во время войны в школе был госпиталь. А как кончилась война, 1 сентября 1945 года классы снова заполнили ученики. Вскоре над парадным входом и появилась памятная доска, а на ней — славные имена выпускников.

Герои Советского Союза:

ЗЕЛЕНЦОВ В. В.
НЕЛЮБИН И. Я.
ПОПОВ Г. П.
ПИЛЮТОВ П. А.
ИЗЮМОВ Н. А.

Герои Социалистического Труда:

ПОПОВ Ю. М.
ВАЛИХАНОВ А. В.

Кавалер трех орденов Славы
МАСЛЕНИКОВ П. А.

Есть что вспомнить школе за полвека, есть чем гордиться. И конечно — этой памятной доской. Хотя и щедр наша земля на замечательных людей, не знаю, где еще в стране школа, из стен которой вышло столько героев.

Есть ИДЕМ!

Станислав ЗИГУНЕНКО

Фото автора

КАЖДЫЙ ГОД ДАЕТ НЫНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ БОЛЬШЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ, ЧЕМ ДЕСЯТИЛЕТИЯ, А ТО И ВЕКА ПРОШЛОГО. ПРОГРЕСС ДВИЖЕТСЯ С ТАКОЙ СКОРОСТЬЮ, ЧТО ПОСПЕТЬ ЗА НИМ МОЖНО, ЛИШЬ НАБРАВ РАЗГОН ЕЩЕ В ЮНОСТИ, КОГДА ГОЛОВА СВЕЖА, А МЫСЛИ МОЛНИЕНОСНЫ.

СОВРЕМЕННОМУ ШКОЛЬНИКУ ПО СИЛАМ ЗАДАЧИ НЕ ТОЛЬКО ИЗ УЧЕБНИКА.

Сапожников, сын Сапожникова, изобрел самонадувающийся спасательный пояс и занял на районном конкурсе юных изобретателей первое место. Идея его была проста, как жареная репа.

Берутся две гибкие пластины разной длины и прикрепляются к стенкам плоского мешка из водонепроницаемой ткани. В случае нужды человек огибает вокруг пояса короткую пластину, образуя круг малого диаметра, в то время как длинная пластина образует круг большого диаметра. Мешок растягивается, в него входит воздух, и останется лишь завинтить пробку на отверстии в большой пластине.

Конечно, после этого Сапожникова стали спрашивать, как он добился такого успеха.

— Я сначала разозлился, — пояснил изобретатель. — Долго очень... спасательный пояс надувать. А надо, чтобы он сам воздух всасывал, как велосипедный насос, когда обратно тянешь. У насоса одна стенка от другой отходит... ну, поршень, а внутрь воздух всасывается...

А разозлился Сапожников потому, что ему стало жалко кукольников, о которых он прочел в книжке. Кукольники бродили по Франции со своими деревянными человечками, и всякая сволочь могла их оби-

деть, потому что они бедные и заступиться за них было некому, а они ведь ничего плохого не сделали, а только хорошее. И тогда Сапожников придумал, как он их спасет, когда они поплывут на пароходе и капитан вдруг закричит: «Тонем! Спасайся кто может!»

И, конечно, богатые расхватают все пробковые пояса, а кому не хватит, те станут надувать свои резиновые. А кукольники будут стоять кучкой и прижимать к себе деревянных человечков, и — верное дело! — должны все погибнуть, потому что чудес на свете, как известно, не бывает. Ах, не бывает?! И тут Сапожников спокойно так открывает чемодан, который весь набит плоскими поясами, и говорит кукольникам: «Берите». А они говорят: «Спасибо, мальчик. Нам ничто не поможет. Чудес не бывает». А Сапожников говорит: «Берите. Это конкретное чудо...»

И они берут пояса и надевают на себя, оборачивая, понятно, вокруг тела. И вдруг все видят: как только пояс обернут вокруг живота, так он уже надутый, а если его снять — плоский.

...Как события развивались после, вы можете узнать сами, прочитав занимательный роман М. Анчарова «Самшитовый лес». Я же намерен временно расстаться с Сапожниковым — литературным героем, чтобы доказать, что романы тоже пишут из жизни, разве что автор позволяет себе забежать чуточку вперед. Но это всякому талантливому писателю вполне позволительно. Иначе откуда же мы будем знать, как нам жить дальше?..

А теперь — к делу.

О том, что если чтение — с умом и толком, то полезную идею можно извлечь даже из ежедневного просмотра газет, я в очередной раз убедился из недавнего разговора с двумя юными тбилисцами — Эдиком Леснидзе и Гелой Жужунашвили.

— Сегодня чуть ли не каждый день можно прочесть сообщение в

газете о запуске очередного искусственного спутника Земли, — начал Эдик. — Но задумывались ли вы когда-нибудь, куда деваются старые, ранее запущенные спутники?.. Часть из них сгорает в атмосфере, а остальные? Те, что просто выработали свой энергетический ресурс?.. Немые и бесполезные, они остаются на своей орбите и могут вращаться вокруг планеты столетиями. До тех пор, пока на них не наткнется какой-нибудь очередной спутник. Космическое пространство вокруг Земли не так уж велико, и с каждым годом вероятность такого столкновения все возрастает. Что делать?

— Решение напрашивается само, — продолжал рассказ своего друга Гела. — Надо убрать старые спутники. Именно для такой работы и предназначена наша специализированная орбитальная станция...

Конечно, два школьника своими силами не могут создать настоящую орбитальную станцию. Но вот детально разработать ее проект, построить наглядный макет — это им оказалось вполне по силам.

Работа юных техников была представлена на XIII Всесоюзной неделе технического творчества пионеров и школьников. С ней ознакомились летчики-космонавты СССР Г. Гречко и В. Зудов, дали идее высокую оценку.

Действительно, «космический дворник» можно построить уже при современном уровне техники. Запущенная на орбиту, подобно «Салюту» или «Миру», такая станция будет укомплектована космическими буксировщиками, которые по команде ЭВМ станут обшаривать околоземное пространство, вылавливать испорченные спутники и доставлять их на станцию.

Здесь их осматривают космонавты-эксперты и, если спутник можно исправить, примутся за починку. Необходимые блоки для замены могут быть доставлены с Земли космическими кораблями многозаго-

го действия. Если же спутник отремонтировать уже нельзя, отдельные его блоки используют в качестве запасных, а остов пойдет на переплавку, будет использован как материал для создания новых конструкций.

...Вот какую идею выдвинули советские школьники. И список разработок, идеи которых были подсказаны внимательным чтением, можно продолжить. Вспомним хотя бы о мосте Петровского, на идею которого четырнадцатилетнего белорусского изобретателя натолкнула журнальная публикация о разводных мостах Ленинграда. Можно упомянуть и о том, как ворошиловградский школьник Саша Крохмаль «вычитал» в школьном учебнике физики идею усовершенствования всем известной модели кристаллической решетки, состоящей из пластиковых шариков, соединенных стальными спицами. И о «живом доме», за проект которого горьковские ребята получили диплом и премию Штутгартского университета...

Но обо всем этом уже подробно писали другие журналы и газеты. И потому наш дальнейший разговор — о новых работах. Тем более что, кроме книг, журналов, газет, самый неисчерпаемый источник идей — сама жизнь.

Курс информатики и вычислительной техники проходят сегодня в каждой школе. Но умеете ли вы применить полученные знания с пользой не только для себя, но и для окружающих? Вот как поступил таллинский школьник Суло Каллас.

— Когда на уроках физики учитель стал рассказывать нам об электромагнитных процессах, — вспоминает он, — я подумал о том, что моим одноклассникам не так-то легко будет во всем этом разобратся...

Самому Суло электромагнитные явления вполне понятны — он уже не первый год занимается в кружке электроники и вычислительной техники. К тому же старший брат Суло работает инженером в Доме радио и всегда может дать квалифицированную консультацию. Но не у всех же так?..

И Суло решил помочь одноклассникам на самом что ни есть высоком техническом уровне. Он использовал имеющуюся в школе микроЭВМ «Искра», снабженную дисплеем. С помощью преподавателей, старшего брата Суло Каллас разработал ряд программ-модулей. И машина стала наглядно демонстрировать на телеэкране процессы, происходящие в электрических схемах...

— В настоящее время готовы десять программ, — сказал Суло. — Усилитель, колебательный контур, выпрямитель и другие. Но в принципе этот список можно продолжить. Ведь теперь программированием занимаюсь не только я, но и все мои друзья...

Еще один источник технических идей — домашние заботы. Не верите? Тогда прослушайте рассказ киевского школьника Максима Устинского.

— У нас дома начался ремонт. А в таких случаях, как всем известно, непременно красят потолок и полы, стены и двери. Красят пульверизаторами, кистями, а в последнее время все чаще — валиками. Такой валик не разбрызгивает краску и в то же время позволяет работать с большей производительностью, чем обычной кистью.

Впрочем, есть недостаток и у валика. Его, как и кисть, периодически надо окунавать в краску. Вот я и подумал: «Нельзя ли обойтись без этого?..»

Первая идея — подавать краску на валик сжатым воздухом. Но все это хорошо для производства, у строительных рабочих всегда найдется компрессор, а где взять его дома? Использовать пылесос? Но он далеко не так силен — водоэмульсионную краску, к примеру, он уже разбрызгивает плохо, а ведь в данном случае потребуется еще большая мощность...

И тогда Максим решил использовать... пресс. Примерно такой же, как в домашней соковыжималке. Ну,

а чтобы не давить все время на поршень самому, применил пружину.

Отличие нового валика от прежнего примерно такое же, как перьевой авторучки от обычной вставочки. Ее то и дело приходилось окунавать в чернильницу. Авторучка же — совсем другое дело: подтянул поршень, заполнил резервуар и пиши целый день или два... Так и валик с резервуаром. Одной зарядки теперь хватает, чтобы окрасить целую стену.

Идея Устинского оказалась настолько удачной, что признана изобретением, на которое выдано настоящее, взрослое авторское свидетельство.

Володе Жердеву, семикласснику из Казахстана, идею разработки подсказал папа.

— Он как-то рассказал мне об аварии насоса, который качает воду для заводского водопровода. Всею виной оказалась мембрана, во многом похожая на манжетку велосипедного насоса. Такая мембрана изготавливается из резины, все время работает на изгиб и потому выходит из строя в самый неподходящий момент. Вот если бы можно было сказать заранее, что мембрана выйдет из строя через столько-то недель, да накануне будущей аварии ее можно было бы заменить, и насос продолжал бы работать...

Этот срок и помог установить Володя. Вместе со своими друзьями с областной станции юных техников он сделал прибор для испытания резинотканевых мембран.

Суть разработки проста. Испытываемые образцы закрепляются в специальных зажимах, включается электромотор, и кусочки резины начинают изгибаться с большой частотой. Время как бы спрессовывается, и уже через несколько часов с достаточно высокой точностью можно сказать, сколько недель или месяцев сможет работать мембрана из данного материала в реальном насосе.

...О подобной же ситуации рассказал мне недавний школьник, а ныне выпускник Казанского механико-технологического техникума Герман Леонтьев. Его идея тоже связана с водой и насосами; первое зерно опять-таки обронил отец. А еще Герману помогло хорошее знание домашней техники.

Принцип же этой разработки в следующем... Многие водонапорные башни, подающие воду на живот-

новодческие фермы, зимой не отапливаются, — слишком бы много энергии понадобилось для этого. А в итоге такая башня порой превращается в огромную сосульку; вода, переливаясь через верх бака, замерзает на стенах, бородой спускается до самой земли.

Перелив же происходит вот по какой причине. В баке каждой башни есть специальный шест, на котором расположены датчики верхнего и нижнего уровней воды. Каждый датчик имеет два разомкнутых электрических контакта. Насос качает воду, и ее уровень поднимается до тех пор, пока жидкость не зальет верхние контакты. Вода, как известно, проводит электрический ток, контакты замыкаются, срабатывает релейная схема, и насос останавливается.

Так обстоит дело при плюсовой температуре. В морозы же на контактах образуется лед, а он — хороший изолятор. Намерзнув на верхней паре контактов, он сразу не тает, даже погруженный в воду, всегда имеющую, согласно законам физики, плюсовую температуру. А в итоге насос продолжает качать воду сверх нормы.

Что делать?

И тогда Герман вспомнил уроки физики. Давление в любом водоеме меняется с глубиной. Может, это изменение и использовать для регулирования уровня?..

Герман набросал схему. Сделал расчеты, проверил все еще раз.

— Все логично, — сказал отец. — Но где ты возьмешь пужный датчик?..

Герман стал вспоминать, в каких устройствах и приборах используются датчики давления. Барометр?.. Не подходит: он рассчитан на атмосферное давление, и вода его попросту раздавит. Ага, подобные регуляторы есть в холодильных агрегатах. Это, видимо, как раз то, что нужно: ведь оборудование холодильников специально рассчитано на работу в условиях низких температур.

Вместе с отцом они вскоре нашли в справочнике устройство с нужными параметрами — реле давления РД-3-01.

Потом, правда, было еще немало хлопот: схему нужно было досконально разработать, проверить, внедрить... Но на сегодняшний день результаты таковы: регуляторы Леонтьева уже работают на двух десятках водонапорных башен. А всего рационализаторское предложение Германа Леонтьева обещает сэкономить по стране ежегодно около 80 миллионов рублей!

В заключение рассказ об идее, объединившей влажность и электроннику, проблемы ремонта и строительства... Быть может, в будущем такой прибор станут использовать не только на Земле, но и в космосе, — как показывают расчеты и эксперименты, бетон можно использовать для строительства на Луне и других планетах Солнечной системы.

Вот какой прибор придумал учащийся Челябинского монтажного техникума Михаил Крымский. Называется он просто — устройство для определения готовности оштукатуренной поверхности. И выглядит в общем-то невзрачно — небольшая черная коробка с датчиком на длинном шнуре.

Нужно же такое устройство строителям позарез. Об этом информировал Мишу и его друзей из клуба юных техников Челябинский строительный трест № 42.

— Суть дела тут вот в чем, — рассказывал Михаил. — Красить можно только тогда, когда слой штукатурки на стене полностью высохнет. Но как определить этот момент? По правилам нужно взять кусок штукатурки и отправить его в лабораторию. Анализ занимает шесть часов. Вот и считайте: взять кусок штукатурки, отвезти, сделать анализ — сколько времени потеряно?..

Стал Миша думать над тем, как эти потери сократить. Вспомнил, что читал где-то, как влажность зерна проверяют токами высокой частоты. А что, если нечто подобное использовать и в строительном деле?

Рассказал ребятам, посоветовался с руководителем кружка Борисом Николаевичем Медведевым. И все вместе за полгода они превратили первоначальную, еще зыбкую идею в готовое устройство.

— Прибор читается от одной «Кроны», — рассказывал Михаил. — Причем точность показаний не нарушается, даже когда батарейка садится, — за этим следит специальный компенсатор. Вся схема состоит из пяти транзисторов общей

стоимостью около трех рублей. Принцип же действия, верно, вам уже понятен — тут работают законы физики, известные еще со школы. Пока штукатурка влажная, она проводит электрический ток. Причем чем выше влажность, тем электрическое сопротивление току меньше. Когда же штукатурка высыхает, сопротивление увеличивается до определенного предела и стрелка указателя показывает: «Можно красить!»

Отец Миши, по профессии строитель, узнав, что сын получает удостоверение на рационализаторское предложение, сказал удовлетворенно:

— Молодец! Неплохо придумал. Мы с тобой теперь общим делом заняты.

Теперь мне осталось сказать немного.

Альпинисты знают: чем выше вершина, тем большие горизонты открываются с нее; чем труднее далось восхождение, тем больше радость — я все-таки взобрался! Так и в жизни. Тернист путь познания. Но тем большее удовлетворение приносит решенная задача, чем она была труднее. А нерешенные проблемы встречаются не только в задачниках — окружающий мир полон ими. Стоит лишь взглянуться повнимательнее, и мысли по его переделке, улучшению станут приходить одна за другой.

Цените их. Как говорил герой романа «Самшитовый лес» Сапожников, ставший в конце концов знаменитым изобретателем, «ведь если вам пришла в голову мысль, то ведь она же пришла в голову почему-нибудь...» Не можете использовать ее сию минуту — занесите в записную книжку. Пусть пождет своего часа, дозреет, а там, глядишь, и пробьется.

Идеи — самая ценная вещь во все времена. А тем более сегодня, когда наша страна начинает стремительный разбег в XXI век, жить и работать в котором доведется вам, нынешние мальчишки и девочки!

ТРИ ДНЯ И ЖИЗНЬ

Олег ПАНТЮХИН

Это могло случиться осенью. Он хотел, чтобы это случилось осенью. Но судьбе было угодно, чтоб он ослеп весной. Больше всего в жизни дед любил жену, книги и осень. Это, так сказать, были его личные привязанности помимо дела. Жена умерла семь лет назад. Теперь он лишился возможности читать. Оставалась одна надежда — осень. Но и с ней, как видно, попрощаться не придется.

Дед чувствовал, что вслед за слепотой к нему придет сама смерть. Ее он не боялся. Стыдно бояться смерти в восемьдесят три года. Ослепнуть же страшно и в сто лет.

Впрочем, что на судьбу обижаться, ведь врачи предупреждали его. Уговаривали, требовали, просили переехать в дом для престарелых. Кто вот теперь будет заботиться о нем?..

Дед все еще лежал в постели, как проснулся. Как проснулся... Уж лучше бы не просыпаться!

«Ладно,— сказал он себе,— не хватало еще собственную смерть репетировать. И без репетиций сыграем».

Дед встал, тихонько умылся, оделся, поставил чайник на плиту.

Да, это правда: ни родственников, ни друзей. Ну, да ведь не в пустыне он живет — люди кругом. Дома он ни в чьей помощи не нуждается, а хлеб, другие продукты соседей попросит купить. Так, глядишь, до осени протянет. А там умирать можно.

Спустя час он заново открыл для себя радио: теперь оно для него было и часы и газеты.

Потом он прибрал на столе ненужные ему теперь бумаги.

Потом понял, что умирать действительно пора. И на этот раз только усмехнулся...

Дед про себя считал, что родился самым веселым человеком в мире. Еще когда аист нес его к месту назначения, он рассмешил птицу, и та, рассмеявшись, выронила его из клюва. И прямо с неба он упал на поезд «Москва — Петербург», где его и обнаружили. Он сразу всем понравился, потому что не кричал, как все подкидыши, а все продолжал улыбаться, и при этом еще пыхтел:

«Пш-паш, пш-паш». Догадливые пассажиры поняли его с полуслова и назвали так, как он им представился, а не так, как было записано в бумажке, найденной у него в шапочке. Так как он всем понравился, то все захотели его усыновить, из-за чего получился большой скандал. В дело вмешались представители власти, и все кончилось тем, что заботу о новом человеке, чтобы никому не было обидно, взяло на себя государство...

«Что же делать?» — наконец, задал он себе вопрос. Не сидеть же целыми днями сложа руки и предаваться воспоминаниям? И еще есть, спать, гулять, слушать радио? И это будет называться заслуженным отдыхом? Будто он всю жизнь свою только этот отдых и заслуживал...

Дед сидел в кресле. Комната была полна весенними звуками: птичьими голосами, звонкими ударами последней капели, иногда такими частыми, что это было похоже на то, как вернувшаяся из магазина жена — зрение у нее всегда было неважное — вставляет ключ в замок...

Надо было купить хлеба к обеду. Дед вышел на лестничную площадку и позвонил к соседям. Ему открыли. Чтобы узнать, кто открыл, он поздоровался.

— Здравствуйте,— ответил ему женский голос.

— Здравствуйте, Любовь Владимировна,— поздоровался он еще раз,— извините меня за беспокойство, но дело в том, что мои глаза взяли полный расчет... А кушать все равно хочется. Будьте добры, пошлите Алешу за хлебом.

— Алешки нет пока, Павел Иванович. Да вы приходите... Вот так... Когда же это случилось? — Прошедшей ночью.

— Вы подождите, я сейчас сама схожу, хорошо?..

Если бы у него были внуки! Но сын Костя погиб в Отечественную, дочь родилась мертвой. После жена уже не могла рожать. Умирая, она сказала ему: «Долго мы с тобой, отец, живем. Я своим умом так думаю: не иначе, как Костины годы нам с тобой жизнь добавила. Правильно мы их прожили?» — «Правильно», — успокоил он ее.

До конца своих дней она проработала акушеркой. Четыре раза провожали ее на пенсию, и каждый раз она возвращалась. Потому что не могла не быть нужной. Правильно она прожила сыновьи годы!

А сам он?

Последние двадцать лет дед работал в музее. Много писал, выступал, ездил. Зимой он все-таки сумел простудиться и надолго слег. Пока он болел, умер последний его близкий друг, директор того самого музея. Умер у себя в кабинете. Друг все жалел, что не погиб и что придется умирать. Он так хотел не умереть, а именно погибнуть. Как в бою!..

— Здравствуй, дед!

Только один человек на земле называл его дедом — семилетний Алеша.

— А, Маленький принц вернулся!

— Вернулся, дед.

Была у них такая игра. Оба они хотели, чтобы Маленький принц вернулся. Но он все не возвращался. «Тогда я буду Маленьким принцем», — сказал Алешка.

С Алешкой они пошли во двор. Там сначала погуляли, а потом Алеша посадил его на лавку. Через несколько минут подсади две старушки. Они помолчали немного и затем продолжили разговор.

— Младший-то мой тоже неплохо устроился, — говорила одна, — после армии там и остался, сейчас на такси работает. Пишет, что доволен.

— Таксистам сейчас хорошо: деньгу всегда выгадать можно, — вставила другая.

— Да с умом-то оно везде так. Надо лишь меру знать: сам не проси, а когда дают — не отказывайся.

— Да, жадность, она к добру не приведет...

— Не приведет, это точно...

Дед встал, позвал Алешу, и они перешли на другую лавку.

Тьфу, черт! Для кого жить — значит постепенно рождаться, а для кого — постепенно умирать!

Неужели он теперь больше ни на что не способен, кроме как, подобно этим старухам, греться на весеннем солнце, болтать обо всем понемногу и ни о чем не беспокоиться!

Деду стало обидно за себя.

— Мстит, зараза! — подумал он вслух.

— Кто? — не понял Алеша.

— Мстит, Алеша, судьба мне.

— За что?

— За весело прожитую жизнь! Ей ведь тоже обидно: била-била, гнула-гнула — а я все живой-веселый! Ну, да я ей и на этот раз не дамся!

— Как?

— Есть у меня одно средство на крайний случай.

— Ты умрешь?

— Пора, Алеша...

Было время — он боялся, что никогда уже не сможет, как в детстве, просто радоваться теплоте летнему вечеру, прохожим, деревьям, небу — всему, что его окружало. Радоваться тому, что он дышит, что сердце бьется, что он есть — просто радоваться жизни. Но это было давно. Теперь он знает, что взамен этой радости пришла ответственность за этот мир, за это небо, за людей, за свою жизнь. От этого связь с миром не рухнет, наоборот — она становится крепче...

Ужинать дед не стал.

Следующим солнечным весенним утром его увезла «скорая помощь». В больнице мест не оказалось, и дед, собрав последние силы, настоял, чтоб его увезли обратно домой. «Круг почета, — подумал он. — Смерть, и та с юмором. Все правильно...»

На похоронах перед гробом несли все его ордена и медали. И ни у кого из провожающих дед в последний путь не было похоронного настроения, а было на душе лишь чувство, родственное тому, какое испытываешь после того, как кто-то на твоих глазах поднялся во весь рост под пули. Всегда кто-то должен подняться под пули. Правда, дед хотел, чтобы это случилось осенью.

Книги и рукописи он завещал музею, а свои награды — Алешке.

Ведь только он называл его дедом.

Челябинску ~
250

ЯЗЫКОМ УЛИЦ

Александр МОИСЕЕВ

Поначалу Челябинская крепость была наипервейшей во всем крае, центром Исетской провинции. Потом провинцию ликвидировали, крепость тоже, а Челябинск стал во главе уезда. В этом качестве он и был до самой революции.

В крепости Челябине улиц не было — казармы, провиантские амбары, воеводский дом да пороховой погреб, за крепостным тыном — казачьи избы, все вразброс. Здесь была и площадь с деревянной Никольской церковью. Когда стены убрали, площадь раздалась, и поставили на ней каменный Христорожественский собор. На площади бойко велись торги, потому и звалась она Большой Торговой, или еще Соборной. Ныне она носит имя Е. М. Ярославского. Отсюда и пошли первые челябинские улицы.

Старейшая — Сибирская (ныне Груда) — именовалась так потому, что на ней стояли Сибирские ворота крепости.

Поначалу главной в городе была Христорожественская-Большая. Потом первенство перешло к Уфимской, с нее шел путь в Европу. Продолжение Уфимской носило название Екатеринбургской улицы, с нее начиналась дорога на Екатеринбург.

До революции четыре улицы города именовались бульварами. Были это обыкновенные окраинные улицы. В советское время бульвары переименовали. Южный — это проспект Ленина, Западный — Свердловский, Северный — улица Калинина, Восточный — улица Могильникова. По этим улицам и можно судить о тогдашних размерах Челябинска. Это всего лишь несколько кварталов в центре города.

В начале девяностых годов прошлого века Челябинск вдруг очнулся от векового сна уездного захолустья, и день его пробуждения запечатлен документально — 25 октября 1892 года. Разбудил городок гудок паровоза, доставившего первые грузы и пассажиров из Златоуста.

Через четыре года стальные рельсы соединили город с Екатеринбургом. Побежала «чугунка» и на восток, а потом и на Троицк, Ку-

станай. Стал Челябинск перекрестком стальных магистралей, крупным железнодорожным узлом. Связались в нем четыре железные дороги: Самаро-Златоустовская, Пермская, Сибирская и Троицкая.

Там, где сходятся пути-дороги, роится торговый люд. И потянулись в Челябину пускать капитал в оборот воротилы торгового мира России. На выросших в одночасье торговых домах, конторах, магазинах закрывались кичливые вывески знатных купеческих фамилий. Обосновались здесь и представители зарубежных торговых фирм. Челябинск сразу вошел в десятку крупнейших торговых центров страны.

Первый паровоз встретили не более десяти тысяч челябинцев. Через какие-то пять лет их число удвоилось, а в 1909 году в городе было уже 60 000 населения.

Понятно, что на старых улицах, втиснутых в бульварный прямоугольник, городу стало тесно.

Станция была построена в трех верстах от города в Никольском казачьем поселке и вскоре уже обросла огромной Привокзальной слободой. Пригородная слобода выросла вокруг Шоссейной улицы, которая соединила центр города со станцией. Шугаевская слобода была более известна как Порт-Артур. Восточнее ее вдоль Сибирской дороги выросла Сибирская слобода. За плужным заводом «Столь и К^о», единственным в городе, вросли в землю халупы Колупаевки, второе название она имела еще неблагозвучнее — Грабиловка.

На челябинской карте почти не осталось улиц с дореволюционными названиями. Они либо переименованы, либо исчезли под кварталами новых микрорайонов.

Остались имена старинных поселков Смолино, Першино, Шершни, Сухомосово, Федоровка, Фатеевка, Исаково, Чурилово. Они носят имена первопоселенцев, в большинстве казаков Челябинской крепости, пожелавших жить своим хозяйством на выселках. В Заречье остались старые названия улиц — Каслинская, Кыштымская, Тагильская, Набережная, Кожевнная, Береговая. Возле вокзала напоминают о ста-

ром Челябинске улицы Переселенческая, Юргамышская, Шумихинская и Курганская. Памятью о Сибирской слободе остался поселок Сибирский переезд. Порт-Артур исчезает на наших глазах, на его месте встают кварталы Ленинского района.

Что же, о потере таких «памятников» прошлому сожалеть нечего, они совсем не украшали город.

В архиве Челябинского обкома партии сохранился интересный документ о том, как через полгода после освобождения города от колчаковщины исполком городского Совета переименовал ряд центральных площадей и улиц Челябинска в честь павших героев.

«Поручить горкомунальному хозяйству озаботиться изготовлением в срочном порядке вывесок на углы улиц и номеров для домов и по изготовлении издать приказ, что улицы переименовываються согласно прилагаемым названиям».

Это решение имело тогда огромное агитационное значение.

Площадь Павших Революционеров, улица имени Колущенко. Эти названия связаны между собой.

На заводе «Столь и К^о» Дмитрий Васильевич Колущенко был вожаком рабочих. Член партии большевиков с начала века, активный участник первой русской революции.

В семнадцатом году он был избран в городской Совет, а в ноябре семнадцатого в Военно-Революционный комитет, где стал заместителем председателя ревкома.

Более чем на кого-либо из «совдеповцев» были злы на Колущенко «бывшие». Удивительно ли, что был он в числе первых советских активистов, схваченных после мятежа белочехов. В числе первых и сложил он голову.

Под шапками казачьего конвоя в ночь на 4 июня 1918 года у Белых казарм на Казарменной площади погибли еще четыре советских активиста: П. Н. Тряскин, Ш. И. Гоziосский, М. А. Болейко и В. И. Могильников.

Челябинские улицы носят имена П. Н. Тряскина, М. А. Болейко

и В. И. Могильникова. Улица имени Колощенко выходит к проходной завода, на котором он работал. Завод носит его имя. Здесь работали дети Дмитрия Васильевича, сегодня трудятся внуки. Дом, в котором жили Колощенко, стал музеем рабочего-большевика.

Мемориальная доска установлена на здании бывших Белых казарм на площади Павших Революционеров. В будущем на ней будет установлен памятник. Площадь станет началом сквера революционной славы челябинцев.

В 1917 году челябинскую партийную организацию возглавляли С. М. Цвиллинг и Е. Л. Васенко. Они же стояли и во главе Челябинского Совета. С. М. Цвиллинг был делегатом VI партийного съезда. Е. Л. Васенко участвовал в работе исторического II съезда Советов. Самуил Цвиллинг погиб в схватке с дутовцами под Оренбургом, будучи комиссаром ВЦИК по Оренбургской губернии, весной 1918 года. Через несколько месяцев не стало Евдокима Васенко.

На доме, в котором жил С. М. Цвиллинг, на улице его имени установлена мемориальная доска, а в сквере памятник-бюст. Имя С. М. Цвиллинга носит Челябинский драматический театр.

В первых боях с белочехами пал командир Челябинского красногвардейского отряда С. Я. Елькин. Он организовывал Красную гвардию в городе, возглавлял Совет. В колчаковской тюрьме погиб бывший рабочий мельницы Архипова, комиссар красногвардейского отряда А. П. Воробьев.

В Уфимской тюрьме были зарублены многие челябинские подпольщики. Из числа павших подпольщиков увековечены в названиях городских улиц Д. Д. Кудрявцев, З. И. Лобков, С. А. Кривая, Л. Р. Лепешков, М. В. Карабанов...

Память о героях гражданской войны, участвовавших в освобождении Южного Урала, сохранилась в названиях улиц.

Маршал М. Н. Тухачевский командовал Пятой армией в сражении за Челябинск. Бригадой 27-й дивизии, занявшей Челябинск и отличившейся в боях за него, командовал К. А. Нейман. Он закончил гражданскую войну командиром, был организатором советского танкостроения.

Волжский полк Степана Вострецова первым ворвался на станцию Челябинск. С. С. Вострецов — самородок из народа, чей полководческий талант проявился в боях за власть Советов. До революции он ра-

ботал кузнецом в уральских городах, в том числе и в Челябинске. О подвиге героя говорят награды — четыре боевых ордена Красного Знамени.

Есть в городе улица Евтеева. Член партии с 1905 года, организатор Красной гвардии на станции, В. И. Евтеев в двадцатые — тридцатые годы возглавлял Железнодорожный райком партии.

Увековечено в городской топонимике имя маршала Блюхера. Челябинск — начало его полководческой деятельности. Здесь впервые проявился его талант военачальника. В. К. Блюхер возглавлял Челябинский ревком. На Южном Урале он заслужил первый свой орден — первый в стране боевой орден Красного Знамени.

В легендарном рейде по тылам белых, за который и был удостоен высокой награды В. К. Блюхер, его помощниками по командованию партизанской армией были Николай и Иван Каширины. Впоследствии братья стали крупными военачальниками. Одна из улиц носит имя братьев Кашириных.

В первые пятилетки город родился заново и в новом качестве.

Десятки тысяч энтузиастов со всех сторон страны ехали поднимать челябинские заводы, а потом становились его рабочими. И вокруг новых заводов вырастали на пустырях многоэтажки соцгородков.

Уралобком направил на Тракторострой И. С. Белостоцкого. Участник трех революций, ученик В. И. Ленина в Лонжюмо, он был назначен начальником снабжения стройки. Большую часть жизни И. С. Белостоцкий отдал ЧТЗ. В годы войны, несмотря на преклонный возраст, он возглавлял один из цехов. Тремя орденами Ленина наградила Ивана Степановича Родина. Ему первому челябинцы присвоили звание почетного гражданина города.

У истоков Тракторостроя стоял К. П. Ловин, член КПСС с 1910 года, участник Октябрьских событий в Петрограде.

Кто еще дал имена улицам Тракторозаводского района?

Первый секретарь Тракторозаводского райкома партии Ф. И. Савин. Это был коммунист принципиальный, умеющий личным примером повести за собой. Он погиб на фронте. Вожаком тракторостроевской молодежи Коля Самохин. Умер он трагически рано.

Челябинск вошел в историю Великой Отечественной войны как Танкоград, здесь находился Наркомат танкостроения и крупнейшее его предприятие — Челябинский Кировский танковый. Так стал называться ЧТЗ, объединенный с эвакуированными заводами — Кировским из Ленинграда и дизельным из Харькова. Танкоградцы отправили на фронт 18 500 танков и тяжелых самоходных артиллерийских установок.

Память о Челябинском Кировском танковом заводе в названиях улиц Ленинградской и Харьковской, поселка Киргородок, построенного для кировцев. К 40-летию Победы была увековечена и память о самом Танкограде. Одна из крупнейших магистралей Тракторозаводского района теперь носит название проспекта Героев Танкограда.

Одна из улиц района носит имя Ж. Я. Котина. Перед войной он был главным конструктором Кировского завода в Ленинграде и руководил созданием тяжелых танков. Конструкторы Танкограда под его руководством разработали 13 моделей тяжелых танков и самоходных установок. В годы войны Ж. Я. Котин совмещал обязанности главного конструктора завода и наркома танкостроения.

Незнакомому с историей Челябинского металлургического завода названия улиц Алчевская, Липецкая, Электростальская мало что говорят. А ведь в них истоки Челябинского металлургического: Алчевский и Липецкий металлургические заводы, подмосковная Электросталь и сталинградский «Красный Октябрь» — вот чьим оборудованием, эвакуированным буквально из-под носа захватчиков, под бомбежкой и обстрелом, начинались первые цехи завода на Урале, чьи специалисты их возводили, выплавляли первую челябинскую сталь.

Есть в Металлургическом районе улица генерала Комаровского. Он прибыл на строительство завода во главе саперной армии из-под Сталинграда, в начале 1943 года. Боевая работа коллектива «Челябметаллургостроя», руководимого им, позволила через девять месяцев с начала строительства рапортовать Государственному Комитету Обороны о завершении первой очереди завода. За умелое руководство важнейшими стройками страны генерал армии А. Н. Комаровский был удостоен звания Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий. Он кавалер семи орденов Ленина.

Конечно, 9 мая 1943 года никто из челябинцев не знал, что этот майский день станет одним из самых светлых советских праздников, но то утро было торжественным. Тысячи людей собрались на улице Кирова, бывшей тогда главной, на площади у Главпочтамта. Челябинцы на собранные средства снарядили танковую бригаду и другие воинские подразделения Уральского добровольческого танкового корпуса, послали в них лучших своих сынов. В то майское утро состоялись торжественные проводы добровольцев на фронт.

Среди тех, кто уходил в этот день на фронт, были механик-водитель Федор Сурков, стрелок-радист Александр Марченко, санинструктор Константин Рождественский. Их имена, ставшие названиями челябинских улиц, вписаны в одну из наиболее ярких глав боевой летописи Челябинской танковой бригады.

Танк «Гвардия», в котором воевали Сурков и Марченко, шел головным к центру Львова. Таков был приказ комбрига: Марченко было поручено поднять красный флаг над городской ратушей.

На рассвете второго дня боев прорвались к ратуше. В танк стрелок-радист не вернулся. Марченко выполнил приказ комбрига — красное знамя пламенело над ратушей. Но автоматная очередь срезала его, когда он возвращался к своим. На помощь ему бросился санинструктор Рождественский, пуля сразила и его...

В пятидневных боях за Львов экипаж «Гвардии» уничтожил пять танков, самоходное и три противотанковых орудия, бронетранспортер, несколько пулеметов, склад боеприпасов и до сотни гитлеровцев. Танк «Гвардия» сгорел, экипаж его почти в полном составе похоронен в братской могиле на холме Славы во Львове. Венчает холм бронзовая фигура солдата со знаменем. Его прообразом стал Александр Марченко. Лишь один из «Гвардии» встретил Победу — Федор Сурков, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Улицы Челябинска носят имена начальника политотдела Уральского добровольческого танкового корпуса И. Ф. Захаренко, Героя Советского Союза истребителя танков Николая Худякова, Ивана Гончаренко, чей танк первым из корпуса пришел на помощь восставшим в Праге и сегодня стоит на пьедестале как памятник братству советского и чехословацкого народов.

В танковых сражениях стал дважды Героем Советского Союза

челябинец майор С. В. Хохряков. Он погиб, командуя танковым батальоном, в последние дни войны на подступах к Берлину.

Улицы города — памятники уральцам Героям Советского Союза: разведчикам И. И. Кузнецову и Ф. И. Безрукову, артиллеристам П. И. Пономареву и А. В. Обухову, летчикам И. Г. Газизуллину, В. В. Шарову и Б. Д. Луценко, снайперу Н. В. Ковшовой, минометчику В. Ф. Саблину.

Улицы города — памятники воспитанникам челябинского комсомола Владимиру Колсанову и Евгению Овчинникову. Вожак молодых колхозцев, а затем секретарь райкома ВЛКСМ, Владимир Колсанов воевал политруком в 96-й танковой бригаде имени Челябинского комсомола, погиб в боях под Курском. Самолет Евгения Овчинникова был сбит при выполнении боевого задания. Взятый в плен, он был замучен.

Челябинцу Л. В. Смирных звание Героя Советского Союза было присвоено осенью 1945 года посмертно. Он отличился в боях с японскими милитаристами при освобождении Южного Сахалина.

Первый поезд, пришедший в Ленинград после прорыва блокады, был из Челябинска. Он доставил продовольствие, собранное южно-уральцами для голодающих ленинградцев. И об этой помощи, как и о сотрудничестве в военные годы, участии челябинцев в боях за город Ленина помнят улицы Ленинградская.

Сразу после освобождения Курской области челябинцы взяли над ней шефство. Только за полгода сюда было отправлено различных материалов, оборудования, вещей и продовольствия на четыре миллиона рублей. Память о шефстве — улица Курская.

Особенно большое участие приняли челябинцы в возрождении промышленных центров Украины — шахт Донбасса, металлургических заводов Днепропетровска и Запорожья, восстановлении Днепрогэса. Напоминают о братской помощи украинскому народу улицы Донбасская, Артемовская, Макеевские, Кадиевская, Днепропетровская, Запорожская, Луганская...

Объекты номер один послевоенных пятилеток — каналы и ГЭС. В их сооружении участвовали челябинские тракторы и бульдозеры, челябинские специалисты. Названия каналов и электростанций в улицах: Волгодонская, Северокрымская, Каховская, Волгоградская, Цимлянская,

Куйбышевская, Красноярская, Иркутская, Братская...

Из челябинских труб прокладывали газопроводы «Бухара — Урал» и с Тюменского Севера. Об этом напоминают челябинские улицы Бухарская и Тюменская.

Полвека в истории городов — отрезок времени незначительный, но за последние свои полвека Челябинск достиг всего, чем он славен сегодня. По сути дела, город заново вырос за пятилетки. Лишь кусочек его изначального центра, у реки в пределах улиц Красной — Коммуны — Российской, сохранился как историко-архитектурный заповедник.

Сегодня Челябинск — миллионер, входит в число крупнейших городов страны. Вклад челябинцев в хозяйственное и культурное строительство, индустриализацию и разгром фашистских захватчиков отмечен высшей наградой Родины — орденом Ленина.

Центр индустриальной области, Челябинск входит в десятку крупнейших промышленных центров страны. Его заводы (их более ста десяти) плавят и катают сталь, варят газопроводные трубы, выпускают мощные гусеничные тракторы и бульдозеры, скреперы, автогрейдеры, автоприцепы-тяжеловозы, краны и станки, приборы и инструмент. Промышленная продукция челябинцев — ферросплавы и электроды, лаки и краски, цинк и серная кислота, товары для народа — радиолы и радиоприемники, часы, обувь...

Названия городских улиц расказывают, над чем работают челябинцы, что производят. — Абрамивная, Машиностроителей, Металлургов, Приборостроителей, Сталевиков, Лакокрасочный переулочек, Литейная и Сталелитейная, Трубная и Трубников, Ферросплавная, Цинковая, Часовая, Электростальская, Электродная...

Челябинск — один из крупнейших научных и учебных центров страны. Здесь более десяти высших учебных заведений, около сорока научно-исследовательских, проектных, конструкторско-технологических институтов. Более двадцати улиц названы в честь видных ученых.

В особом почете у челябинцев имя академика И. В. Курчатова, он родился на Южном Урале. Игорь Васильевич был организатором и первым руководителем атомной науки в СССР.

Челябинцы увековечили имя великого уральца в названии улицы и района. А сейчас на новой площади на завершении главной маги-

ДИРЕКТОР СТАНКОСТРОЯ

Нина САВИНА

страдали города — проспекта имени В. И. Ленина — воздвигается памятник И. В. Курчатову. Изваял его челябинский скульптор В. А. Авакян. Символично, что памятник выдающемуся деятелю советской науки встанет в центре района, который челябинцы называют Академгородком. Здесь сосредоточено большинство научно-исследовательских и учебных институтов города.

Основоположником отечественной металлургии, качественного сталеварения считается П. П. Аносов. Большую часть своей жизни он провел на Южном Урале, будучи начальником Златоустовского горного округа. Здесь он проводил свои знаменитые опыты по выплавке сталей особой прочности и открыл тайну булата. Не случайно в Челябинске — фламане отечественного качественного сталеварения — увековечено его имя в названии улицы.

С Челябинском связано имя Я. В. Мамина — пионера отечественного тракторостроения, еще до революции он конструировал трактора. Яков Васильевич работал на ЧТЗ конструктором, здесь же трудился и его сыновья Николай и Владимир. Последние годы жизни Я. В. Мамин преподавал в институте механизации и электрификации сельского хозяйства. Улица имени конструктора Мамин находится в Тракторозаводском районе.

В «писательской кассете» более сорока улиц Челябинска. Литература родного края представлена Д. Н. Маминым-Сибиряком и П. П. Бажовым. Отмечен Н. Г. Гарин-Михайловский: он проектировал и строил главный ход Сибирского пути — железную дорогу в горах Южного Урала.

Есть в Челябинске улица имени писателя-интернационалиста Ярослава Гашека. В 1919 году в рядах Пятой армии он освобождал Южный Урал, в Челябинске вел работу среди иностранных солдат-военнопленных.

Разные памятники мы ставим славным делам наших предков, людям, жизнь свою, труд и талант отдавшим служению народу, служению Отечеству — в бронзе и камне, памятники в слове. Именные, мемориальные улицы — это памятники, их в Челябинске более двухсот. Все вместе они повествуют о его истории, о знатных его гражданах.

Город живет, летопись его продолжается. Улицы, названные в честь наших современников, пополняют список городских памятников в слове. Завтра они расскажут потомкам, чем жил и был славен Челябинск в пору своего 250-летия.

Мало кому сегодня знакомо имя этого человека.

Родился Иосиф Абрамович Каттель в 1897 году. Двадцатидвухлетнего юношу, члена партии большевиков, дороги гражданской войны привели в Челябинск в 1919 году в составе V армии М. Н. Тухачевского. Он был откомандирован в распоряжение Сибревкома для работы заведующим отделом Челябинского губревкома. Через 15 лет И. А. Каттель снова оказался здесь.

Дипломированный инженер, побывавший с группой молодых специалистов в Америке, он приехал возглавить строительство челябинского завода крупных станков. До этого он строил жилые дома в Москве, был главным инженером героической Магнитки, начальником строительства Комсомольска-на-Амуре...

«Высокий, с худоцавым лицом человек, похожий одновременно на Мефистофеля и партизанского командира Левинсона», — таким его увидела писательница Сюзанна Люм, побывавшая в Комсомольске-на-Амуре.

Строительство завода-гиганта, сметная стоимость которого определялась в 440 миллионов рублей, развернулось на площади в 600 гектаров. Каттеля торопили: необходимо было как можно быстрее оснастить молодые советские заводы новым станочным оборудованием.

Дерзость и вдохновение двигали людьми. Впервые в стране директор Станкостроя решает применить сборные железобетонные конструкции.

— Сумасшествие. Ненужные эксперименты, — досадовали одни.

— Риск! Неоправданный риск! — настаивали другие.

— Инженеры, а рассуждаете, как мужики, впервые увидевшие чугунку, — подтрунивал директор-новатор над ними.

Риск! Он, человек, прошедший школу многих строек, не очень-то боялся риска. Да и оправдан он был: в пять раз сокращалось расходование лесоматериалов, вдвое — число рабочих, сроки работ — минимальные.

И сегодня еще надежно и вер-

но служат каттелевские колонны, поддерживая крыши огромных цехов.

25 августа 1934 года Станкострой посетил Г. К. Орджоникидзе.

— Мне очень понравилась ваша работа, ваш порядок, — сказал он на митинге. — Дело у вас идет хорошо. Ваш завод — первый в Советском Союзе, который строится из сборного железобетона; такие заводы имеются пока только в Америке.

В мае 1935 года завод был пущен. И. А. Каттель и бригадир плотников знатный стахановец стройки Н. К. Скубенко были награждены орденами Ленина. А в 1936 году Станкострой завоевал первую премию на конкурсе лучших строек Наркомтяжпрома.

Рабочие уважали и любили своего руководителя: он был с ними и в деле, и на отдыхе. В газете «Ударник» тех лет можно увидеть шарж на директора, рост которого был под два метра, с незлобивым четверостишием:

Комсомольцы года два
Ждут без передышки
Ну хотя бы вот такой!
Парашютной вышки.

Представить себе рисунок не трудно. Вял директор: парашютная вышка для станкостроителей была построена.

Каттель был очень подвижным, энергичным, вездесущим. У него был ораторский дар. Все знали его привычку: выходя на трибуну, он обычно снимал галстук и с необычайным вдохновением разъяснял, доказывал то, что было темой его выступления. На собравшихся его энтузиазм так действовал, что после его выступлений люди работали еще лучше.

Он никогда не приказывал, а просил, выдвигал перед подчиненными очередные задачи. Ироничный и доброжелательный, требовательный и заботливый, Иосиф Абрамович Каттель быстро находил общий язык с рабочими.

Сегодняшнее трижды орденоносное производственное объединение «Завод имени Орджоникидзе» — памятник делу, той героической работе коллектива, которым руководил И. А. Каттель.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАСТЕР ФОТОГРАФИИ

В 1968 году, когда начала выходить газета «Вечерний Челябинск», хозяином редакционной фотолaborатории стал... капитан милиции, сотрудник уголовного розыска.

Да, офицер милиции, у которого совсем неплохо шли дела по службе, который заканчивал Московскую высшую школу милиции, решил в тридцать два года «уйти в отставку» и заняться новым для него и не менее хлопотным делом.

В судьбе Сергея Васильева, а знаю его давно, я вижу несколько разных поворотов, после которых жизнь начинала течь совсем по новому руслу, но в тоже время это было самое логическое ее продолжение. Одно вытекало из другого, несмотря на кажущееся противоречие.

Давайте представим его в начале жизненного пути — юношей с аттестатом зрелости, парнем из глубинного чувашского села, из безотцовской семьи — прошла война... Прошла война, десятилетка за плечами, впереди светлый мир. Все дороги хороши, выбирай! Сергей выбрал железную дорогу. В прямом смысле этого понятия — вооружившись молотком, вбивал неподатливые костыли в шпалы, ловко орудовал шпалоподбойкой.

Выбрал железную дорогу... Жизнь выбрала! Старший в доме должен был помогать матери, поднимать младших. Здесь выбор один — как можно скорее научиться самому зарабатывать хлеб. Война-то закончилась, но сколько лет мы еще трудно, ой как трудно жили после нее...

Он орудовал шпалоподбойкой, а мимо проносились поезда. Один был его — он повез наголо стриженного Сергея Васильева на военную службу в Челябинский гарнизон. Служба как служба. Все нормально. Наряд, караул, боевая учеба. День за днем. Год за годом. И вот уже прощание со знаменем.

Куда дальше? Чаше всего домой. Значит, снова на железную дорогу, к «любимой» шпалоподбойке? Сергей не поехал. Нет, не испугал-

ся он нелегкого труда, не подумайте. Просто он к тому времени сделал выбор. И здесь произошел первый поворот в судьбе Васильева, крутой и для некоторых неожиданный.

Как раз в пору его увольнения в запас развернулась в Челябинске невиданная по темпам стройка. ФРГ отказала СССР в поставке газопроводных труб большого диаметра, из которых строятся магистральные нефтяные и газовые артерии. Нужно было строить свой цех. И гигантская (цех 26 гектаров) стройка развернулась на Челябинском трубопрокатном заводе.

Сергей отправился на гремевшую стройку. Не один — поднял за собой чуть не весь взвод, и эта бригада славилась на стройке. Тогда и появилась в газете первая фотография Сергея Васильева. Нет, не его работа, а портрет передовой бригады стройки, в которой работал и Сергей. Снимал, кстати, его будущий товарищ по фотоклубу Евгений Ткаченко, а портрет появился в «Челябинском рабочем», при котором был создан фотоклуб. Потом и в этой газете, во многих газетах страны и за рубежом появились снимок первой трубы стана «102» с надписью: «Труба тебе, Аденauer!».

Кстати, именно в ту пору на одну из первых зарплат он купил фотоаппарат. Есть какие-то предметы обихода, символизирующие жизненную самостоятельность, — фотокамера, гармошка, гитара... Сергей купил фотоаппарат.

Но стройке конец, снова вопрос: «Куда дальше? На новую стройку?» Знаю людей, которые всю жизнь кочат из края в край. Васильев не из таких, он при всей своей легкости на подъем... домосед. Но тут и наступил новый поворот в судьбе. По партийной рекомендации молодой коммунист Васильев идет работать в милицию.

И здесь начал работать Сергей «как положено». А когда человек делает свое дело как надо, у него и в жизни все складывается лад-

но. Не будем сейчас описывать погони и засады, приводить примеры схваток с преступниками — не любит об этом Васильев. Дослужился до капитана. А увлечение, ставшее любимым делом, привело в Челябинский фотоклуб. И наступила пора, когда пришлось повесить капитанскую форму в шкаф (она так и висит там по сей день), потому что новый поворот — Васильев становится профессиональным фотографом, сотрудником «Вечернего Челябинска».

Уже восемнадцатый год изодня в день публикует он на страницах «Вечернего Челябинска» свои снимки. Даже если по фотографии в день — это более пяти тысяч! На самом деле куда больше, ведь в номер идет и фоторепортаж из нескольких кадров, а то и просто несколько фотографий из разных мест...

Вот такой ритм, такая нагрузка. А еще он руководит фотосекцией Челябинской организации Союза журналистов СССР, активно работает в фотоклубе, недавно стал его руководителем. При этом он один из активнейших участников всесоюзных и международных выставок и конкурсов. И награды на них завоеваны самые высокие, причем не по одной в году...

Назову некоторые. Самый первый успех — 1964 год, международный конкурс «Комсомольской правды». Более двадцати лет назад... Первый фотографический «Оскар» — приз «Золотой глаз» Всемирной выставки пресс-фотографии «Уорлд-прессфото» (Амстердам) завоеван в 1978 году. Теперь их у него четыре. Такого исключительного случая выставка, имеющая многолетнюю историю, не знает. Рецензенты уже начинают писать о «феномене Васильева». Посудите сами: в этой выставке мечтают участвовать тысячи фотокорреспондентов со всех материков земли, они присылают в интернациональное жюри многие тысячи работ. Работы для жюри анонимны, голосование тайное. И потом жюри само удивляется: «Так это снова Васильев!».

Материнские заботы

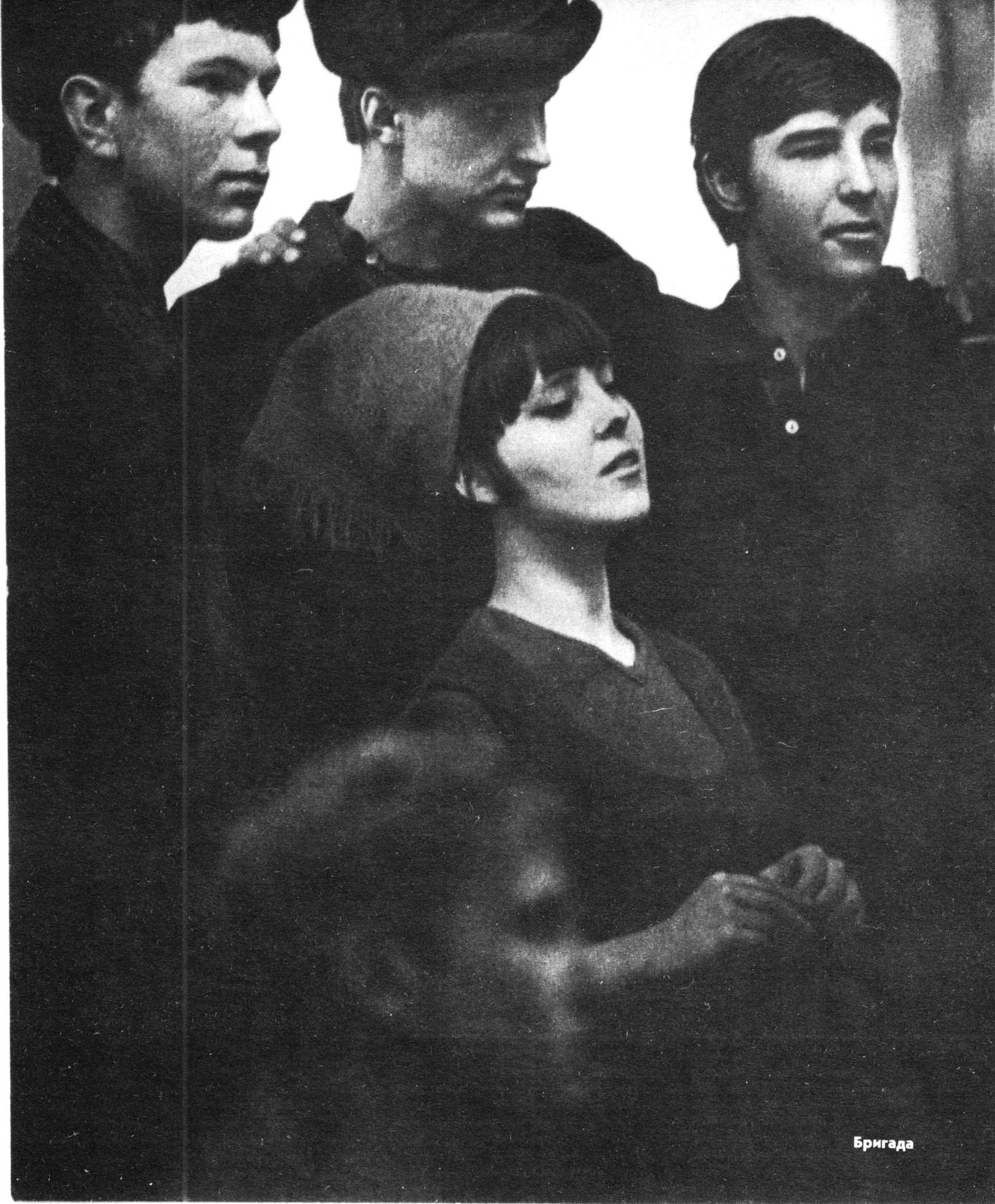
Сергей Григорьевич — постоянный участник и выставки «Интерпрессфото», которую устраивает Международная организация журналистов. В 1979 году он получил на ней свою первую (и сразу золотую!) медаль. В 1984 году двойной успех — он завоевал на «Интерпрессфото-84» золотую и бронзовую медали. Страны Балтийского моря и Скандинавского полуострова проводят выставку «ИФО-Сканбалтик» — «Балтийское море должно быть морем мира». Васильев завоевал здесь Гран-при, и в следующую выставку была устроена его персональная экспозиция.

Его персональные выставки устраивались в Софии, Ростове, Шауляе, Вильнюсе, Перми, неоднократно в родном Челябинске. Работы Ва-

сильева экспонировались на Кубе и в Голландии, в ГДР, Болгарии, Чехословакии, Испании, Югославии, Польше, в других странах, а снимки публикуют фотографические журналы многих стран — от Скандинавии до далекой Австралии...

Вот такие повороты судьбы... Железнодорожник-путеец, солдат, строитель, инспектор уголовного розыска, фотожурналист. И постоянное накопление жизненного опыта, постоянные наблюдения жизни. Он снимает всегда. В рабочие будни и воскресные дни. Он снимает во время отпуска, где бы его ни проводил, в родной деревне Малые Кибечи Чувашской АССР, и тогда появляется на выставках «Родная деревня» или щемящий «День Победы. Мама», на Карпатах,

Бригада

в Болгарии, Югославии, Австрии, Чехословакии, Польше, Венгрии, на озере Чебаркуль, в прибалтийских городах... Кто-то скажет: «Конечно, столько поездил, есть где поспинать!» Но он побеждает на самых высоких конкурсах снимками, сделанными в обычной жизни, в родной среде.

Идет для газеты на съемки юбилей родильного дома и помимо газетного задания приносит серию «Человек родился», удостоенную «Золотого глаза». Рядом с собственным домом сделан кадр «Материнские заботы» — золотая медаль «Интерпрессфотос-84». В родных местах снята веселая «Де-

ревенская драка» — снова «Золотой глаз»...

Просто он умеет видеть.

К выходу этого номера «Уральского следопыта» мой рассказ о Васильеве устареет — появятся в его послужном списке новые записи о творческих успехах. Прежде, чем отправить руко-

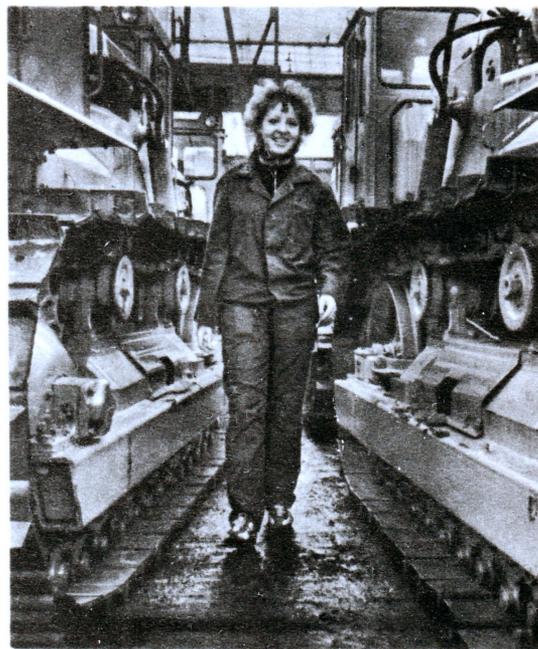
Знакомство не состоялось

Отчий дом

Фото С. Васильева

Крановщица

пись в редакцию, вишшу еще хоть один факт.

Международная организация журналистов (ее штаб-квартира находится в Праге), объединяющая журналистов многих стран, присвоила Сергею Васильеву звание «Международный мастер прессфотографии». В решении сказано: «За особые заслуги в развитии международной журналистской фотографии...»

Вообще, в этом месте, не по грамматическим правилам, а по смыслу, надо ставить запятую. Рад, что так много лет знаю Сергея Васильева и что могу утверждать: точку ставить рано...

ЛИЦОМ

Фантазия

на тему судьбы

Эрнст БУТИН
Рисунки О. Шапкина

К ЛИЦУ

Он вышел на заднее крыльцо, секунду поразмышлял и направился к стадиону — увидел Синуса, который наблюдал, как Саид размечает толченой известью баскетбольную площадку. После Синуса Саид был самым любимым учителем Юры. Юрий Иванович помнит, сколько старания приложил, чтобы завоевать доброе слово физрука, до изнеможения выкладываясь на тренировках. Но все зря: Саид держался с ним холодно, не шутил, как с другими, разговаривал официально-требовательно, и имел вид, будто ждет от Бодрова каверзы или пакости. «А ведь ставил меня на самые трудные этапы в эстафетах, — удивившись, что все еще гордится этим, подумал Юрий Иванович. — Знал, что Бодров не допустит, чтобы кто-то оказался впереди, поэтому загонит себя до разрыва сердца, упадет трупом после дистанции, но придет первым».

— Здравствуйте, — Юрий Иванович постарался, чтобы тон был непринужденный, однако голос все-таки дрогнул: странно видеть такими молодыми, такими обыкновенными учителей, которые раньше казались людьми особенными, исключительными. Когда-то трепетал перед ними, безоговорочно признавал их опытность, мудрость, радовался, если похвалят, гордился, если отметят, а сейчас — стоят, кхе-кхе, парнишки, один в синем пиджаке, второй в тренировочном костюме, и никакой-то значительности, загадочности в них нет.

Учителя повернулись, глянули коротко и внимательно, как смотрят на незнакомого, поздоровались и опять принялись вспоминать о каких-то соревнованиях. Юрий Иванович вздрогнул, потому что услышал свою фамилию. Синус упрекнул Саида, что зря-де он не поставил Бодрова на третий этап, а Саид раздраженно ответил, что Бодрова можно ставить лишь с равными, а лучше, если соперники слабей — это очень удивило Юрия Ивановича, — потому что Бодров, почувствовав, что проигрывает, может выкинуть какой-нибудь фокус: притвориться, например, что растянул связки и сойти с дистан-

ции. Помнишь, был такой случай во время кросса, когда он вернулся на старт? А предновогодняя лыжная гонка, когда он нарочно сломал крепление?

Переговаривались учителя вяло, с паузами, обсуждали соревнование, видно, не раз, поэтому Синус особенно и не настаивал, Саид особенно и не доказывал. Юрий Иванович догадался, что речь идет об эстафете на приз районной газеты, но соревнования пятьдесят седьмого года не вспомнил — школа всегда занимала первые места; не вспомнил и кросс — наверно, тогда действительно подвернул ногу, а вот случай с креплением не забыл: что было, то было.

Он достал сигареты, закурил. На щелчок зажигалки физрук повернул голову, недовольно смерил Юрия Ивановича взглядом и, опять отвернувшись, захлопал в ладоши. Двое мальчишек, щедро сыпавших известью на боковую линию, подняли головы.

— Кончайте, ребята. Нам еще для волейбольной оставить надо, — Саид подхватил ведро и, по-боксерски пошевеливая плечами, направился к соседней площадке.

Синус пошел к школе, но Юрий Иванович заступил ему дорогу.

— Простите, Евгений Петрович. Можно вас на минутку?

Тот остановился, посмотрел вопросительно.

Юрий Иванович стыдливо, точно школьник, спрятал сигарету в рукав, переступил с ноги на ногу. Он все время помнил, что Синус умрет в учительской, и ему было жалко его, и хотелось сейчас, в последнюю, быть может, встречу сказать, как он, Бодров, уважает Евгения Петровича, как дорожил его мнением, как страшно сожалеет, что частенько поступал и говорил так, что ему, учителю и просто порядочному человеку, становилось неловко. Извиниться за себя молодого, за свой максимализм и нередкое двуличие хотел Юрий Иванович, но как это сделать, не знал, да и не решился бы — надо ведь тогда открыться. И он с вымученной улыбкой сказал, неожиданно для себя:

— Вот вы в разговоре упомянули Бодрова. Он что: плохой человек?

Окончание. Начало см. в № 8.

— Отчего же. Вовсе нет...— Синус слегка пожал плечами. Подумал. Спросил, ясно и спокойно глядя на собеседника:— Вы, очевидно, его родственник?

Юрий Иванович помялся, глубоко затянулся сигаретным дымом.

— Да... некоторым образом.

— В таком случае вы должны Юрия знать лучше, чем я,— сухо заметил Евгений Петрович и, видимо, почувствовав эту сухость, добавил мягче:— Бодров — умный, способный, незаурядный даже в некотором смысле, но... Что с вами? — удивился он.

Юрий Иванович, вжав голову в плечи, смотрел за его спину. Заулыбался, схватил бесцеремонно учителя за плечи, развернул его. Спросил отрывисто:

— Это Владька идет? — опомнился, убрал руки.— Простите, ради бога... Это ведь Борзенков?

— Да,— Евгений Петрович одернул рукав пиджака. Дрогнул ноздрями, принюхался, и его кофейные, всегда невозмутимые глаза расширились от возмущения.— Вы пьяны?!

— Какой там пьян. Всего две рюмочки принял сегодня утром много лет назад, то есть много лет вперед,— бормотал Юрий Иванович, не отрывая взгляда от Владьки.— Вы говорите, Бодров — умный, способный. Ерунда! Вот кто умный, незаурядный. Талант, даже — гений! Сейчас я с ним поговорю,— пообещал серьезно, но, заметив, как встревожился, посуровел учитель, засмеялся.— Да не пугайтесь вы, Евгений Петрович, ничего страшного. Просто передам привет от одного... академика.— Сделал шаг в сторону, замахал рукой:— Владик! Борзенков! Иди сюда!

Тоненький, сутуловатый Владька, давно уже топтавшийся около угла школы, неуверенно подошел. Поздоровался. Посмотрел растерянно на незнакомца, вопросительно — на Синуса. Тот поинтересовался, как Борзенков сдал экзамен, поздравили с пятеркой и с тревогой взглянул на Юрия Ивановича.

— Да, простите,— опомнился тот. Огладил ладонью бороду.— Извините, Евгений Петрович, нам надо побеседовать наедине. Можно? — голос был просящий, виноватый.— Я очень хотел бы еще с вами поговорить, но не сейчас, позже. Если не возражаете. Хорошо?

— Пожалуйста. Хотя...— Синус с сомнением вытянул трубочкой губы. Посмотрел твердо в глаза.— Станный вы какой-то.

— А-а, нет, что вы,— Юрий Иванович догадался, что учитель принял его за сумасшедшего и боится оставлять ученика одного.— Не беспо-

койтесь. Я вам потом все объясню. Дело в том, что я приехал издалека, у меня мало времени, а мне надо обязательно поговорить вот... с Борзенковым,— положил руку на плечо Владьки.— Это очень важно для него. Связано с его будущим. Честное слово, ничего такого, о чем вы подумали... Ты куда собираешься поступать? — он пытливо заглянул в глаза юноше.

— Не знаю,— помолчав, ответил Владька, но по голосу чувствовалось, что знает.

— Вот видите, не знает,— обрадовался Юрий Иванович.— А я заинтересован в этом молодом человеке,— и решил соврать:— Имею отношение к одному очень солидному вузу, так что...— многозначительно задрал бороду, развел руки.

— Что ж, в таком случае... Пойду посмотрю, как мои сдают,— Синус склонил голову — попрощался:— До свидания.

Когда он отошел подальше, Юрий Иванович устало сказал:

— Давай где-нибудь сядем. Разговор будет долгий.

Они прошли к футбольному полю, уселись на одну из скамеек болельщиков. Владька замер, напряженно вытянувшись, лишь изредка вздрагивая, когда Юрий Иванович вздыхал, скреб лысину.

Юрий Иванович думал. Сначала он хотел все рассказать этому худому, очкастому мальчику, но внезапно ему пришло в голову: вдруг детская психика не выдержит, вдруг Владька станет каким-нибудь чокнутым, умственно ущербным, и тогда... Не станет физиком, не приедет навестить, не будет поездки в Староновск. Или другой вариант: Владька поверит, зазнается, почувствует себя юным гением, станет в институте учиться паршиво, закончит вуз заурядным инженером, но с большим самомнением. И опять... Неожиданно Юрий Иванович понял со страхом, как огромна ответственность каждого его слова, каждого шага здесь, в прошлом, потому что одна фраза, одно действие могут повлиять на цепочку последующих поступков людей, с которыми встретился или встретится, и эта цепочка превратится в биографию человека, в его судьбу. Он вспомнил разговор с Ларисой около стенгазеты, подумал грустно и обиженно, что теперь она, пожалуй, не будет до конца жизни любить Бодрова. И сразу же вспомнил о себе, о Юрке Бодрове, и обмелел, представив, что может повлиять на его судьбу — не дать ему стать тем, кем стал, не допустить, чтобы жизненным финалом стала поездка к Черному морю. «Не поверит, потребует доказательств,— испугался Юрий Иванович и разозлился.— Какие еще доказательства? Пусть смотрит на меня, то

есть на будущего себя,—лучшее доказательство! И биографию расскажу. Ахнет!..»

Владька нерешительно шевельнулся, задел локтем.

— Ах да, извини,—Юрий Иванович торопливо достал сигареты, закурил.— Я хотел тебе действительно многое рассказать, да передумал. Об одном прошу: поступи на физтех. Обязательно! Несмотря ни на что!

— Я и сам хотел,—будущий академик оживился и тут же сник.—Но боюсь. Конкурс там...—закрыв глаза, застонал.—И стаж производственный в этом году требуют. Двухгодичный. Так что не знаю.

— Никаких «не знаю»! — Юрий Иванович расвирипел. Повернул к Владьке страшное лицо.— Слушай меня внимательно и запоминай. Намертво запоминай, на всю жизнь,—немигающе уставился в расширенные, удивленные глаза парнишки.—Ты поступишь на физтех. Я тебе гарантирую. Сдавай смело. И с первого курса начинай заниматься проблемой времени.

Владька радостно закивал, хотел что-то сказать, но Юрий Иванович поднял руку.

— Только проблемой времени! — властно повторил он; чуть не добавил: «И ты сделаешь величайшее открытие», но удержался: вдруг все же этот мальчик зазнается? — Область мало исследована, есть где развернуться.

— Да-да, я давно думаю о четвертом измерении,—Владька сдернул очки и, нервно протирая их, засмотрелся мечтательно вдаль.— Ведь если согласно формуле Лоренца добиться, чтобы $v \ll c$, то $t \approx t_0$ первое станет равным нулю, а значит, время остановится... Неужели я поступлю? Вот было бы здорово! — он счастливо хихикнул.

— Поступишь, поступишь,—уже спокойней заверил Юрий Иванович, пораженный каким-то Лоренцом, всяческими «вз», «цэ», «тэ первое».— Верь, в этом твое будущее. Я специально приехал черт знает откуда, чтобы сказать тебе такое.— Помолчал, вздохнул тяжело.— Ты в этом пространстве-времени таких дел наворочаешь, ого-го!

Владька тихо засмеялся. Надел очки, потер ладонями колени.

— Вы разрешите, я пойду. Надо... Надо посмотреть, как наши сдают.

— Валяй,—благодушно разрешил Юрий Иванович.— Не забудь мои слова.

— Я запомню,—мальчик вскочил. От волнения и радости он совсем сгорбился, задрал левое плечо.— Спасибо! — Потискал ладони, словно разминал в них невидимую глину.— Извините, а как вас зовут?

— Мы еще увидимся. Не сейчас, так в будущем,—ушел от ответа Юрий Иванович. Посоветовал насмешливо: — Подналяжь на спорт, а то не хватит сил для научных подвигов. Займись плаванием, что ли, или гимнастикой. А то будешь таким, как я.

Владька вежливо улыбнулся шутке, но в почти влюбленных глазах его мелькнула уверенность: нет уж, дескать, таким я не буду.

— До свидания,—расправил плечи, выпрямился, оказался молодцеватым парнем, и пошел к школе.

— Бодрова ко мне пришли! — крикнул Юрий Иванович.

Он снисходительно смотрел вслед Борзенкову и вдруг остро позавидовал этому мальчишке, у которого так ясно и красиво сложится судьба, в то время как он, Юрий, а потом Юрий Иванович, будет мыкаться в жизни, пока не превратится в тучного борова, собравшегося к морю. Солнце припекало лысину, было тихо. Школьный двор прошлого уже не удивлял, казался привычным; потрясение, испытанное утром, притупилось, и Юрий Иванович спокойно, почти равнодушно, посматривал на Саида, на стайку выпускниц, которые чинно прогуливались, сцепившись под ручки. Примчались невесть откуда пацаны, пошумели, поскандалили: «Матка-матка, чей допрос?» — и, кое-как разделившись на две команды, принялись с воплями гонять футбольный мяч.

Юра появился не скоро. Он вывернул из-за угла школы, сопровождаемый верной Лидкой. Постоял секунду-другую, раздумывая; что-то пренебрежительно приказал девушке и пошел, не торопясь, к Юрию Ивановичу. А тот, чувствуя, как снова наполняется изумлением, страхом: «Это ведь я. Я!» — угрюмо подждал его и опять поразился, что такой, в общем-то симпатичный и, пожалуй, славный парень превратился в него, Юрия Ивановича; и опять подумал об ответственности каждого своего слова, каждого шага. Но, глядя на добра молодца Юру и представив себя, решил с самим собой не церемониться — много чести!

— Ну как, угадал я билет? — он сплюнул прилипший к губе окуроч под ноги Юре.

— Угадали. Спасибо,—юноша с откровенным пренебрежением глядел на будущего себя.

— Чего кривишься, не нравлюсь? — хамовито поинтересовался Юрий Иванович.— Ничего, привыкай.

Он нарочито развязно почесал грудь, широко зевнул, обдав себя, молодого, нечистым перегарно-табачным запахом. Юру передернуло, он отступил на шаг. Спросил резко:

— Вы хотели мне что-то сказать?

— Скажу, скажу,— Юрий Иванович порылся в карманах, достал паспорт.— Сначала почитайка вот это. Надо познакомиться, а?— Прищурился, посоветовал с издевкой:— Ты сядь, а то шмякнешься без чувств, копчик сломаешь.

Юрка покрутил непривычный, красный, с большой фотографией документ, полистал.

— Бодров Юрий Иванович,— бегло прочитал он и споткнулся. Прочитал еще раз, про себя. Поднял обескураженное лицо.— Что это? И день, и год, и место рождения совпадают. Шкодный какой-то паспорт.

— Ничего шкодного. Ты посмотри лучше, когда он выдан,— скучным голосом посоветовал Юрий Иванович. Достал деньги, расправил. Поинтересовался:— Нам с тобой десятки на обед хватит? У меня уже в животе бурчит,— и вдруг рывком вскинул голову, приоткрыл ошалело рот, захохотал.— Батюшки! Я же остался без гроша в кармане. Придется тебе содержать меня.

А Юра в это время читал:

— Выдан шестого декабря семьдесят восьмого... Тысяча девятьсот семьдесят восьмого года.— Он растерянно улыбнулся, но лицо уже бледнело, в глазах, сменяясь, уже проплыли удивление, насмешка, недоверие, и в конце концов прочно поселился страх.— Это подделка?

— Какая к шутам подделка,— обиделся Юрий Иванович.— Да ты сядь, а то действительно без сознания плюхнешься,— дернул за курточку Юру, тот послушно опустился на скамейку.— Это тоже подделка? И это?— посмеиваясь, сунул ему деньги; достал пригоршню монет, высыпал в вялую ладонь юноши, развернув ее кверху.— Нет, дорогой мой... как к тебе обратиться, не знаю, это все настоящее.— Тяжело задыхался, отдуваясь и всхрипывая.— Сейчас я тебе скажу одну нелепую, дикую новость, а ты посиди, подумай. Когда придешь в себя, поговорим спокойно. Согласен?

Юра обреченно кивнул.

Юрий Иванович поднялся, расставив широко ноги.

— Я,— стукнул себя в грудь,— это ты,— ткнул в грудь юношу.— Ты,— пощекотал его пальцем,— это я!— Опять постучал себя по груди.— Только я прибыл издалека,— махнул рукой за спину,— из будущего. Понял?

Он разговаривал, как с иностранцем или глухонемым: четко и громко выговаривая слова, помогая себе мимикой, жестами.

Юра опять кивнул, но лицо было тупое, взгляд бессмысленный.

— Вот и ладно. Переваривай, а я покурю,— Юрий Иванович снова сел. Закурил.

Юра неуверенно потянул у него из рук за жигалку. Оглядел ее.

— Газовая. У вас таких нет,— вновь громко пояснил Юрий Иванович и пальцами изобразил пламя.

— Не кричите,— поморщился Юра.— Я не глухой.

Он внимательно осмотрел бумажные деньги, потом каждую монету, заметил вполголоса, что одна двухкопеечная и две копеечных еще нынешнего времени, спросил, когда была проведена реформа и зачем,— на это Юрий Иванович не сумел ответить. Вернул деньги, велел Юрию Ивановичу вытянуть правую руку, нашел между указательным и средним пальцами белое пятнышко— в седьмом классе, испытывая волю, прижег в этом месте через лупу,— сравнил со своим.

— Все равно не верю. Вы все подстроили,— зажал лицо в ладони.— Этого не может быть.

— ...потому что не может быть никогда?— ехидно уточнил Юрий Иванович.— А еще считаешься начитанным. Путешествие во времени— это же затасканный, бродячий литературный сюжет. Кто только об этом не писал: Маяковский, Булгаков, Уэллс, Лем, Твен, Бредбери...

— Бредбери? Американец?— Юра насторожился.— Он нытик-пессимист.— Выпрямился.— И вообще, все эти путешествия во времени— выдумки!

— Хороша выдумка!— мелко затрясся в смехе Юрий Иванович. Похлопал себя по гулкому животу.— Пощупай, вполне материально.

Юра брезгливо скривился. Посмотрел ненавидяще.

— Неужели вы думаете, что я стану вот таким...— в голосе было отвращение. «Лысым толстяком»,— догадался Юрий Иванович. Но этого Юра сказать не решился. Выбрал неожиданное:— Таким оборванцем.

— Оборванцем?— поразился Юрий Иванович. Оглядел себя.— Странно. Ты же всегда был пижонем. На людях лицемерил, а в душе завидовал стилигам. Вот и сбылась твоя мечта, я стал стилигой. Стилягой будущего. Конечно, вид немного хипповый, но это не беда, так даже модней. Чем я плох?— Вскочил, подбоченился ернически.— Пиджак— японский, рубаха— французская. Чистый нейлон, смотри. Правда, в наше время нейлон уже не котировается...

Юра покосился, и в глазах его слабым отсветом блеснуло любопытство.

— Ага, зацепило,— торжествовал Юрий Иванович.— Вот эти спецовочные штаны, они называются джинсы, лет через десять станут твоей главной мечтой. Смотри, любуйся,— повернулся

спиной, забросил полы пиджака, похлопал себя по задку.— Вот ярлык, лейбл. Штатовские. Из-за них ты будешь слюни распускать, моралист дутый...

— Неправда это! Все неправда! — с отчаяньем выкрикнул Юра.— Я вам не верю. Ничему не верю! Не может быть, чтобы я превратился в вас!

Саид на волейбольной площадке вытянулся в струнку, посмотрел в сторону Бодровых из-под ладони. Юрий Иванович оправил пиджак, вяло помахал учителю рукой — все в порядке, декать.

— Лицом к лицу лица не увидать, большое — и добавлю: ничтожное — видится на расстоянии, — щеки и лоб Юрия Ивановича вспотели, точно их смазали вазелином.— Хочешь еще доказательств? — Он сел на скамейку напротив. Достал платок, отерся.— Могу рассказать несколько эпизодов из твоей жизни. Только это будут неприятные эпизоды. Именно они запоминаются. Хорошее забывается, а плохое житья не дает. Рад бы забыть, да... Рассказать? — поглядел требовательно и с болью.

— Ну-ну, послушаю,— Юра всунул руки в карманы брюк, качнулся.

— За комсомольское собрание, когда вlepили Владьке выговор, не стыдно?

— А-а, вас Борзенков подослал,— понимающе закивал Юра, но видно было, он растерялся: не ожидал, что пухлый бородач знает такое.— Владька хотел навязать реакционные взгляды...

— Ладно, вижу ты еще не созрел,— перебил Юрий Иванович.— В наше время генетику, о которой догадывался Владька, изучают в школе, а кибернетику уже сейчас, в ваши дни, не считают лженаукой, но... Не о том речь. Как ты бахвалился перед парнями, какую грязь нес о Лидке, рассказать? О Тонечке рассказать?

Юра заерзал, вытянул из карманов руки, отвел глаза; из-под воротника, по шее, заливая лицо, расплзлась густая вишневая волна.

— Хорошо, пощажу. Но вот одну пакость я себе, а значит, и тебе, простить не могу. Помнишь, Цыпа со своими шакалами поймал тебя в кинотеатре и приказал не ходить за Лариской? Ты не отворачивайся, не отворачивайся! — Юрий Иванович схватил его за подбородок, развернул к себе.— А ты, здоровый, сильный, заюлил, задрожал, наврал зачем-то, что с Лариской дружит Владька, и еще гадостей каких-то насочинял. Помнишь? — стиснул подбородок Юры, потряхнул слегка.— А помнишь, как в душе подленько радовался, когда Цыпа Владьку избил? Ты, народный трибун, обличитель трусости, без-

нравственности... Мразь! — и, неожиданно для себя, ударил Юрку по щеке.

— Э! Э! Не смей! — гневно и гортанно раздалось за спиной.

Юрий Иванович оглянулся.

Юра вскочил, жалобно улыбнулся.

— Ничего, Саид Хасанович, не беспокойтесь.

— За что вы его ударили? — физрук коршунном налетел на выпрямляющегося Юрия Ивановича, вцепился в руку, заломил ее.

— Не надо, Саид Хасанович, я сам виноват,— Юра втиснулся между ними, попытался плечом оттолкнуть учителя.— Познакомьтесь, Саид Хасанович, это... мой дядя.

— Дядя, не дядя — не имеет значения,— Саид, остывая, разжал пальцы.— Бить — не метод.

— Иногда метод. Особенно пощечина мужчине,— деловито возразил Юрий Иванович.— Пусть требует сатисфакции, если я не прав,— потер предплечье.— Ну и хватка у вас. Железная,— покачал восхищенно головой.— Не ожидал... Не ожидал, что вы вступитесь за Юрку,— положил руку на спину вздрогнувшему, съежившемуся Юре, подтолкнул его.— До свидания. Я вас очень уважаю, Саид Хасанович.— Отойдя, оглянулся, сказал весело: — Сбудется ваша мечта: вон там,— показал на торец школы,— построят спортзал. Верьте мне!

Юра, вывернувшись из-под его ладони, прошептал с желчным удовольствием:

— Саид подумает, что вы чокнутый.

Юрий Иванович помолчал, глядя в землю.

— Не исключено. Действительно, нехорошо получилось,— согласился без раскаяния в голосе и переменял тему: — Сейчас заскочишь домой, возьмешь деньги. Они у тебя в «Капитале» Маркса хранятся...

— Откуда вы знаете про «Капитал»? — перебил Юра.

— Ты купил его, когда увидел в магазине Синуса,— начал было спокойно Юрий Иванович и возмутился.— Все время забываешь, что ты — это я! Начиная привыкать... Возьмешь деньги и пойдем в чайную, потому что я зверски хочу есть.

— В чайную не пойду! — решительно заявил Юра.— Там пьют.

— И-э-э,— протяжно вздохнул Юрий Иванович,— если бы это пугало тебя и в дальнейшем.

4

В почти пустой, с дешевой старомодной роскошью, чайной — плюшевые шторы, копии голландских натюрмортов в бронзированных под

золото рамах (тусклое серебро, лимоны, бокалы, дичь) — Юрий Иванович облюбывал дальний столик у окна. Усадил Юру под разлапистую пальму с острыми, жесткими, точно пластмассовыми, листьями.

— На, читай пока. Это все, что осталось от твоего творчества, — вынул из заднего кармана листок сочинения, положил на скатерть. Припечатал ладонью. — Когда дойдешь до строчек, что у нас нет «лишних людей», посмотри внимательно на меня. Но думай о себе.

И отошел к буфету, чтобы Юра мог побыть один. Пока стоял в очереди за двумя мужиками, разглядывал в витрине горки зачерствевших шоколадных конфет, бутерброды с покоробившимся сыром, скользкой на вид красной рыбой, удивлялся богатому набору давно забытых бутылочек — «Нежинская рябина», «Спотыкач», «Ерофеич», — нет-нет да и посматривал на Юру. Тот дочитал и глядел в стол, безвольно опустив плечи. Головы не поднимал, и вид у парня был убитый.

Еще бы! Он только что услышал о бывшей — а для себя будущей — жизни Юрия Ивановича: о том, что в этом году не поступит на факультет журналистики и в институт вообще — тут Юра испытал первое потрясение, — так как требования о двухгодичном производственном стаже будут соблюдаться строго, поэтому пойдет на стройку разнорабочим... Но с работы его выгонят за прогулы, и он поступит на завод учеником слесаря. «Не может быть!..» — выкрикнул Юра. Оттуда его тоже чуть не попросят, несмотря на то, что он будет активистом, стенгазетчиком, штатным выступальщиком на собраниях. В институт опять не поступит, так как за весь год ни разу не открывает учебников, ведь заниматься-то не привык, в школе все давалось само собой, а в большом городе тем более не до самообучения: девочки, танцы, треп в кафе, узкие брюки — «за которые, кстати, ты в школе чуть ли не из комсомола исключал», — бесцельное шаштанье по центральной улице. «Если бы у вас были хоть какие-нибудь газетные публикации, пусть даже в многотиражке», — посочувствуют в приемной комиссии, и Юра учит это в армии: завалит окружную газету заметками, станет чуть ли не собкором по части. «Я и в армию пойду?» — почти взвыл Юра. «Да, и на первом году едва не загремишь в дисбат: дисциплина и труд тебе окажутся не по вкусу и не по силам». Домой он вернется старшим сержантом, поступит, наконец, на журфак, «...где станешь самым ярким демагогом», но чуть не расстанется с университетом, вынужден будет жениться на девушке, которую обманул,

а к четвертому курсу с ней разведется. «Девочка она была славная, красивая, — Юрий Иванович вздохнул, — но для тебя — простушка, из деревни. Сейчас редактор районки...»

Бросив ее, Юра расчетливо обольстит дочь главного редактора областной газеты. К тому времени студент Бодров нахватает выговоров, академических задолженностей, тучи над головой сгустятся, и он уйдет на заочный. Тесть устроит зятя к себе, в отдел культуры, но Юра долго не продержится, потому что писать ленится, редактировать — тем более. В итоге вскорее совсем перестанет работать и даже ходить на службу. Тесть рассвирепеет, теща перестанет разговаривать, жена примется плакать. Юра уйдет из газеты на радио, потом на телевидение, потом в киностудию — «Ты, бездарь, надеялся, что сумеешь протолкнуть свои халтурные сценарии», — потом в отдел информации НИИ, потом в другой НИИ, потом — от жены. Познакомится с перезрелой женщиной, которая будет заглядывать ему в рот, станет жить у нее, женится на ней, несмотря на всю мелочность и вздорность новой супруги, что-то напечатает, что-то издаст, постепенно его начнут считать литератором, станут приглашать на какие-то совещания, собрания, заседания. «И ты, дурак, будешь твердо уверен, что стал значительной фигурой в российской изящной словесности. Почувствуешь себя таким авторитетом, вещать начнешь, поганец, поучать, пальчиком грозить, брови хмурить». Год назад Юрий Иванович оставит и третью жену — «которую, как ни странно, ты любил», — оставит, чтобы «целиком посвятить себя литературе» и написать роман, достойный таланта автора...

— Чего вам? — широколицая нарумяненная буфетчица с сытым равнодушием смотрела на Юрия Ивановича.

Он попросил графин пива и баночку консервированных крабов, пирамиды которых уныло розовели выцветшими этикетками на полках резного буфета.

— Этих, что ли? — удивилась женщина. Пренебрежительно швырнула консервы на прилавок. Накачала ручным насосом пиво из огромной бочки. Юрий Иванович сунул консервы в карман пиджака и вернулся к столу. Около него уже стояла молоденькая официантка в стеклярусном кокошнике, в несвежем переднике и выстукивала карандашиком по блокноту.

— Что будете есть? — она повернула к Юрию Ивановичу сразу ставшее воплощением неумело скрытого любопытства лицо. — Ваш... этот клиент не знает, что заказывать.

— Неопытный еще. Все у него впереди,— Юрий Иванович поставил на стол графин, заметил, как высокомерно и презрительно дрогнули губы Юрия. Попросил:— Принесите нам, милая барышня, мяса. На ваш вкус, четыре порции. И стакан компоту.

— Что-нибудь более существенное пить не будете?

— Я же с ребенком,— Юрий Иванович укоризненно покачал головой.

Девушка глянула на Юру, усмехнулась еле заметно, повела плечиками и с достоинством удалилась от стола.

— Я возьму себе этот листок?— с требовательной интонацией спросил Юра, показал вчетверо сложенную бумажку.— Все-таки пока я написал только это, а не те горы халтуры, которые наворочали вы,— он язвительно улыбнулся.

— Дерзишь?— удивленно поднял брови Юрий Иванович.— Ну-ну, валяй.

Он налил в стакан пива, пригубил смакуя. Увидел, что по лицу Юры легкой судорогой, тенью скользнуло презрение.

— Осуждаешь?— поинтересовался насмешливо. Вспомнил, как на вечеринках у Тонечки, изображая опытного и бывалого, глотал водку. Хотел сказать об этом, но передумал.— Тебе виделось, несостоявшийся Растиньяк, неполучившийся Жюльен Сорель, что в моем возрасте ты будешь небрежно потягивать шампанское и закусывать устрицами?

— Мне вообще ничего такого не виделось,— раздраженно отрезал Юра.

— Врешь,— снисходительно улыбнулся Юрий Иванович.— Погляди-ка в окно. Вот такие шалманы станут со временем твоим единственным клубом интересных встреч.

Юра повел глазами в сторону площади. Там, прижавшись к акациям, стоял обшарпанный синий павильон, возле которого валялись пустые бочки, топтались какие-то задрипанные мужики, бродили бездомные шелудивые собаки.

— Что это вы все время только самое плохое вспоминаете?— спросил он зло.— Разве ничего хорошего у вас не было?

— Не знаю. Было, наверно,— подумав, признался Юрий Иванович. Облизнул усы.— Только я не помню. Мне кажется, что вся моя жизнь — сплошная цепочка скверны и мерзостей.

Сказав «цепочка», он вспомнил свои размышления перед разговором с Владькой на школьном стадионе и тяжело вздохнул.

— Об одном сожалею, что попал я в сегодня, а не в те годы, когда было тебе лет двенадцать — тринадцать.

— Что бы это изменило?— поморщился

Юра.— Вы все равно были бы таким, какой есть...

— Не скажи,— торопливо перебил Юрий Иванович.— Ты вот назвал Бредбери нытиком-пессимистом. Черт с тобой, называй. Но у меня с утра не выходит из памяти один его рассказ. «И грянул гром», по-моему, называется. Помнишь?

Юра кивнул.

— Опять врешь,— равнодушно заметил Юрий Иванович.— Ты его прочтешь только в институте. Как и Ремарка, и Хемингуэя, подражая которому, кстати, отрастишь эту вот щетину,— потер ладонью подбородок.— Правда; на литературных вечерах ты громил своих будущих кумиров как певцов «потерянного поколения», герои которых ушли от борьбы, сдались и прочее, и прочее, но читать — не читал.

— Вы начали про рассказ,— покраснев, напомнил Юра.

— Да-да, помню,— Юрий Иванович маленькими глотками, с удовольствием, прихлебывал пиво.— Его герои из сравнительно устойчивого и благополучного своего сегодня отправляются в далекое прошлое охотиться на какого-то динозавра. А когда возвращаются, то находят в своем времени разгул идиотизма и чуть ли не крах цивилизации.

— Почему?— у Юры заинтересованно расширились глаза.

— Потому что один персонаж, оступившись, раздавил какую-то козявку. Кажется, бабочку,— Юрий Иванович крутил в пальцах пустой стакан, задумчиво глядел в него.— Эта бабочка могла вывести других, те — других. Мириады невыведенных бабочек, которых не сожрали какие-то твари, что тоже повлияло на их, если так можно выразиться, судьбу. Я забыл доказательства Бредбери, но они логичны. Нарушено было, как говорится в наше время, экологическое равновесие, жизнь на земле стала развиваться несколько по-иному, и в результате через миллионы лет стала такой, что, когда герои рассказа вернулись в свое настоящее, они обалдели от ужаса. Понял?

— Про бабочку и миллионы лет понял,— хмыкнул Юра.— Но при чем здесь вы и я?

— При том, бестолочь, что каждый пустяк, каждый поступок в прошлом отзовется в будущем,— Юрий Иванович рассердился. Налил пиво с такой яростью, что оно выплеснулось через край стакана на скатерть.— Здесь аукнется, там,— ткнул пальцем за спину,— откликнется. Если бы я тебе в классе шестом — седьмом дал оплеуху, ты, может, не стал бы таким...

— Я уже получил оплеуху. Сегодня,— сразу

помрачнев, напомнил Юра.— Век ее не забуду.

— Вот и хорошо.— Юрий Иванович посыпал из солонки в лужицу пива на скатерти.— Слушай притчу. Как-то Бенвенуто Челлини, еще ребенком, увидел в огне саламандру и, обрадованный, закричал об этом отцу. А тот вlepил ему затрещину, чтобы сын лучше запомнил этот миг. Бенвенуто никогда не забывал подзатыльник, а значит, и саламандру. Улавливаешь?

— Значит, помня вашу пощечину, я буду помнить и...— Юра помялся, скривил иронически губы.

— Да, будешь помнить, что ты подлец,— спокойно подтвердил Юрий Иванович.— Хотя, в отличие от Бенвенутиногo отца, я действовал произвольно. Слишком уж большой дрянью казался самому себе, когда вспомнил, что науськал Цыпу на Владьку.

Юра, опустив голову, разглаживал складки на скатерти.

— Сам не пойму, как это получилось,— тихо сказал он.— Если вы— это я, то знаете, что я... что вы... что сейчас я...

— Чувствуешь себя скотиной,— пояснил Юрий Иванович.

Официантка принесла четыре тарелки жареной картошки с такими фантастически огромными кусками мяса, что Юрий Иванович крикнул. Девушка обиделась, сказала, что если товарищу клиенту порции кажутся маленькими, он может проверить раскладку и выход продукции по калькуляции.

— Нет, нет, что вы, спасибо,— переполоушился Юрий Иванович и, когда официантка ушла, потер плотоядно ладони.— Почревоугодничаем?.. Я ведь ел-то сто лет назад, то есть вперед, хотя было это всего лишь в седьмом часу утра,— замер, не донеся вилку до рта.— Знаешь, у кого я завтракал? У Лариски Божицкой. На свадьбе ее дочери.

Задумавшийся Юра, лениво ковыряя еду, дернул плечом: какое, мол, мне дело. Юрий Иванович, с сожалением глядя на него, рассказывал о встрече с Ларисой, о том, как она, оказывается, любила и все еще любит его, Юрия Бодрова, о поцелуе и последних словах женщины. Юра поднял недоверчивые глаза, но смутился, отвел ставший ревниво-обиженным взгляд. Юрий Иванович расхохотался так громко, что бумфетчица вздрогнула, а из кухни выглянула напуганная официантка.

— Чудак, она же тебя любит. Я для нее— это ведь ты.

— Да, понимаю... понимаю,— Юра совсем смутился. Отвернулся к окну. Долго глядел на

площадь. Брови постепенно сдвинулись в раздумье, губы затвердели виновато и скорбно.— Скажите, а Владьку вы там, в будущем, видели?— спросил как можно безразличней.

— Как же не видел?— Юрий Иванович, выбравший корочкой соус уже со второй тарелки, поперхнулся. Откашлялся в кулак.— Ведь это по его милости я сюда, кхе-кхе,— в командировку, так сказать, попал... Я возьму еще эту порцию?

— Берите, берите, я есть не хочу,— Юра суетливо пододвинул тарелку.— Как это по его милости?

— Шут его знает,— неопределенно шевельнул толстыми плечами Юрий Иванович.— Он мне о своей работе только в самых общих чертах сказал.— И добавил чистосердечно:— Все равно я ничего бы не понял в этой релятивистской зауми.

Он сначала неохотно, потом оживленной— отхлебывая пиво, пережевывая мясо, отдуваясь, взмахивая рукой,— поведал о вчерашнем дне. Юра, не шелохнувшись, слушал с лицом Фомы неверующего, вкладывающего персты в раны Христа. Попросил показать часы и, когда Юрий Иванович протянул пухлую волосатую руку, склонился над ними.

— Вот так Владька,— протянул задумчиво. Постучал осторожненько ногтем по стеклу циферблата.— А вы у него не попросили прощения за меня... то есть за себя, школьника?— спросил тихо и съезжился.

— А ты, уже немножко зная меня нынешнего, как думаешь?

— Думаю, извинились,— Юра опустил глаза.

— Приятно слышать,— Юрий Иванович довольно фыркнул.— Значит, не совсем пропащий...

— Здравствуй, Юрочка.

Тот вскинул голову, и лицо стало и растерянным, и смущенным, и горделиво-счастливым одновременно.

Юрий Иванович тяжело развернулся на этот звонкий и радостный голос.

К столу подходила, небрежно помахивая сумочкой, кругленькая, пухленькая девица. Следом шел с отрешенным, независимым видом и тщетно скрываемой блудливой улыбкой Генка Сазонов.

— Вот ты где скрываешься, Юрочка. Пиво попиваешь?— Девица положила руки на спинку незанятого стула, качнулась.— Сесть-то можно? Не прогонись?— и засмеялась. Вкрадчиво, двусмысленно как-то.

Юра дернулся, вскочил. Глянул виновато на Юрия Ивановича, пригладил пятерней чуб.

— Я не один. Я не знаю. Садись, Генка,— указал на четвертый стул.

Но Сазонов, набывшись, не шелохнулся.

А Юрий Иванович разглядывал девицу и чувствовал, что ее голос, ее ясное, веселое лицо, ее пышные формы вызывают, неизвестно почему, легкое беспокойство, схожее с неловкостью. И тут он узнал ее — Тонечка!

— Этот дядечка с тобой? — Тонечка села, закинула ногу на ногу. Уперла локоток в стол, уткнула подбородок в ладонь. Откровенно изучающе поразглядывала недолго Юрия Ивановича и повернулась к Юре. — А вы похожи. Ничего, симпатичный у тебя родственник, положительный. Вы извините, что я при вас, в глаза говорю, — кокетливо улыбнулась Юрию Ивановичу, оценивающе задержала взгляд на его лице.

Юрий Иванович понял наконец, откуда появилось ощущение неловкости и беспокойства — вспомнил: это произойдет сегодня, потому что Тонечка организует у себя дома пирушку в честь последнего экзамена Юры, а когда поздно ночью драмкружковцы и подруги Тонечки начнут расходиться, она задержит его, и он останется, обмирая от страха, неуверенности и стыда.

Он еще раз зайдет к ней и еще. А потом зачастую, становясь все уверенней и самонадеянней, потому что опытная Тонечка будет восхищаться им, и он станет относиться к ней свысока, а вскоре и пренебрежительно. Это отношение к Тонечке он перенесет со временем на всех женщин: и на тех, с которыми будет близок, и на тех, с которыми будет едва знаком.

— Так ты, Юрочка, не опаздывай. Ведь соберемся только ради тебя, — напомнила Тонечка осевшим, потерявшим мелодичность, грудным голосом, обволакивая Юру зовущим, обещающим взглядом.

— Нет, девушка, никуда он сегодня не пойдет, — серьезно ответил за него Юрий Иванович.

— Почему это? — удивилась Тонечка и с веселой растерянностью воззрилась на Юрия Ивановича.

— Потому что... — он хотел сказать: «Я знаю, чем это кончится», но получилось бы оскорбительно, и заявил: — Юра весь день будет со мной.

— И вы приходите, — невольно вырвалось у нее, но тут же она встревожилась: вдруг этот старый дядька действительно придет?

— Это было бы пикантно, — Юрий Иванович крякнул, затрясся в беззвучном смехе.

— Вот еще! Что вы обо мне воображали? — Тонечка выпрямилась, выпятила воинственно грудь и, слегка откинув голову, погипнотизировала Юрия Ивановича уничтожающим взглядом. Встала. — Не забудь, Юрочка, мы тебя ждем, — напомнила ласково.

Юра, вишневый, с рубиновыми ушами, те-ребил складку скатерти.

— Не знаю... Я, наверно, не приду.

Тонечка и его погипнотизировала, только взгляд был не уничтожающий, а сперва изумленный, потом насмешливый.

— Дело твое. Мы и с Геночкой хорошо погуляем.

Взяла Сазонова под руку и гордой поступью удалилась к крайнему незанятому столику. Юрий Иванович видел, что будущий начальник горкомхоза стесняется, опасно шныряет взглядом по залу — нет ли знакомых, не дай бог! — но хорохорится. К Тонечке подскочила официантка, которая, изнывая от любопытства, топталась около буфета; они схватились за руки, повскрикивали: «Тонечка!» — «Зочка!» — и, пошептавшись, одновременно повернули гневные, осуждающие лица к Юрию Ивановичу. Он поманил официантку пальцем. Расплатился.

— Идем! — приказал Юре.

Выбрался, побряхывая, из-за стола и, не оборачиваясь, вышел, сытый и довольный, из чайной.

Юра выскочил следом, пристроился рядом. Лицо было обиженно-отвердевшим — с выступившими скулами, побелевшими губами.

— Злишься на меня? — Юрий Иванович добродушно посмотрел на него. — Зря... Не забывай про бабочку из рассказа Бредбери. Я знаю, что делаю, — и, увидев, что у Юры дернулась щека, ушел от разговора. Предложил: — Пойдем в Дурасов сад?

— Вы надолго к нам? — отрывисто спросил Юра. Он смотрел вдаль ненавидящими глазами.

— Не знаю, — Юрий Иванович равнодушно пожал плечами. — Сколько Владька сочтет нужным, если, конечно, это его работа.

— А если там, в будущем, что-нибудь разладится и вы застрянете здесь, что тогда?

Юрий Иванович споткнулся, устался на носки башмаков.

— Не думаю, чтобы Владька допустил такой просчет. Но если это случится, тогда... — Осмотрелся, прищурясь. Они стояли почти в центре площади на утоптанном, с выбитой травой, пятачке, к которому стягивались пыльные тропки. — Тогда я устроюсь кем-то вроде оракула, провидца. Стану футурологом. Начну рассказывать о будущем. Вот здесь, к примеру, — указал на синюю пивнушку, из распахнутой двери которой выкачнулись два обнявшихся мужика, — встанет современный кинотеатр «Космос»: алюминий, стекло, свет, изящные линии. Здесь, — показал под ноги, — воздвигнут замечательный монумент павшим воинам. Там, — повел рукой в сторону при-

земистого кирпичного лабаза дореволюционной кладки,— построят красивую автостанцию. И вся эта деревенская, унылая площадь похорошеет, покроется асфальтом.

Юра крутил головой, следил за рукой, но по лицу видно было — не может он представить, что вместо этих привычных лопухов, бурьяна будет асфальт, бетон, воздушные конструкции зданий будущего.

— Я поеду в Академию наук, расскажу, когда полетит первый спутник, как будут развиваться космические исследования, расскажу, что знаю, про лазер и голографию, про тюменскую нефть и нефть арабов, про Китай и Кубу, про Африку и Ближний Восток, про пересадку сердца и иммунологию, про микрохирургию и микроэлектронику, про БАМ и атомные ледоколы, про... да черт-те что помню еще я из будущего. Разве это не поможет людям, разве не ускорит прогресс? — он, сам поразившись открывшимся возможностями, радостно повернулся к Юре.

Тот, не моргая, ошалело смотрел на него.

— Спутник, космос... — повторил шепотом. И спросил: — А кто такой Лазарь? Бам? И эта, как ее, голо-графия? «Графия» — значит «писать»? Новое направление в искусстве, да?

Юрий Иванович поморгал, соображая, и вдруг захохотал, с силой хлопнув Юру по спине.

— Чего вы? — обиделся тот. Почесал макушку, тряхнул чубом. — Это ведь действительно такое дело... такое... — и насторожился, словно прислушиваясь. — А вы знаете, что мне пришло в голову? — Глаза его расширились, рот растянулся в счастливой улыбке. — Помогите мне, то есть себе, а? Расскажите все, что знаете. А? Представляете, как это мне поможет! Никто не знает чего-то, а я знаю: этим стоит заниматься, а это — ерунда. Выберу факультет в институте и с первого курса займусь проблемой, которую вы мне посоветуете. Ух ты... — он даже зажмурился, представив такую беспроектную перспективу.

Юрий Иванович понял сразу и тоже чуть не задохнулся от радости: ведь в самом деле сможет подсказать Юре что-то путное, не в науке, нет, о ней он знает только понаслышке, да и тяги к этим нудным, кропотливым исследованиям нет, а вот в литературе! Стоит подробно пересказать несколько известных книг или сценариев... И вдруг Юрий Иванович ужаснулся: «Что я? О чем я? Рехнулся?! Хочу погубить мальчишку, погубить себя!»

Но не мысль о творческой нечистоплотности напугала его; он представил, что Юра, поверив ему, наклепает, например, десяток сценариев, которые окажутся откровенной халтурой, и

будет пробивать их, твердо зная, что такие фильмы непременно со временем поставят. Ему будут объяснять, что замыслы интересные, но воплощены неумело, непрофессионально, он обозлится, испоганится, станет воинствующим графоманом, грозой редакций: подлым, завистливым, озлобленным, самовлюбленным и беспринципным. Если, конечно, доживет до такого окончательного падения, а не умрет раньше, отравленный собственной желчью.

— На чужом горбу в рай хочешь въехать? — с издевкой полюбопытствовал Юрий Иванович. — Займись, в таком случае, генетикой: хромосомы, дэ-эн-ка, код наследственности. Хоть немного реабилитируешься перед собой и Владькой за то дурацкое собрание.

— Да ну вас, — обиделся Юра, — я серьезно!

— Серьезно думал, что я помогу тебе стать липовым гением? — Юрий Иванович презрительно засмеялся. — Ну уж, дудки! Выбери дорогу сам, потому что на любом пути, поверь мне, звездные часы ох как редки. Вся жизнь — сплошные будни. Вот если их ты сумеешь сделать праздником, тогда... — облапил Юру за плечи, прижал к себе. — Без труда, как говорится, не вынешь рыбку... Впрочем, это уж пошлости.

Юра заизвивался, освобождаясь из его рук. Выскользнул, поглядел исподлобья.

— Что уж, и подсказать ничего не можете? — Голос дрожал от обиды. — Ничему вас, что ли, жизнь не научила?

— Бабочка Бредбери... бабочка Бредбери, — пропел, посмеиваясь, Юрий Иванович. — Известно, куда тебя мои советы заведут и что из этого получится.

Он не спеша пошел по тропке к пыльно-зеленой стене акации, за которой — стоит перебраться через дорогу и еще один ряд кустов, — речка.

— Ну а космос? — почти без надежды буркнул за спиной Юра. — Вы же знаете, что я пишу научно-фантастическую повесть.

Юрий Иванович вспомнил эту повесть, в которой замаскированно не очень умело была скомпилирована «Аэлита» Толстого. Беспомощная повесть.

— Можешь выкинуть ее на помойку, — деловито посоветовал Юрий Иванович. — Спутник запустят уже в этом году, а у тебя...

— В этом? — ахнул Юра, обжег Юрия Ивановича, заглянул ему в лицо. — А дальше?

— Мы первыми полетим в космос, первыми выйдем в него, — важно перечислял Юрий Иванович, но опять вспомнил о непредсказуемости того, чем обернется это знание для Юры, и прикрикнул: — Никаких вопросов! Все! Замолкни!

Он, пыхтя, пролез сквозь брешь в зарослях акации и, полуспустив от жары пиджак с плеч, перешел ухабистую, с окаменевшей грязью, дорогу.

— Одно могу сказать,— добавил брюзгливо, не поворачивая головы.— Первыми на Луну высадятся американцы.

— Американцы?! — Юра чуть не задохнулся от возмущения и неверия.— Это еще почему? Врете!

— У нас другой подход. Мы будем изучать ее автоматами. И ракету туда первыми запустим. Так что приоритет наш.

Юрий Иванович уже обогнул густой кустарник на берегу, вошел на стертые доски щелястого моста и, старательно наступая на отполированные ногами скобы, побрел по нему. На середине остановился, навалился грудью на потрескавшийся, серый и теплый брус перил, уставился задумчиво в реку. Мерно и лениво шевелилась черная над глубокими местами вода, изредка открывая изумрудно-зеленые лохмотья водорослей, облепивших сваи; визжали, мельтешили, играя в «догонялки», мальчишки, и сверху хорошо было видно их ушедшие ко дну, расплывчатые и колеблющиеся бледно-желтые тела. Все пацаны казались худыми и нескладными: то

ли оттого, что, ошалело выскочив на берег, они сжимались, ежились, пританцовывая, то ли действительно были заморышами по сравнению с долговыми, мускулистыми акселератами будущего.

Юра пристроился рядом. Тоже навалился на перила, сплюнул в воду.

— Да, жалко,— вздохнул Юрий Иванович.— В наше время Нелета обмелеет и купаться тут станет невозможно. Построят на этом месте красивый бетонный мост, но он будет по существу над оврагом.

Юра не ответил. Сосредоточенно сдвинув брови, думал о чем-то.

— Самой горячей проблемой в наше время станет защита так называемой окружающей среды,— грустно продолжал Юрий Иванович.— Ты вот, помню, на экзамене по ботанике с жаром рассказывал о великом плане преобразования природы, а мы заговорили о великом плане защиты ее.

— А когда американцы на Луну высадятся? И как их фамилии? — перебил Юра.

— На Луну? — удивился Юрий Иванович. И вдруг со стыдом обнаружил, что не знает ни год, ни фамилии. Один астронавт, кажется Армстронг, однофамилец некогда любимого

трубача Луиса-Сэчмо, а другой? А дата? Четвертое октября: пятьдесят седьмого года, двенадцатое апреля: шестьдесят первого запомнились намертво, а вот человек на Луне...— Мы договорились: никаких вопросов!

— Зачем же вы тогда вообще про американцев говорили?— обиженно хмыкнул Юра.— Одно можно, другое — нельзя.

— Затем, что знаю: ты никогда никому не скажешь, что первыми на Луне будем не мы. Побойшься,— уверенно заявил Юрий Иванович. — Эта информация останется в тебе, а значит, не повлияет...

— Здоров, Бодрый! Скупнуться приканал?

Юрий Иванович повернул голову.

Худосочный парень в длинном, чуть ли не до колен, мятом сером пиджаке панибратски хлопнул Юру по плечу. Тот вздрогнул, испуганно распрямился, глянул на него заискивающе, потом — виновато — на Юрия Ивановича.

— Да нет, Цыпа. Я так.

Цыпа! Черная, несмотря на жару, кепка-восьмиклинка с микроскопическим козырьком натянута почти на глаза, хромовые сапоги, изжеванная, расстегнутая рубашка, тельняшка под ней.

Юрий Иванович почувствовал, что опять, как и много лет назад, сдавило сердце от ненависти и омерзения, как стало тяжело и душно в груди. Он развернулся, посмотрел в упор в лицо этой страшной шпане своей юности. Ничего особенного — болезненно-бледный, с нечистой, в точечках, кожей. В памяти он остался более злоецим. И все же Юрий Иванович невольно сжался, испытал нечто вроде озноба — сработал давний страх и отвращение к этому полураскрытому рту с мокрыми губами, к этой белесой челке, к этим глазам — пустым и равнодушным, словно у вареной рыбы.

— Чо уставился, дед? Человека не видел? — лениво, враспяжку спросил Цыпа и вдруг сделал резкое движение, будто хотел ткнуть в живот двумя растопыренными пальцами с длинными грязными ногтями.

Юрий Иванович непроизвольно дернулся, прогнулся назад. Цыпа изобразил губами улыбку.

— Струхнул, поп? Не бойсь, я шучу,— и потребовал сонно: — Дай-ка закурить.

Юрий Иванович ощутил, как сердце отчаянно ударилось в грудную клетку; стало жарко и сразу же зябко.

— Пшел вон, кретин,— сказал он четко.

— Чё-о-о? — протянул Цыпа. Оглянулся удивленно на Юру. Тот бледнел, краснел, глаза испуганно бегали.— С тобой, что ли, этот фраер? — И снова к Юрию Ивановичу: — Ну-ка, мужик, повтори.

— Пошел вон,— раздельно повторил Юрий Иванович.

Он успокоился, оперся спиной о перила. На шпаненыша смотрел насмешливо. Тот, глубоко всунув руки в карманы брюк, щерился, раздувал ноздри, буравил обретшим выражение, но не страшным, а изучающим взглядом.

— Дяденьки, пустите!

Худенький лопухий мальчишка с всклокоченными мокрыми волосами деловито проскользнул между ними. Глянул торжествующе на берег, где замерли в ожидании приятели, потом — горделиво — на Юрия Ивановича: вот, мол, полюбуйтесь на меня, удальца-храбреца! Начал вскарабкиваться на перила.

— Ты еще, шмакодявка, тут...— Цыпа, не глядя, пихнул его растопыренной пятерней.

Мальчишка завизжал, сорвался с моста, дрыгая руками, ногами. И не успел он еще долететь до реки, не раздался еще резкий, точно доской ударили, шлепок его тела, не взметнулся еще белый, литой, похожий на стеклянный сталагмит, выброс воды, как Юрий Иванович уже схватил Цыпу левой рукой за грудки, правой, развернув, за штаны.

— Ах ты, гад, звереныш!

Мелькнуло обезумевшее от страха лицо Цыпы, блеснули подковки на подошвах сапог, взметнулись серые полы пиджака. Пронзительный, как свист, вопль заложил уши, и парень закувыркался в воздухе.

Он вынырнул с выпученными глазами, выплюнул длинную струйку воды, разинул безмолвно рот и опять скрылся, отчего пиджак, распластавшийся на поверхности, плавно и величаво, будто шлейф, скользнул следом.

— Утонет еще, скотина! — мрачный Юрий Иванович торопливо пошел к мосту.

— Ну и пусть подышает! — неожиданно и зло заявил Юра.— Вам что... Сегодня или завтра испаритесь, а этот останется.

Юрий Иванович уже ступил на мягкую траву пологого откоса. Остановился. Оглянулся удивленно.

— Однако,— качнул головой,— крут ты. Человек ведь все же.

— Человек? — Юра даже зашипел от негодования.— Что от него толку, зачем ему на свет-то надо было появляться? Душить таких мало... И не смотрите на меня так! — потребовал, поморщившись.— Мои мысли — ваши мысли. Сами говорили.

— Неужто я так думал когда-то? — Юрий Иванович, опустив голову, ковырнул носком башмака землю.— Не помню, прочитал ты уже «Преступление и наказание» или нет?

— Читал! Читал! — выкрикнул Юра. Облизнул губы. — И полностью согласен с Раскольниковым. Прав он и мыслит верно, только кончил дурачки... Во, выплыл, сволочь!

Цыпа, пошатываясь, выбирался на берег. Светлые струйки, весело журча, сбегали в воду; костюм почернел, прилип к тощему телу. Мальчишки врассыпную бросились от берега. Остановились вдалеке, со страхом и недоверием разглядывая некогда грозного, а сейчас жалкого, мокрого урку. Тот мотал головой, как от боли, стонал. Сорвал кепчонку, смял ее, отер с силой лицо.

— Ну, сука, ну, брюхатый, я тебе устрою, — закричал он булькающим от обиды, унижения голосом. — Ну, падла, ты меня вспомнишь, выпущу я тебе кишки... — Захлебнулся от ярости и бессилия. — Сделаю я тебя, сделаю! — погрозил побелевшим кулаком.

И конечно, как всегда, невесть откуда появились зеваки. Они толпились на мосту, но — вот удивительно! — молчали, не возмущались, что здоровенный мужик связался с парнишкой: знали этого хулигана.

Юрий Иванович вперевалку направился к нему. Цыпа торопливо, задом, засеменял в воду.

— И ты, Бодрый, запомни. Не жить тебе. Слезами, паскуда, умоешься! — визгливо, с отчаянием, пообещал он.

— Я-то тут при чем? Я, что ли, тебя сбросил? — взвыл Юра.

Голос был притворно сочувствующий, хнычущий и ехидно-довольный одновременно.

Юрий Иванович запнулся. Постоял. Развернулся.

— Не унижайся! — рявкнул. — Не позорь себя!

Пересек, не оглядываясь, дорогу, спустился с откоса и побрел узкой тропкой через чей-то огород. Слева зеленели на буро-серых конусах фонтанчики картофельной ботвы; справа шелест ивняка, выворачивая изнанкой узкие листья, которые взблескивали, точно юркие серебристые рыбки; впереди ровно шумел кронами Дурасов сад; над головой — синее, веселое небо: хорошо, спокойно, благодно, но сопит обиженно за спиной Юра, и Юрий Иванович кривится, как от изжоги. Он не мог, не смел судить себя юного за страх перед Цыпой, сам только что почти испытал его, но вопль Юры был уж слишком откровенный, отчаянный и подловато-гаденький, — стыдно, обидно, противно за себя.

— Испугался, что мстить будет? — спросил Юрий Иванович. У него, как всегда после вспышки бешенства, наступил спад: накатила

слабость, задрожали в запоздалом волнении пальцы. Он торопливо нащупал в карманах сигареты, зажигалку. — Свали все на меня. Отрекись.

— Так и сделаю, — сквозь зубы сказал Юра. — Зачем мне погибать от ножа какого-то ублюдка? У меня вся жизнь впереди: столько интересного можно узнать, увидеть, сделать, и вдруг — смерти! Из-за чего? Из-за какого-то Цыпы, из-за вас! Может, я стану...

— Ты станешь мной! — жестко напомнил Юрий Иванович.

— Нет, никогда! — закричал Юра и даже присел, выкинув в стороны крепко сжатые кулаки. — Не буду я вами. Не буду! Ни за что!

Лицо его было таким оскорбленным, таким возмущенно-негодующим, что Юрию Ивановичу стало жалко парня.

— Это сказка про белого бычка. Успокойся, — и хотел положить руку на плечо Юры, но тот отскочил.

— Ненавижу вас! Ненавижу. Вы думаете, с Цыпой справились, так герой? Что я вас сразу зауважал? Черта с два. Я понял. Я все понял, — он засмеялся, точно оскалился. — Это вы сделали, чтобы мне что-то доказать. Ничего вы не доказали. Если я боюсь, то и вы боитесь. Вон как пальцы дрожат... Слабак, неудачник. И вы думаете, я похож на вас? Вот вам! — показал кулаки. — Я никогда не полезу напролом, я знаю, что можно делать, чего нельзя, что можно говорить, а что — нет. Я не дурак, не самоубийца, чтобы подставлять голову из-за пустяков, из-за каких-то там идиотских принципов...

— Да успокойся ты! — Юрий Иванович испугался, что у Юры началась истерика. Шагнул к нему, но тот, почти падая, ринулся, не разбирая дороги, в кусты.

Нашел его Юрий Иванович под огромной разлапистой липой. Нелета, ударяясь в крутой, обрывистый берег, играла желтыми, вылизанными водой корнями, лопотала в ивняке; Юрий Иванович вспомнил, что это было его любимое место в детстве и позже: здесь он готовился к экзаменам, здесь уединялся летом, уверенный, что с противоположного, пляжного, берега выглядит романтически одиноким. Юра сидел, положив подбородок на плотно сдвинутые колени и обхватив руками ноги. В этой позе вид у него был обиженный и несчастный.

С той стороны ему кричали, махали какие-то парни, девушки, вольготно и праздно валявшиеся на песке.

— Это наш класс? — Юрий Иванович узнал белый одуванчик головы Витьки Лазарева, мускулистый торс Ленки Шеломова.

— Ваш, ваш,— буркнул Юра.— Видите, приехали. Вас, соученика бородатого, рассматривают.

— Ты бы сплавал к ним. Нехорошо откалываться,— Юрий Иванович бросил пиджак на траву, уселся рядом.— Извинись, скажи, дядя приехал. Писатель, — он хмыкнул,— фантаст. Одним враньем больше, одним меньше — экая беда.

— Нечего мне там делать. Обойдутся, и я обойдусь,— Юра выпрямился, уперся ладонями в землю, прищурился.— Я хочу вам сказать...

— Не надо,— перебил Юрий Иванович.— Твои мысли, планы, взгляды я хорошо помню. Последние сутки много размышлял над этим,— швырнул окурочек в реку, проследил, как он, заплывав на струе, скрылся под берегом.— Не вздумай доказывать что-то. Все равно врать будешь, выкручиваться, себя в лучшем свете выставляя, а это лишнее. Твои раскольниковские да суперменские комплексы у меня вот где,— постучал сжатыми пальцами по лбу, по груди.— А что вышло? — Оттопырил губу, пшикнул презрительно.— Вышло то, что ты видишь.

— И что же мне делать? — глухо спросил Юра и крепко зажмурился.

— Не знаю,— Юрий Иванович лег спиной на пиджак, прикрыл ладонью глаза.— Одно могу сказать: выкинь из головы бредовую дурь о своей исключительности. Ты такой же, как другие... И даже хуже.

— Это все?

— Это главное... Господи, как, оказывается, замечательно — просто жить: не гоняться за химерами, не пыжиться, изображая невесть что, быть самим собой.

Сквозь прищур, слегка раздвинув пальцы, он увидел, как у Юры пренебрежительно дернулись губы, и хотел добавить что-нибудь поучительное: не надо, дескать, понимать примитивно — можно быть самим собой, оставаясь значительной личностью, если активно бороться за возвышенные цели и высокие идеалы, но вовремя удержался. Вспомнил, что сам такую борьбу лишь умело имитировал — а значит, и Юра знает это,— оттого сентенции прозвучат особенно фальшиво и вызовут смех. Да и не хотелось суесловить, умничать: солнце тепло пятнало лицо, руки; пахло сырой землей, прелыми листьями, нагретой кожей пиджака; шелестела вверху листва, бормотала негромко и весело речушка; изредка долетали с того берега смех, крики одноклассников. Юрий Иванович улыбался, пытаясь вспомнить, о чем они ржали на берегу после сегодняшнего последнего экзамена, и не мог — рассказывали, наверно, кто и как дура-

чил учителей. Впрочем, а был ли Юрка Бодров в этот день с соучениками? Забылось, все забылось... Постепенно и шумы, и гомон стали таять, уплывать куда-то далеко-далеко; Юрий Иванович догадался, что засыпает, хотел встать, но не было ни сил, ни желания: сказались и бессонная ночь, и водка, выпитая сегодня — сегодня? — у Ларисы, и потрясение, испытанное утром, и обед, и Цыпа...

5

Проснулся он от легкого озноба и неясного ощущения тревоги. Открыл испуганно глаза — солнце уже сползло к горизонту, а в глубине рощи, между деревьями, накапливался еще не плотный, но явственно различимый сумрак. От реки тянуло прохладой, ныл бок, в который уткнулась банка с крабами, онемела затекшая рука. Юрий Иванович пошевелил ею, глянул машинально на часы: 19.00. «Ого, семь вечера! — Он выпрямился, помотал головой, потер ладонями щеки. Сонно огляделся, увидел Юру и ужаснулся.— Батюшки, весь день проспал!»

Юра, набросив на голые плечи куртку, все так же сидел под деревом. Рядом с ним развалился на траве плечистый, широкогрудый, с руками, оплетенными, казалось, одними сухожилиями, Ленька Шеломов. Парни повернули головы, и по застывшим улыбок Юрий Иванович понял, что они только что мирно и дружно беседовали. Это удивило Юрия Ивановича — Ленька никогда не был его приятелем: Юрий Бодров в упор не видел, не замечал здоровяка и тугодума Шеломова, особенно, когда тот помогал после школы отцу-конюху — возил на лошади дрова, сено, навоз.

— Идиотизм какой. Тоже мне Рип Ван Винкль наоборот! — Юрий Иванович натянуто засмеялся.— Приехал бог весть из какой дали и дрыхну, точно пастушок на лужайке.

Ленька прыснул, сдерживая смех, отвернулся.

— Я не храпел? — смущенно поинтересовался Юрий Иванович.

— Храпели,— желчно подтвердил Юра.

— Извини, брат. Уснул я крепко: защитная реакция на стресс, нечто вроде анабиоза,— и вдруг удивленно ахнул: — Что это у тебя за фонарь?

Юра торопливо прикрыл ладонью левый глаз.

— Ну, я поплыл,— Ленька пружинисто вскочил, сиганул стремительным росчерком в воду.

— Ленька, что ли, врезал? — удивился Юрий Иванович.

— Ну да, еще чего,— обиделся Юра. Посо-

пел, сорвал травку, закусил ее.—Цыпа с кодлой приходил,—пояснил неохотно.—Я на тот берег, к своим, плавал. Гляжу, а здесь, из кустов,—мотнул головой за спину Юрия Ивановича,—Цыпа и вываливается. Ну, я сюда. Витька Лазарев, Ленка—за мной... Гад, свинчаткой, наверно, зацепил.—Он потрогал пальцами щеку, качнул головой, усмехнулся.—Хорошо, что вас эта свора сразу не увидела.

— Да-а, история,—Юрий Иванович обрадовался было, что Юра подрался, но тут же ему стало страшно. Он уже в чайной уловил какое-то странное, двойственное отношение к себе юному и сейчас внезапно понял, осознал его—это было чувство отца к любимому, но не оправдавшему надежды сыну.—Теперь этот дефективный тебе житья не даст.

— Не,—уверенно успокоил Юра.—Ленка с ним потолковал, Цыпа побоится его братьев.

Юрий Иванович вспомнил пятерых братьев Ленки. Все они, здоровенные, мордастые, уверенные в себе, работали в МТС, и Юра, когда встречал их, всегда испытывал странное раздражение и неприязнь: отчего Шеломовы вечно такие довольные и, пожалуй, счастливые, если стали обыкновенными работягами? Зачем заканчивали десятилетку, почему никуда не поступали и, видимо, не стремились ни к чему, кроме как жениться после школы и остаться до конца дней в этом затхлом Староновске.

— Бодрый! Юрка! Айда-ка сюда, сказать чего-то хочу! — заорал с того берега Ленка.

Он, подпрыгивая, пританцовывая, вытряхивал воду из уха, остановился, махнул рукой. И Витька с Лидкой—последние, кто не ушел с пляжа,—тоже замахали.

Юра вопросительно-неуверенно глянул на Юрия Ивановича.

— Надо бы уважить,—поощрил тот.—Да и мне искупаться не повредит. Взбодрюсь.

Он разулся, стянул рубаху, брюки, увязал все в пиджак. Раскинул руки, потянулся, хлопал по белой, дряблой груди.

— Чего это вы... чего это у вас трусы какие-то бабьи? — Юра поморщился, презрительно указал взглядом на пестрые, в лютиках-цветочках, плавки Юрия Ивановича.

— Темнота, — снисходительно улыбнулся тот,—пуритане... Это последний вопль моды. Специально для Черного моря купил,—и помрачнел.

Цепляясь за кусты, спустился к воде. Взвизгнул: «А, собака, хороша!» — поплескал подмышками, окунулся, зажав пальцами ноздри и уши.

— Дай узел! — потребовал.

Принял от Юры пиджак с одеждой, поплыл,

выставив сверток над поверхностью. Теплая и почти неощутимая наверху вода внизу свивалась в холодные жгуты, терлась скользкими, тугими, словно змеи проплывали, струями о ноги. Мелькнуло в голове: «А зачем ехать к морю? Можно и сейчас...» — но мысль показалась такой глупой и кокетливой, что Юрий Иванович фыркнул. И хлебнул, закашлялся.

— Давайте вещи,—решительно попросил Юра.—Утонете еще.

— О себе позаботься, гуманист. Мой час пока не пришел,—огрызнулся, отплевываясь, Юрий Иванович.

Он уже нащупал ступнями дно. Встал, побрел к берегу. «Старею. Задохся,—подумалось тоскливо.—Раньше этот паршивый ручеек и за речку-то не считал».

Выбрался из воды. Буркнул поджидавшему Юре:

— Я в сторонке посижу, мешать не буду. Не обращай на меня внимания.

Прошел мимо притихших одноклассников, заметил, что Лидка действительно сделала шестимесячную завивку и действительно стала похожей на овцу, остановился около покосившегося плетня огорода, который подполз к самому пляжу. Бросил на траву одежду, сел рядом. Отшвырнул ногой иссохшую, тонкую лепешку коровьего навоза, вспомнил опять первую поездку в колхоз, себя, Синуся, Владьку, вспомнил, как брезгливо подкладывал в костер такие вот лепехи, они лениво, но жарко горели, и сразу же зримо, до галлюцинации четко представил огонь и увидел, как корчится в пламени, извивается, чернея, исписанная бумага, превращаясь ненадолго в гримасничающие лица знакомых, бывших приятелей, бывших, так называемых, друзей, женщин, жен, не вызывающих ни радости, ни признательности, ни зависти. Стало тоскливо, пакостно на душе, и Юрий Иванович посмотрел на Юру.

Тот стоял рядом с уже одевшимся Ленкой, слушал, снисходительно улыбаясь, Лидку. Она, сложив ладошки перед лицом, что-то быстро и умоляюще говорила. Юра, словно почуяв взгляд Юрия Ивановича, встревоженно глянул в его сторону. Отвернулся. Но тут же оглянулся снова, всмотрелся. Ткнул кулаком в бок Ленку, отмахнулся от Лидки, как от надоедливой мухи, и побрел к Юрию Ивановичу.

— Юра, я прошу тебя. Я очень прошу,—крикнула девушка и прижала к груди кулачки.

— Отстань, не твоя забота! — рыкнул через плечо Юра.

Она потопталась и, беспрестанно оглядываясь, пошла вслед за Витькой и Ленкой.

— О чем тебя Матафонова просит? — полюбопытствовал Юрий Иванович.

— А, курочка-ряба. Хочет, чтобы я сегодня же уехал. Из-за Цыпы, — Юра, поискав место, бережно положил одежду на землю. — Ну и куда мы с вами теперь?

— Не знаю, — Юрий Иванович вытянул из узла джинсы. — Надо бы по городу походить, повспоминать.

— Давайте, — вяло согласился Юра. — Заодно к Борзенкову завернем. Ребята хотят, чтоб я упробовал его мать отпустить Владьку на вечер.

— А свою-то ты предупредил? — ворчливо спросил Юрий Иванович. Он с кряхтением зашнуровал туфли. И замер, согнувшись.

Только сейчас сообразил Юрий Иванович, что ведь мать тоже здесь, рядом, и похолодел. Он увидел ее в воображении такой, какой та была в его семнадцать лет — красивой, тоненькой, с аккуратными волнами короткой стрижки, с ямочками на щеках, по которым можно сразу угадать притаившуюся улыбку, с большими карими глазами, иногда встревоженными, а чаще гордыми за сына. Ему стало страшно — ведь мать сейчас моложе его — и стыдно, и больно: во что превратился он, обрюзгший, потасканный, лысый, где растерял все ее ожидания и надежды?

— Я ей позвонил после экзамена, — бубнил Юра, одеваясь. — А на вечер все равно не пойду. Вас ведь одного оставлять нехорошо, — добавил с издевкой и осекся. — Что с вами?

— Не догадываешься? — Юрий Иванович улыбался и чувствовал, что ему становится совсем уж жутко. — Она ведь и моя мать.

— Ну и что? — машинально спросил Юра. Но лицо у него начало бледнеть, глаза расширились и расширились.

— Дошло? Вот именно: нельзя мне ей показываться, никак нельзя! — Юрий Иванович с силой шлепнул себя по лбу, стиснул его, застонал. — Зря, зря я здесь оказался. Ничего мне это не дало, кроме горечи, и чем дальше, тем горше...

— А может, все-таки вам стоит встретиться с матерью, — робко посоветовал Юра.

— С ума сошел! — испугался Юрий Иванович. — Это стопроцентный инфаркт. Ты вон какой непробиваемый и то... А она... Да и кем я ей представляюсь? Это Владька к своей может заявиться из будущего. Как же: академик, на белом коне.

— Ну и вы скажите... — начал было Юра, но Юрий Иванович возмутился.

— Врать?! Хватит, всю жизнь врал — надоело, — он сосредоточенно смотрел в воду.

Долго смотрел. — Нет, не поверит она, догадается. — Устало поднялся. Достал очки, хотел надеть, но, взглянув на Юру, протянул ему. — Возьми, нечего синяками сверкать.

— Не, не, — тот оттолкнул руку. — Не надо. Засмеют, скажут — стилияга.

Они прошли вдоль огородов по тропинке, белой от пыли, свернули в переулочек, попетляли недолго окраиной и вышли на улицу Ленина.

Низкое солнце заползло за ровную пелену облаков, окрасив их в розовое, и выглядело огромным багровым кругом. Предвечерние сумерки разлились над землей; дали скрадывались в туманном зыбком мареве, точно перспективу улицы написали жидкой тушью по мокрому серому картону. В недвижимом воздухе плавал слабый запах начинающей цвести липы. Покрикивая, носились мальчишки на велосипедах; степенно, под ручку, прогуливались важные пары в светлых шелковых и габардиновых — несмотря на теплынь — плащах-пыльниках. В шипении и потрескивании тек от Дома культуры бурненький, усиленный репродуктором, ручеек фокстрота «Рио-рита».

Юрий Иванович остановился на перекрестке, хищно шевельнул мясистыми ноздрями.

— Ах ты, милая провинция, — нараспев, не то с насмешкой, не то с грустью протянул он. — У самовара я и моя Маша... Благовеста только не хватает.

— Скажите, — Юра откашлялся, — а мать в ваше время еще жива? — и по голосу слышно было, что он боится ответа.

— Да, купила кооператив рядом с моим бывшим домом, — помолчав, резко ответил Юрий Иванович. — Только она стала совсем седая и старая.

— Из-за меня? — уныло спросил Юра.

— Из-за меня, — не раздумывая, твердо заявил Юрий Иванович.

Он развернулся и пошел навстречу музыке; шел серединой тротуара, не сбавляя уверенный шаг, и владельцы шелковых да габардиновых плащей, знавшие, что все должны уступать им дорогу, отскакивали в растерянности, чтобы не столкнуться, и долго, возмущенно смотрели ему вслед. Около Дома культуры Юрий Иванович остановился.

Вилась у освещенных окон пацаны, с деланно безразличным видом кучковались старшеклассники, которым школьная мораль запрещала ходить на танцы, мельтешили в фокстротном ритме фигуры за стеклами, монументально возвышался на крыльце легендарный в Староновске милиционер Гажушвили — усатый, с побитой оспой физиономией, желчный. Он лениво ощу-

пал взглядом Юрия Ивановича, в глазах на секунду блеснули настороженный интерес и подзрительность: «Чужой. Не наш!» Но сразу же блеск погас: рядом с неизвестным бородачом остановился известный всему городу хороший человек, правильный юноша Бодров.

Юрий Иванович нащупал Юрину руку, сжал ее — в двери мелькнул Цыпа. Он рванулся было на улицу, но, сделав лишь шаг, опять вильнул в глубину подъезда. Оттуда вынырнули одно за другим, как поплавки на воде, лица его дружков и снова исчезли. Юрий Иванович беззвучно засмеялся, забулькал горлом, захрюкал, заколыхал животом. Приобнял Юру. Тот, окаменевший — видно, предчувствовал встречу с Цыпой, — расслабился, вяло улыбнулся серыми губами.

— Завтра спектакль? — Юрий Иванович прочитал вслух афишу. — «Свои люди — сочтемся». — Добавил, поразмышляв. — Он же «Банкрот», он же «Несостоятельный должник».

— Да, — Юра смутился. — Кружковцы решили в честь моего окончания школы сделать нечто вроде бенефиса.

Юрий Иванович не забыл этого, но ведь сегодня Юра не пойдет к Тонечке, поэтому, может, никакого спектакля не будет. Он вздохнул.

— Уйдемте отсюда, — тоскливо попросил Юра.

Они прошли квартал, свернули за угол, остановились около двухэтажного, с пристроями, балкончиками, лесенками, дома, в подвале которого жили в однокомнатной квартирке Борзенковы.

— Ты хоть сейчас извинись перед Владькой.

— Без вас знаю, что делать, — огрызнулся Юра. Смутился. — Простите. Но, в самом деле, зачем вы все время поучаете?

«Ого, прощения попросил. С ума сойти можно!» — обрадовался Юрий Иванович, но виду не подал.

— Ты еще не слышал, как я поучаю, — буркнул сердито. — И не дай бог услышать.

— Ладно, я скоро, — Юра повернул кольцо калитки, скрылся во дворе.

А Юрий Иванович перешел на другую сторону, прислонился к забору и уже более внимательно оглядел жилище Владьки. Вспомнился утренний разговор с Ларисой-женщиной, ее шутки, что вот, мол, в честь Бодрова, глядишь, улицы называть станут, и подумал без зависти, что со временем этот проулочек действительно будет имени Борзенкова. Мемориальную-то доску наверняка когда-нибудь прикрепят на этой халабуде, экскурсанты будут приходить в квартиру, которая окажется почему-то на втором этаже, цокать языками, переступив порог отдель-

ной комнаты будущего академика — «Сразу видно, что жил гений: какие редкие книги, какие сложные приборы!» — осматривать мебель, снесенную со всего города; пионеры школы имени Борзенкова надраят парту Владислава Николаевича до блеска, вытирая ежедневно пыль, — парта, скорей всего, окажется не та: без царапинки, сияющая лаком. Лучшие, а значит, самые прилежные и воспитанные дети будут бороться за право сидеть на ней, и никогда им не придет в голову, что Владька ой как редко выглядел ангелом, ой как часто получал нагоняи за поведение. Дряхлые старички и старушки на сборах и собраниях примутся рассказывать о том, какой необыкновенно милый, послушный, исполнительный мальчик был товарищ Борзенков, хотя никогда не знали его ребенком...

На улице Ленина разом зажглись все фонари, и полумрак, отброшенный яркими желтыми конусами света, уплотнился до темноты. Юрий Иванович повернул голову. По тротуарам главной улицы все так же степенно проплывали габардиновые и шелковые плащи. В Староновске никогда не было никакой промышленности, за исключением ликеро-водочного, пивного заводов и нескольких артелей, поэтому финансирующая элита состояла из служащих всяческих «загот» — «скот», «зерно», «сырье» — и городской администрации. Сколько помнит себя Юрий Иванович, они всегда поражали его безмятежно-самоуверенными лицами, которые прямо-таки излучали достоинство и значительность. В детстве Юра страстно хотел стать одним из этих людей; подрастая, уже знал, что займет место среди городского начальства; взрослея, был уверен, что пойдет дальше и выше, но уважение, при котором хочется снять шляпу, прижать ее к груди и опустить очи долу, к районному избранному обществу сохранил.

Теперь же, побывав в будущем, зная, почему сотня гребешков, он с неприязнью наблюдал за местным чиновничеством и подумал с непонятным злорадством: вот эти люди и не подозревают, что рядом, в подвальной комнатенке, сидит перед матерью и умоляюще глядит на нее очкастый мальчишка, который через десятка два лет растормошит Староновск, принесет ему мировую известность. И эти важные, уверенные в незыблемости сущего, местные значительные лица будут только побряхтывать, когда неизвестный им земляк Борзенков взбаламутит тихую благость Староновска, швырнет, словно камень в болото, в вялые и привычные заботы горожан — о женитьбах, сметах, дефиците в магазинах, отчетности перед вышестоящими — новые, непредставимые, дикие идеи, за которые

его почему-то вознесут и за которые они, отцы города, ничего не понимая в делах и проблемах товарища Борзенкова, должны будут восхищаться, восторгаться, гордиться им. «Кажется, я стал совсем уж злым и несправедливым,—недовольно поморщился Юрий Иванович.—Люди как люди...»

Калитка скрипнула, и он похвалил себя за то, что убрался от ворот,—Владьку вышла провожать мать.

— Я понимаю вас, Юра, и все-таки мне кажется это несколько, несколько...—она так и не нашла нужного слова.—Ведь будет же выпускной вечер, для чего же эта—как ее назвать?—вечеринка?

Голос был встревоженный, и хотя мать Владьки, женщина интеллигентная, старалась следить за интонациями, слышно было, что она недовольна и огорчена.

— Ну, мама, ну договорились же,—стыдясь за нее, устало сказал Владька.—Выпускной—это официально, а тут—в последний раз вместе.

Он вышел почему-то с велосипедом, и Юрий Иванович, поднатужив память, вспомнил, что именно в конце десятого класса Владька сварганил какую-то сверхмощную динамо-машину, которая давала свет, как прожектор.

— Хорошо, Владислав, хорошо, больше не буду.

— Я обещаю вам, что все будет пристойно,—с достоинством заверил Юра, и Юрий Иванович насторожился: голос опять был бархатистый, и даже с покровительственными нотками.

— Я верю вам, Юра. Вы такой прекрасный товарищ моему сыну.

У Юры хватило ума не окликнуть Юрия Ивановича, и тот, выждав, когда мать Владьки уйдет, неспешно направился за приятелями. Они, поджидая, остановились на улице Ленина. Счастливым Владька, смущенно поглядывая на Юрия Ивановича, улыбнулся, дернул головой, изображая поклон,—поздоровался.

— Значит, договорились? Я покати. Ты обязательно приходи, а то я не знаю, что там делать. До свидания,—еще раз дернул головой, прощаясь с Юрием Ивановичем.

Вскочил на велосипед. Электросистема оказалась действительно мощнейшей: габардиновые и шелковые плащи шархнулись от луча фары—подумали, наверно, что их бесшумно настиг мотоцикл...

— Где вечер?—Юрий Иванович искоса глянул на довольное лицо Юры.—У Шеломовых? У Лидки?

— Будто не знаете.

— Конечно, нет. Это для тебя кажется таким значительным—последний раз вместе с классом, а я...—Юрий Иванович увидел, как потускнело лицо собеседника. Хотел извиниться, сгладить впечатление, но решил остаться до конца честным: ведь он-то на эту вечеринку не ходил, не позвали.—А я, если помнишь, был приглашен к Тонечке и, если помнишь свое настроение до встречи со мной, быть с классом и не собирался.

— Помню,—Юра совсем перестал улыбаться, даже натянуто.—У Лидки встречаемся.

— Можно проводить тебя?

— Я не пойду!—отрубил Юра.

— Не изрекай, а главное—не делай глупостей. Ты обещал Владьке, обещал его матери. Старайся не быть трепачом,—Юрий Иванович говорил вяло, будто нехотя. Помолчал и добавил с неожиданной для самого себя грустью:—Кроме того, как ни крути, вы встречаетесь действительно в последний раз. Десять лет жили, худо-бедно, но вместе... Это будет вспоминаться, поверь,—и убоявшись, что выглядит или нравоучительным, или сентиментально-смешным, закончил грубо:—Не ломайся! Я не хочу, чтобы ты ради меня корчил из себя жертву.

— Не кричите!—так же резко ответил Юра.—Это вы жертва, а не я. Не поняли, что ли? У вас все позади, у меня—впереди...

— У тебя впереди я!—привычно, не особенно-то и вдумываясь, в эти слова, заметил Юрий Иванович.

— Исключено. Не дождетесь,—сдерживая себя, постарался как можно спокойней ответить Юра.

И все-таки реплика Юрия Ивановича испортила ему настроение. Он, ссутулившись, наклонившись вперед, словно боролся со встречным ветром, пошел вверх по улице. Юрий Иванович, посмеиваясь, посматривая по сторонам, двинулся следом.

Юра поджидал его у входа в скверик напротив церкви—там, где утром ошеломленный Юрий Иванович на цыпочках крался к своему дому.

— Хорошо, я пойду, если вы считаете нужным,—глядя в сторону, сказал юноша.—При условии—вы отправитесь со мной!

— Ни за что!—Юрий Иванович понимал, чего стоило предложить такое: наверняка Лидка упростила мать уйти, чтобы одноклассники веселились без помех, а тут явится Бодров со стариком. Вот так номер!—И не выдумывай. Я проброжу по городу, а потом мы встретимся...

— Еще чего!—возмутился Юра.—По городу, ха! Нечего по нему ночью бродить,—и Юрий

Иванович догадался, что тот боится за него из-за Цыпы.— Я тоже тогда не пойду.

— А-а, была не была,— Юрий Иванович махнул бесшабашно рукой.— Ты ведь ночуешь сейчас в сарайчике. Давай я тихонько прокрадусь туда и буду тебя ждать?

— Идея,— обрадовался Юра, но тут же сник.— Только...

— Мать не догадается, я буду тише мыши,— опередил Юрий Иванович и почувствовал, как опять заныло, заболело сердце.— Шагай вперед!

Они прошли сквериком, миновали дерево, возле которого Юрий Иванович нынче затравленно озирается, пролезли в дыру, и опять Юрий Иванович был близок к обмороку— в кухне дома его детства горел свет и даже скользнула один раз по занавеске неясная тень.

— Дома,— почему-то шепотом сказал Юра.— Значит, так, когда я зажгу в комнате свет, идите смело в сарай. Пока мать расспрашивает меня да поздравляет,— он усмехнулся,— вы вполне устроитесь.

Юрий Иванович крадучись подошел к калитке, вцепился в ручку и замер.

Вспыхнул в комнате свет. Юрий Иванович рванул калитку, быстро шагнул во двор и чуть не упал. В грудь ему с силой ударились собачьи лапы, теплый язык облизывал лицо, и Юрий Иванович, отшатнувшись, увидел блестящую шелковистую шерсть, восторженно приподнятые пятнышки над глазами пса, радостный оскал.

— Тихо, тихо. Молодец, умница,— зашептал Юрий Иванович и вспомнил кличку.— Место, Рекс!

Ухоженный, барственного вида сеттер отскочил, упал на спину, перевернулся. Поскуливая, заюлил, заизвивался вокруг ног, заколошматил по воздуху хвостом. «О, господи, вот чудо-то! Узнал безоговорочно.— У Юрия Ивановича защекотало в глазах, запершило в горле.— Как он, бедный, не сошел с ума, когда любимый Юра раздвоился...» — а сам уже тяжело и неуклюже подбежал к сарайчику, распахнул дверь и ввалился внутрь. Вытер лицо, привалился к стене, чтобы отдышаться. Заранее пугаясь, что опять накатит расслабляющее, обезволивающее воспоминание, открыл глаза и сразу узнал в тусклом свете маленького оконца железную кровать, заправленную голубым одеялом, стол с керосиновой лампой, табурет, карту мира на стене, но, оказалось, все выглядит незнакомым, чужим.

Снаружи изнывал, плакал Рекс.

— Ну-ка, на место. Я вот тебе! — зашипел, затопал Юрий Иванович.

Пес стих. Юрий Иванович осторожно приоткрыл дверь, увидел, как уходит собака, опустив понуро голову, и сразу потерял ее из виду— перевел взгляд на веранду, освещенную голлой яркой лампочкой, на перила с тонкими блясынами, на темные кружевные спирали вьюнков, которые стыдливо, робко тянулись вверх по невидимым отсюда нитям. Сеттер подошел к крыльцу, оглянулся виновато на сарай и, встав передними лапами на ступеньку, вытянулся в неудобной, напряженной позе.

Ждать пришлось долго. Наверно, мать усадила Юру ужинать, расспрашивала, удерживая около себя. Юрий Иванович терпеливо, не шелохнувшись, не изменив позы, стоял у щели, прислушиваясь к тихим шорохам во тьме, к еле ощутимому намеку на аромат ночных фиалок, который преследовал в воспоминаниях о детстве, и поймал себя на том, что отвлекся, что блуждает мыслью в сегодняшнем и вчерашнем дне, посматривает в небо, выискивая звезды, виденные утром. Опустил глаза и даже вздрогнул, увидев на веранде, рядом с Юрой, какую-то девушку в светлом платье, но сразу же, одновременно с удивлением, ударило под сердце, в голову— мать! Она оказалась еще миниатюрнее и красивей, чем в воспоминаниях. Было далеко, глаза слезились от напряжения, но Юрий Иванович каким-то обострившимся зрением увидел и ее счастливое лицо, и улыбку, притаившуюся в уголках губ, и легкую, от сдерживаемого смеха, дрожь подбородка. «Мать, это же она»,— твердил Юрий Иванович, но не чувствовал ничего— женщина на веранде оставалась симпатичной, миловидной, но чужой, и только когда она знакомым движением нервно сжала горло длинными пальцами, губы ее на долю секунды скорбно стиснулись, а в глазах мелькнули тревога и боль, Юрий Иванович сразу увидел мать в будущем— поседевшую, заплаканную,— и перехватило дыхание, и чуть не вырвался крик. В плече часто и колко задергалась какая-то жилка. Юрий Иванович отшатнулся от двери, сжал до боли в висках зубы.

Когда снова решился посмотреть в щель, Юра уже подходил к сараю, а мать, задумчивая, сгорбившаяся, смотрела ему в спину. Юрий Иванович отскочил, сшиб табуретку, подхватил ее, сел на кровать.

— Я вас замкну,— деловито зашептал Юра, проскользнув в дверь,— а то вдруг она надумает сюда зайти. Но это ненадолго,— вынул из пазухи полукольцо твердой копченой колбасы.— Больше ничего не мог спереть,— пояснял, будто извиняясь.— Я скоро приду. Свет поставьте не зажигать и...— помялся,— если мо-

жете, не курите. Мать здорово чувствует это дело.

Пошарил глазами, схватил со стола первую попавшуюся книгу. На пороге обернулся, тихо засмеялся:

— Вот гадство, с собакой-то чуть не влипли. Я думал, она дома. Когда проходил по двору, не было, а захожу в хату: здарсьте — гуляет!

Хлопнула дверь, брякнул засов, щелкнул замок, и Юрий Иванович остался один.

Он понюхал колбасу, погладил пальцем гладкие шишечки, вздутия на ее боках, улыбнулся — в детстве, в классе третьем-четвертом, это было самым большим лакомством, самой большой радостью для Юрки. Мать в летние каникулы возила его в областной город: на трамвае покатайся, большие дома посмотреть, газировкой и мороженым побаловаться, и в первом же привокзальном гастрономе покупала твердую, вкусно пахнущую колбасу, и они сидели на какой-нибудь скамейке под пыльными, чахлыми кустами, откусывали поочередно то от, похожей на эту, кривой колбасной палки, то от длинной, с золотистой корочкой, булки, внутри которой был белый-белый, сминающийся под пальцами мякиш; смотрели друг на друга, улыбались, и им было хорошо.

Юрий Иванович положил колбасу на стол и откинулся к стене. Слабо улыбаясь, он был еще там, в далеком для Юрия Ивановича и совсем недавнем для Юры детстве, вспомнив которое, все время видел перед собой мать — и эту, стоящую на веранде, с встревожившимися на мгновение лицом, и ту, будущую, располневшую, усталую, погасшую, и увяла улыбка, и стало вскоре так неумолимо от стыда и тоски, что, верь он в бога, упал бы сейчас на пол, взвыл бы, поклялся бы, повинился, дал бы любой обет, лишь бы вырвать из сердца эту боль, это отчаяние от невозможности исправить, изменить хоть что-то в жизни.

Долго сидел он, чувствуя, как уплывают, истаявают силы, как остается от него, Юрия Ивановича, одна пустота, то гуляка, будто внутри колокола, то звенящая, точно далекий занудливый комар, и в пустоте этой, сначала смутно и расплывчато, но постепенно заполняя ее всю, вырастали думы о Юре. Юрий Иванович уже отстранился от него, не считал собой, и то чувство, которое смутно возникало в чайной и прояснилось на берегу, когда увидел синяк под глазом, чувство отца к сыну, ширилось, крепло, превращаясь в тревогу за судьбу этого чуждого парня.

Сумерки в сарае сгустились до плотной тьмы,

но Юрий Иванович не замечал этого. Он видел какой-то солнечный, яркий день и Юру — веселого, в белой рубашке, смеющегося: то среди колб, реторт, пробирок, то среди каких-то хитроумных машин и приборов, то плавающим в невесомости в кабине космического корабля, то в накомарнике и болотных сапогах среди чахлах елок и кустарника, то даже за штурвалом комбайна или у непонятого гигантского станка.

Юрий Иванович позабыл о месте, где находится, о времени, глядя на эти, наползающие одна за другую, картины, будто смотрел по черно-белому телевизору подряд все передачи про хороших и интересных людей. Видения и похожи-то были на экранные изображения — плоские, иногда контрастные, иногда смазанные, — и Юрий Иванович мельком отметил в памяти, что, наверное, и вызваны они подсознательной завистью к тем, кого показывают в телепрограммах, хотя всегда считал, что презирает этих героев на час. И еще мелькнуло, словно думал о постороннем, что, скорей всего, вызвана эта зависть не тщеславием, а тоской по конкретному, реальному делу, в котором имеется нечто материальное, осязаемое, есть задача и решение ее, есть заранее ожидаемый результат и получение его.

Но ни разу не увидел Юрий Иванович Юру не только писателем, но и журналистом; когда же мелькнуло из-за этого недоумение, он задержал его, задумался, посуровел и чуть не вздрогнул, точно проснувшись, — так ненавистна показалась сама мысль, что Юра, обделенный даром божьим, будет вымучивать слова и фразы, исходить, в лучшем случае, патокой фальши, а в худшем — превратится в него, Юрия Ивановича.

Вдруг его даже в жар кинуло — как нет божьего дара? Вспомнил афишу у Дома культуры, вспомнил, как не раз ловил себя на том, что держится, даже оставшись один, словно на сцене, и, обрадованный, решил, что нашел разгадку себя молодого — он актер, и все, что делал, было игрой. Играл в активиста, играл в принципиального борца, играл в рубаху-парня. От такого вывода стало неловко, и Юрий Иванович принялся торопливо припоминать, каким был в драмкружке. Талантлив? Кто знает, но во время репетиций становился по-настоящему счастлив; в образ входил легко и действительно чувствовал себя другим: то вальяжным, то хитрым, то злым, то мудрым, то простофилей, если роль того требовала. Да и товарищи по сцене с ним считались, восхищались, кажется, искренне — не раз Юра замечал, войдя в роль, что наступала вдруг тишина, а партнеры и партнерши

смотрят на него изумленно и растерянно, будто на незнакомого.

Юрий Иванович хмыкнул, огладил бороду. «И при поступлении никакого двухгодичного стажа не надо,— он заворочался, заулыбался, однако вскоре приуныл.— Богема, правда, черт ее дери...»

Повздыхал и начал, сперва несмело, потом настойчивей, уверять себя, что не все, дескать, артисты богемы, что Юра не такая уж тряпка, есть ведь и у него воля, неужто не устоит? Конечно, устоит, тем более, что станет заниматься любимым делом, а это — ого-го! — самое главное. Но еще главнее — Юра сможет прожить не одну, унылую и безрадостную, бесполозную жизнь, а множество: ярких, страстных, красивых. И он уже видел Юру то Штирлицем, вместо Тихонова, то Гамлетом, вместо Смоктуновского, то Гуровым, вместо Баталова; он видел, как задумчивый и отрешенный Юра сидит в гримборной, а потом, все такой же сосредоточенный, чтобы не расплескать найденный образ, идет темным павильоном туда, где суетятся люди, громоздятся прожектора, а на ярко освещенной площадке поджидает нереальная среди щитов, фанеры, досок гостиная с розовыми обоями, гнутой мебелью, лампой под зеленым абажуром, и уже нервничает, ломает пальчики субтильная героиня в гипюровом платье и с бутоньеркой незабудок на корсаже.

Иногда видения эти заслонялись портретами Юры в журналах «Советский экран», «Спутник кинозрителя»; Юрий Иванович, нахмуясь, гнал такие крамольные мысли-образы, но они манящей, сладкой контрабандой всплывали все отчетливей, отражая затаенные давние мечты о признании, популярности, славе, и Юра предстал в белом смокинге, среди вечерних туалетов, атласных лацканов, манишек, обнаженных женских плеч, то около кинотеатра «Россия», над которым лениво колышутся флаги кинодержав, раздающим автографы восторженным поклонницам в мини-юбках...

Радостно гавкнул Рекс, заизнывал, заскулил, затоптал часто и беспорядочно. Юрий Иванович осторожно повернул голову. Скрежетнул замок, брякнул засов, скрипнула дверь. В сером ее проеме вырос силуэт Юры.

— Вы здесь? — испуганно спросил он.

— Здесь, здесь, — добродушно отозвался Юрий Иванович. — Входи.

Ему показалось, что он услышал довольный выдох, но обрадоваться этому не успел — Рекс скользнул мимо Юры извилистым длинным пятном, ткнулся мокрым носом в щеку, в губы.

— Тьфу, напугал! — сплюнул Юрий Иванович.

— Место, Рекс! А ну пошел отсюда! — притворно страшным голосом гаркнул Юра, и пес так же стремительно исчез в ночи.

Юра чем-то стукнул по столу, звякнул. Чертыхнулся шепотом.

— Я схожу к матери, отмечусь, — сказал деловито и грубо. — Потерпите еще немного.

Дверь захлопнул, но Юрий Иванович встал, приоткрыл ее. Проследил, как Юра сгустком черного прошел сквозь тьму, вынырнул из нее, облитый светом лампочки веранды, взбежал легко и пружинисто на крыльцо, исчез в доме. Юрий Иванович окликнул Рекса. Тот возник сразу и, ластясь, взблескивая колдовской прозрачной зеленью глаз, шмыгнул внутрь. Юрий Иванович долго тискал его, тормозил за длинные мягкие уши, зарывался лицом в густую, почти не пахнущую псиной шерсть.

— Посмотрите-ка на него. Ай да Рекс! — Юра опять возник в двери. — Интересно, как он вас себе представляет?

— Мне гораздо интересней, как ты себя представляешь, — Юрий Иванович оттолкнул собаку, которая стремительно нырнула под кровать, охлопал руки.

Юра промолчал. Запер дверь, повозился у стола.

— Зажгите спичку.

Синевато-белый огонек зажигалки отшвырнул ночь в углы, кинул по стене огромную, переломившуюся на потолке, тень Юры, сверкнул бликами на гладком боку длиннорлой бутылки, белом изгибе тарелки.

— Что это? — удивился Юрий Иванович.

— Это я от Лидки принес. Набрал всего понемногу. Вы обедали-то когда, есть, наверно, хотите?

Юра взял зажигалку, зажег фонарь. Стало светло, уютно, буднично.

— Спасибо. Есть я, правда, не хочу, но спасибо... Весело было?

— Да всяко. И весело, и не очень. Болтали, вспоминали. Девчонки даже слезу пустили, — Юра сдернул с крючка раскладушку, с треском расправил ее алюминиевые суставы. — О вас много спрашивали.

— Вот как? — Юрий Иванович не удивился, но решил, что надо изобразить изумление. — Поразил я одноклассников?

— Ага, — сухо подтвердил Юра. — Они подумали, что вы «с приветом». А я вас представил писателем-фантастом, которого не печатают. Про космос рассказывал, про то, как здесь всякие дома понастроят. Про бабочку эту самую расска-

зал, будто вы такой рассказ написали, но вас, оказывается, опередил американец. И еще будто вы написали, как один мужик в свое детство попал и сам с собой встретился.

— Не догадались? — встревожился Юрий Иванович.

— Не, кто ж такому поверит. Один Владька вроде что-то почуял... Мы поделимся с вами постелью? — Юра подошел к кровати, посмотрел исподлобья.

— Конечно, конечно, — Юрий Иванович вскочил. — Пойду покурю. Не бойся, я в рукав. Мать, если выйдет, не заметит.

— Она не выйдет. У нее голова разболелась. От радости за меня, должно быть, — Юра усмехнулся. Сдернул одеяло, простыню, а когда Юрий Иванович приблизился к двери, добавил полуудивленно, полунасмешливо: — Она мне знаете чего наговорила? Будто весь день места себе найти не могла: все казалось ей, что мой отец где-то рядом бродит. Вот хохма, да?.. Может, она вас каким-то образом почувствовала? Я уж и сам сомневаться стал: а вдруг вы — это не я, а батя? Если бы не знал точно, что он под Ясной Поляной погиб, поверил бы.

Юрий Иванович, откинувшись затылком к теплым, шершавым доскам сарая, смотрел в

небо и пытался проглотить горький, колющий комочек.

— Ты ее не огорчай, — хрипло сказал он. Кашлянул, прочистил горло. — Самая великая это мука видеть ее слезы да седину, поверь мне.

— Я, что ли, ее огорчал? — неуверенно отозвался Юра. — Вы ее и обидели, когда...

— Что ты, что я — один черт! — перебил Юрий Иванович. — Не найдешь ты себе за это прощения в старости. Сам себе простить не сможешь.

Он, разжав пальцы, выпустил окурок, скользнувший к земле красной, светящейся линией. Наступил на него, раздавил, крутнув подшву.

Вошел в сарай. Юра сидел на раскладушке, широко раздвинув колени, положив на них руки, отчего кисти их свисали как-то безвольно и обреченно.

— Выпьете? — кивнул на бутылку, и взгляд стал выжидательно-пренебрежительным. — Хочется, наверно?.. Давайте, я ваши крабы на закуску открою, — протянул ладонь, шевельнул пальцами.

— Крабы — табу. Это подарок товарищу Борзенкову, — Юрий Иванович сел на кровать,

почти лег, выставив живот.— А ты выпьешь со мной?

— Нет, не буду. Не хочу.

— Ну и я не буду,— Юрий Иванович выпятил в раздумье нижнюю губу, шевельнул пальцами по одеялу.

— Мы как на вокзале. Перед прощанием,— заерзал Юра.— Все сказали, а времени еще навалом... Ну что, дала вам что-нибудь эта поездка сюда?

— Мне? — Юрий Иванович перекатил голову по стене, посмотрел изучающе.— А что она могла мне дать? Все это, семнадцатилетие свое, я уже пережил когда-то... Так, картинки прошлого, как в музее,— он говорил нарочито скучным голосом, чуть ли не зевая, чтобы позлить Юру.— А тебе мое появление что-нибудь дало?

— Конечно,— Юра дернул вяло плечом, оглядел свои руки.— Я уже говорил вам, что никогда таким, как вы, не стану. Теперь знаю это твердо.

— Дай-то бог,— Юрий Иванович отвернулся, посмотрел в потолок.— Пока тебя не было, я думал о твоей судьбе. И решил: знаешь, кем тебе надо стать?

— Кем? — в голосе Юры скользнули тревога и даже испуг.

— Поступай-ка ты, братец, в институт кинематографии. На актерский. А потом, глядишь, и режиссером станешь. Конечно, конкурс бешеный, но, думаю, ты пройдешь. Способности у тебя есть...

— Какие там способности,— засмутился Юра.

— Знаю, что говорю,— оборвал Юрий Иванович.— Лицедей ты отменный... В конце концов, думая о твоём будущем, я забочусь и о себе.

И, не спеша, с паузами, словно размышляя вслух, принялся рассказывать о кино, о малокартинье, которое как раз в эти годы будет осуждено, о фильмах, которые потрясли или просто понравились, о режиссерах и актерах, о кинофестивалях и кинозвездах, о «новой волне» и «рассерженных молодых людях», о Феллини, Антониони, Куросаве, Бергмане, Михалкове...

Юра слушал тихо, не перебивая, не переспрашивая.

Юрий Иванович поднял голову.

Юра спал, сунув под затылок ладони. Лицо было ясное, спокойное, рот слегка приоткрыт, и в уголке его, совсем по-детски, поблескивала слюна; иногда он чмокал, дергал губами и тогда обиженно, беззащитно морщился.

Юрий Иванович встал, убавил фитиль, пока тот не превратился в тоненькую сияющую полосу; сразу подползли из углов тени, окружили прозрачным полумраком стол. Юра застонал,

повернулся на бок, промычал что-то и задышал ровно, глубоко, точно мужчина, уставший от не легких забот и трудов.

Юрий Иванович лег на кровать, тоже подсунил руки под голову, как незадолго до этого Юра, и уставился в потолок. Стало грустно, но не тягостно-грустно, не пасмурно на душе, не тоскливо, а так, как бывает, когда, набегавшись по городу, вымотавшись в пустопорожней болтовне и сутолоке житейской суеты, окажешься вдруг где-нибудь на весенней поляне в березовой роще, среди белых, словно вертикальные столбы света, стволов, и оглянешься, и изумишься, и сядешь, задумавшись, в мягкую зеленую траву. Юрий Иванович увидел и эту поляну, этот березовый свет, потом он увидел свою комнату у Ольги Никитичны, потом — сильные, ленивые волны моря, медленно и широко несущие к нему от горизонта белокурчавые гребни свои, и ему стало беспокойно, тревожно, он понял, что должен — будь что будет! — пойти сейчас к матери, упасть к ее ногам, выплакаться, вымолить прощение.

Юрий Иванович вскочил, глянул испуганно на Юру и, крадучись, выбежал из сарая в уже разгоравшееся, сияющее, с веселым солнышком, ударившим в глаза, утро...

6

*«Директору Института физики полей
АН СССР*

тов. Берзину Э. В.

от заведующего СТО

(сектор теоретических обоснований)

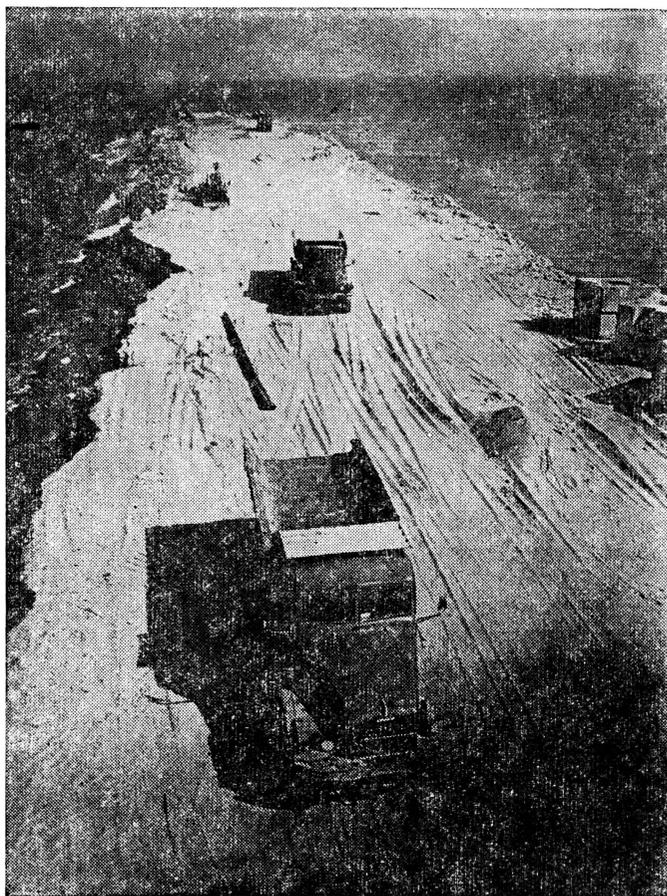
Бодрова Ю. И.

Заявление

Прошу откомандировать меня в распоряжение т. Борзенкова В. Н. для работы в его лаборатории. Исследования, проводимые там, являются важным этапом в разработке нашей, совместной с т. Борзенковым, темы, начатой еще во время учебы в институте. Сейчас намечается серия экспериментов, которые должны подтвердить (или опровергнуть) наши теоретические построения и расчеты, поэтому я обязан быть в г. Староновске.

26 января 82 г.

Ю. Бодров».

НА ПЕРЕКОР СТИХИИ

Сергей ЧАПЛИН

Фото Ю. Щенникова

Наряду с Медным всадником и Эрмитажем, белыми ночами и разводными мостами, в число достопримечательностей Ленинграда прочно вошли и печально знаменитые наводнения.

...Но силой ветра от залива
 Перегражденная Нева
 Обрато шла, гневна, бурлива,
 И затопляла острова,
 Погода пуще свирепела,
 Нева вздувалась и ревела,
 Котлом клокоча и клубясь,
 И вдруг, как зверь остервенясь,
 На город кинулась...

На снимках сверху: отсыпка дамбы через Финский залив.

Эти строки из бессмертной пушкинской поэмы знакомы со школьной скамьи каждому. Слов нет, картину разгула стихии поэт изобразил с потрясающей силой и документальностью. Поэтому многие уверены, что Александр Сергеевич был свидетелем наводнения, обрушившегося на Петербург 19 ноября 1824 года, и писал, как говорится, с натуры. Однако очевидцем этого стихийного бедствия Александр Сергеевич быть не мог, так как в ту осень жил он в Михайловском. Но стоит сравнить стихотворное описание бедствия с дошедшими до нас записками очевидцев, чтобы убедиться — изображено оно Пушкиным с абсолютной точностью. В работе над поэмой Пушкин использовал немало документов того времени. В предисловии к «Медному всаднику» он пишет, что «подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. Н. Берхом».

Морской инженер и историк русского флота В. Н. Берх был автором вышедшей в 1826 году брошюры «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санкт-Петербурге».

С начала основания города полноводная Нева более 260 раз совершала на него набеги, когда уровень воды поднимался на 150 сантиметров выше ординара. И всякий раз разбушевавшаяся река приносила городу значительный ущерб, а подчас не обходилось и без человеческих жертв. Уже в год закладки первых сооружений Петербурга, в ночь на 31 августа 1703 года, Нева поднялась более чем на 200 сантиметров, затопила лагеря русских войск, разнесла значительную часть строительных материалов, предназначенных для сооружения Петропавловской крепости.

Еще более страшным было наводнение, случившееся ночью 21 сентября 1777 года. «Суда были занесены на берег. Почти по всем улицам ездили на маленьких шлюпках. Множество оград и заборов опрокинуто было: малые деревянные дома искривились... даже некоторые маленькие хижинки неслись по воде... Разлив захватил окрестности столицы на 11 верст, и, когда вода сбывла, трупы людей и животных валялись по полям и дорогам», — читаем мы в «Описании столичного города С.-Петербурга» И. Г. Георги. Именно после этого набега Невы вышел специальный указ, согласно которому приказывалось оповещать о подъеме воды пушечными выстрелами. Помните, у Некрасова?

...Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась...

Что касается наводнения, описанного в «Медном всаднике», то по официальным данным погибло во время него 208 человек, а общий убыток составил без малого 20 миллионов рублей.

Наконец, еще одно из наиболее мощных наводнений произошло 23 сентября 1924 года, и многие старожилы Ленинграда до сих пор вспоминают о нем. Вода в тот день поднялась на 369 сантиметров, залила Летний сад, Марсово поле, Дворцовую площадь, затопила Васильевский остров и Петроградскую сторону. Ураганный ветер и волны вырывали с корнем деревья, сдирали кровлю с крыш домов. Было повреждено два миллиона квадратных метров мостовых и свыше пяти тысяч домов, снесено 19 мостов, на берег выбросило около ста судов и барж.

Ну, это все, как сказал поэт, дела давно минувших дней. А вот одно из четырех наводнений, вошедших в историю Ленинграда, автору этих строк повеселело событием, увидеть своими глазами. Неожиданным, правда, оно не было. О приближении циклона Ленинград предупредила специальная наблюдательная станция в Галлине еще за шесть часов до начала подъема воды. Интересно, что утро было тихим, безветренным, и только к 10 часам задул легкий зюйд-ост. С каждым часом он крепчал, и по мере этого вода в Неве постепенно спадала. Потом ветер изменил направление на зюйд-вест, и начался подъем воды. Примерно к семи вечера уровень воды в реке повысился до 180 сантиметров, и по радио объявили угрожающее положение. Городская комиссия по борьбе со стихийными бедствиями приступила к эвакуации людей из низких затопляемых районов. Зато на набережных Невы было тесно от любопытных. Хотя ветер буквально сбивал с ног, так как достиг скорости

30 метров в секунду. Вода уже заливала гранитные набережные, вышли из берегов многочисленные каналы. К 21 часу уровень воды достиг наивысшей за этот день точки — 282 сантиметра.

Случилось это 15 октября 1955 года. В дальнейшем Нева еще много раз шла в атаку на Ленинград, но выше чем на 270 сантиметров не поднималась, хотя и бедокурила всякий раз порядком...

Какова же причина наводнений? Два столетия люди ломали головы над разрешением этого вопроса, но к единому мнению так и не пришли. Противники петровского реформ объясняли это явление «дьявольским промыслом», место, мол, для новой столицы выбрано «нечистое»... Позже считали, что причина в том, что течение Невы в своем истоке «упирается» в воды Финского залива, таким образом создается подпор течения реки, вода накапливается и выходит из берегов. Долгое время господствовало мнение, что все дело в сильных западных ветрах, которые задерживают течение Невы. Все эти рассуждения были ошибочными, и только в начале нашего века ученые убедительно доказали, что Неву совершенно напрасно считали причиной бедствий.

Время от времени далеко от Ленинграда, у берегов Исландии, возникают мощные циклоны и движутся к Балтийскому морю. А поскольку атмосферное давление в центре циклона гораздо ниже, чем по его краям, проходя над морем, циклон подсасывает большие массы воды, приподнимает их. Так образуется гигантская волна, которая со скоростью курьерского поезда катится к устью Невы. Высота этой волны поначалу невелика — примерно 120 сантиметров выше ординара. Но чем ближе к Ленинграду, тем Финский залив мельче, и высота волны возрастает в два с половиной раза даже при безветрии. А если этому еще и сопутствует сильный зюйд-вест, высота волны повышается до пяти метров над уровнем моря. Кстати, это заключение ученых подтверждается и снимками из космоса.

Как же противостоять неуправляемой водной стихии? Об этом люди тоже начали думать с первых дней основания города. Известно распоряжение Петра I строить пороховые погреба и склады так, чтобы полы их были на отметке 2,8 метра, то есть выше уровня подъема воды во время наводнения, случившегося осенью 1706 года. Зрело и более серьезное решение — поднять путем подсыпки уровень прибрежных территорий, но при тогдашнем состоянии техники переместить такое огромное количество грунта было задачей просто непосильной.

Известен проект фельдмаршала Миниха, предложенный в 1727 году. В нем предусматривалось все острова, на которых расположен город, окружить дамбами, а набережные Невы поднять до отметки, близкой к четырем метрам. То ли стоимость оплаты материалов и труда, которую автор оценивал в 750 тысяч рублей, показала властям слишком высокой, то ли проект фельдмаршала показался фантастическим, но дальше чертежей дело не пошло.

А вот как думал спасти город от опустошительных набегов воды И. М. Кутузов, отец знаменитого полководца. Он предложил проложить по территории Петербурга каналы, по которым будет отводиться прибывающая вода. Проект приняли, даже канал прорыли, расширив для этого извилистую речку Кривушу. Но, увы, пользы от этого не было. Канал, правда, существует и поныне, носит имя Грибоедова.

После сокрушительного потопа 1824 года царское правительство объявило международный конкурс на проект защиты столицы от наводнений, но и на этот

раз ни одно из предложений не было принято, хотя имелись и любопытные, а один из них не утратил своего значения и в наше время. Его автором был директор Института путей сообщения профессор П. Базен. Необходимо перегородить Финский залив земляной дамбой, считал ученый. Дамба, по его мнению, должна была возводиться по оси мыс Лисий нос — Кронштадт — Ораниенбаум (ныне город Ломоносов). Позаботился Базен и о судоходстве: в дамбе предполагалось соорудить специальные ворота для прохода судов. Предусматривались и водопропускные устройства. Однако смелый проект талантливого ученого так и остался на бумаге.

Только в наше время привлек он серьезное внимание советских инженеров и гидростроителей.

...Проходили годы, десятилетия. Ленинград разрастался, выходил на берега Невской губы, Финского залива, застраиваясь кварталами многоэтажных домов, меняли свое лицо окраины. Но не менялся буйный нрав исландских циклонов. Каждый, даже сравнительно небольшой подъем воды наносил городу значительный ущерб. И никто не мог дать гарантии, что в один далеко не прекрасный день накатывающаяся с моря волна не совпадет с сильным зойд-вестом. В этом случае волна поднимется до отметки 5 метров над уровнем моря, все прибрежные районы окажутся во власти стихии, а старые районы затопит на глубину до 3,5 метра.

Еще в 1925 году профессор С. А. Советов писал: «Застраховать Ленинград от наводнений можно только посредством специальных сооружений, способных выдержать огромный напор воды со стороны моря. Другого выхода нет. Придет время, когда правительство СССР сможет отпустить для этой цели необходимые средства».

И настало такое время. В августе 1979 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О строительстве сооружений защиты г. Ленинграда от наводнений».

Приняли это решение не сразу, ему предшествовало несколько лет поистине гигантской работы проектировщиков. Возглавлял ее коллектив Ленинградского отделения Всесоюзного института «Гидропроект» имени С. Я. Жука. В тесном содружестве с ним трудились специалисты более семидесяти различных институтов и организаций страны. Среди этих институтов и организаций было немало и таких, какие, казалось бы, не имеют прямого отношения к инженерному проекту, — экологических, лемнологических, геологических, гидрометеорологических, гляциологических... Ведь чрезвычайно важно досконально знать, какие изменения могут произойти в окружающей среде, не нарушится ли экологическое равновесие после того, как будет перегороден Финский залив. Не нанесет ли плотина вреда флоре и фауне, не изменится ли к худшему климат?

И только после того, как все специалисты дали свое согласие, проект был утвержден.

На стройку такого масштаба никто в мире еще не решался. Чтобы убедиться в этом, обратимся к цифрам. Вряд ли они, как принято считать, покажутся нам сухими и скучными. Предстоит насыпать почти 37 миллионов кубометров мягкого грунта, без малого шесть миллионов кубометров скальных пород и щебня, уложить более двух миллионов кубометров бетона и железобетона, смонтировать 50 тысяч тонн металлических конструкций и оборудования. Если весь материал, который будет уложен в гидрокотплекс, погрузить в железнодорожные вагоны и на платформы, состав будет втрое больше расстояния от Ленинграда до Владивостока!

Трасса защитных сооружений пройдет от станции Горской на северном берегу залива к острову Котлин,

на котором раскинулся Кронштадт, и далее к станции Бронка на южном берегу. Общая длина трассы — 25380 метров, высота — восемь метров над уровнем моря. Но это будет не просто дамба или плотина. Сооружается сложнейший гидротехнический комплекс, включающий в себя одиннадцать мощных каменно-земляных дамб. Предусмотрены и специальные ворота для прохода судов: морские пойдут через 200-метровый пролет, речным хватит и 110 метров. А чтобы вода в Невской губе не застаивалась, в комплексе будет шесть водопропускных сооружений, каждое шириной от 280 до 330 метров. По гребню гидротехнических сооружений пройдет шестиполосная автомагистраль — часть кольцевой трассы, опоясывающей сегодня Ленинград.

Не так трудно представить, что для такого колоссального строительства потребовалось великое множество рабочих рук, десятки тысяч специалистов самого разного профиля. Ни для кого не секрет, что не на каждой стройке сегодня с кадрами все обстоит благополучно. А вот вновь созданное управление «Ленморзащита» в этом отношении явилось исключением — недостатка в добровольцах оно не испытывало. Особенно после того, как ЦК ВЛКСМ объявил строительство защитных сооружений Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Первыми были ленинградцы — комсомольско-молодежный отряд, прибывший в Кронштадт 29 октября 1979 года.

— КамАЗ прозевал, на БАМ не попал, Атоммаш без меня соорудили, — говорил тогда один из первопроходцев Володя Малов. — Ну, думаю, уж такое дело не пропущу, попробую свои силы. На этот раз повезло — путевку номер один получил...

Панораму строительства глазом не окинешь. А очень хотелось именно окинуть. Помогли пилоты Ленинградского авиапредприятия. Дело в том, что в связи со строительством гидрокомплекса ученые Ленинградского отделения Государственного океанографического института начали проявлять к Невской губе повышенный интерес. Их интересует, как изменяются ледовые условия под влиянием защитных сооружений. Для этого необходимо систематически замерять температуру поверхности льда, знать толщину его, размеры льдин, скорость дрейфа. А удобнее всего это делать с борта самолета, который за считанные часы способен облететь сотни квадратных километров водной акватории.

На этот раз, как всегда, самолет вышел к Кронштадту на высоте двести метров и принялся делать галс за галсом от северного берега до южного. Честно говоря, сверху стройплощадка выглядела совсем не внушительно: черно-серая полоска на белом ледяном фоне и снующие по ней коробочки-самосвалы. Где-то примерно в середине был разрыв, в центре которого виднелись ажурные фермы большепролетного автодорожного моста. Здесь — место будущей стыковки, недалеко уже встречи строителей, тянущих друг другу навстречу нитку дамбы со стороны Горской и Котлина.

А вскоре после полета автору этих строк довелось прогуляться до самого Кронштадта... пешком. Произойтило это в громадном павильоне Института гидротехники имени Б. Е. Веденеева, где находится уменьшенная в 500 раз действующая модель гидрокомплекса. Перешагнув через Неву, обозначенную зацементированной канавкой, через считанные секунды достигаешь острова Котлин. А вот и комплекс защитных сооружений, перечеркнувший залив. Ширинной он не больше школьной тетрадки, но в нем имеются миниатюрные водопропускные сооружения, судоходные ворота. Действующие, конечно. Для чего же нужна такая дорогостоящая игрушка?

— Все, от трактора до атомного реактора, от обычной детской куклы до сверхзвукового самолета, начинается с модели, — объясняет кандидат технических наук Владимир Федорович Циликин. — Здесь действует не только автоматика, позволяющая имитировать наводнения и штормы, но и вся система управления гидрокомплексом. Электроника помогает многократно проверять в условиях, максимально приближенных к реальным, различные ситуации, которые могут возникнуть при наводнениях. Видите, сейчас створки ворот открыты. Но стоит уровню воды подняться до опасного, как они закроются.

Сейчас от Горской до Кронштадта уже можно проехать на автомашине — первая из дамб готова и по ней идут самосвалы к южнобережной части будущего морского щита. И если следовать строгим географическим понятиям, жители Кронштадта уже не могут утверждать, что живут на острове: ведь Котлин перестал быть частью суши, со всех сторон окруженной водой.

А строительство уникальных сооружений продолжается. Завершено оно будет в 1990 году, и тогда мы станем свидетелями того, как после штормового предупреждения придет в движение сложнейшая система механизмов гидрокомплекса. Сдвинутся тысячетонные стальные затворы судо- и водопускных сооружений, и гигантский щит из бетона и металла надежно прикроет Ленинград от шквальных балтийских вод. А о грозных наводнениях можно будет услышать только от старожилов города или прочесть в книгах. Напоминанием о них останутся на века и два памятника. Один — «Медный всадник», созданный гением Пушкина, второй — возведенный нашими современниками поперек Финского залива.

А теперь давайте помечтаем, совершив прогулку в последнее десятилетие нашего века, тем более что оно не за горами. Итак, наш автомобиль мчится по широкому шоссе вдоль северного берега залива, затем сворачивает на гребень защитных сооружений. Слева и справа — море, впереди — Кронштадт. В шесть рядов несутся автомобили по первоклассной магистрали. Здесь нет светофоров, перекрестков. Вот впереди медленно проплывает океанское судно, а наша машина ныряет в тоннель под судоходным каналом. Через несколько секунд снова над головой небо. Хотите остановиться? Пожалуй, да. Оставим автомобиль на специальной площадке, а сами погуляем по пешеходным тротуарам или спустимся к самой воде. Но пора снова в путь. Еще несколько минут — и мы в Кронштадте, городе русской морской славы, знаменитом своими памятниками, архитектурой. Осмотрев город, снова отправляемся в дорогу, на этот раз по гребню дамбы, соединяющей Кронштадт с городом Ломоносовым на южном берегу залива. Здесь к вашим услугам старинные парки и дворцы-музеи. А к вечеру, замкнув кольцо ленинградской «кругосветки», вы вернетесь в Северную Пальмиру, на то самое место, с которого начали увлекательное однодневное путешествие...

ОШИБКА УЧЕНОГО

Лев СОНИН

Разработка Березовского месторождения, что близ Екатеринбурга (ныне Свердловск), началась в 1747 году. Именно здесь Россия получила первое отечественное золото. Но добывать его оказалось очень нелегко. Наибольшие трудности создавала высокая обводненность месторождения.

В 1824 году горный инженер и ученый О. С. Осипов предложил для откачки воды приспособить водяные колеса. Проведенные измерения показали, что уровень воды в озере почти на пятьдесят метров выше, нежели уровень воды в реке Пышме. Мысль о просачивании озерных вод казалась убедительной. И тогда решили раз и навсегда покончить с проблемой осушения рудников — спустить озеро.

В разгар этой дискуссии в июне 1829 года на рудник и прибыл с трехдневной ознакомительной экскурсией знаменитый ученый, большой знаток горного дела барон Александр фон Гумбольдт. У местных инженеров появилась редкая возможность — получить консультацию мировой знаменитости.

Гумбольдт сделал вывод, что озеро расположено на растреснутых гранитах, они падают круто и, простираясь с севера на юг, на глубине несомненно тесно связаны с золотоносными жилами березовских рудников. И еще раз для верности глянув на геологические и топографические карты местности, Гумбольдт убежденно подержал сторонников спуска озера.

И хотя горячо возражали многие инженеры, в том числе ставший тогда горным начальником Екатеринбургских заводов О. С. Осипов, первооткрыватель россынного русского золота Д. И. Брусницын, начальник штаба корпуса горных инженеров, министр финансов России граф Канкрин приказал приступить к реализации проекта осушения Шарташа в 1831 году.

В июле 1832 года были сооружены штольни и канал. Воды озера Шарташ полились через них в речку Калиновку. На месте обширного красивого водоема осталась, как писал известный краевед Н. К. Чушин, «...маленькая илистая озерина».

И вот тут выявилось, «что приток вод в рудники не уменьшился, что количество воды, протекающей по Ключевской вассерштольне, не изменилось, а в колодцах, находящихся вблизи озера, вода не понизилась...» (Из сообщения Г. М. Окладных, управлятеля Березовских золотых промыслов). Озеро, значит, не имело влияния на обводненность рудников. Зря, оказывается, его изводили. Конфуз, одним словом, получился.

Выходит, что барон Гумбольдт просто ошибся. На эту небольшую ошибочку великого человека все и списали.

На счастье потомков, штольню, в которую сбрасывалось озеро, затащило илом. Спуск воды сам собой прекратился, и целительница-природа постепенно вновь наполнила водой чашу озера в прежнем объеме. Это случилось уже к 1873 году.

Канал же для отвода воды народ окрестил канавой Гумбольдта, чтобы этот топоним не давал забывать потомкам, особенно в наш век великих технических возможностей, что следует очень хорошо все взвесить, прежде чем браться переделывать природу, даже если это рекомендуют заезжие светила...

Сергей ДРУГАЛЬ

«СТРЕМЛЕНИЕ ПЕЧАТАТЬСЯ ОГРОМНО...»

Субъективные заметки рецензента НФ

Вот письмо. Почти полный текст с чуть подправленной пунктуацией.

Один раз я уже писал вам в редакцию, посылал небольшой рассказ, но ответа нет. Я понимаю, что я молод, а таких смотрят в последнюю очередь, и шансы мои нулевые. Но стремление мое печататься огромно, и я, наверное, вам еще буду надоедать со своей писаниной. По-иначе я не могу. Я хочу писать и хочу знать, как я пишу. К сожалению, ответы редакторов двухстрочные. Но я не жалею. Я добьюсь своего.

Вас я прошу, я, можно сказать, умоляю. Прочтите этот рассказ. Он маленький, он совсем маленький. Не на машинке, ну и что, разве то, что присылают на машинке, всегда хорошо написано?

Рассказ мой относится к защите природы. Я хотел показать, как это ужасно, когда нет ни леса, ни рек. Чтобы читатель понял и утвердил еще раз для себя: этого быть не должно.

Да, если не напечатаете, перешлите это в другой какой-нибудь журнал, помельче вашего, где печатают фантастику. На ваш вкус.

Ну, если он совсем никуда не годится, рассказ отправляйте обратно мне. Как можно раньше.

Оговариваюсь сразу, к автору письма я отношусь с душевным расположением. Его тревожит состояние природы, он хочет привлечь к этому внимание людей, он написал на эту тему трогательный рассказ. И пусть рассказ непригоден для опубликования — автор искренен в своей заботе об общем благе.

А письмо я привел вот по какой причине. В журнал поступают сотни фантастических рассказов и, естественно, столько же писем при них. Так вот — это письмо как бы синтезировано из основных элементов, хотя бы один из которых обязательно присутствует в письме начинающего автора. И я подумал: а что, если, не мудрствуя лукаво, взять и рассмотреть эти самые элементы? Фантастика влечет к себе молодежь, и многие пробуют себя в этом жанре. Им я и адресую свои заметки.

«ОТВЕТА НЕТ...»

Крик души! В детстве день нескончаем, а месяц для начинающего автора — вечность. Само желание скорее получить ответ понятно и законно. Это опытный автор знает, что в редакции фантастикой занят один работник. Один — и непересыхающий родник самотека. А еще надо работать с профессиональными авторами, и надо редактировать уже стоборанные рукописи, готовить их в номер, вычитывать и править гранки, обсуждать на совещаниях материалы своего и чужих отделов, бывать на семинарах и встречах с читателями, наконец, просто читать ту же фантастику, чтобы знать ее, чтобы оставаться профессионалом. Одному человеку это не под силу. Потому и вынуждена редакция привлекать рецензентов

со стороны. Я как раз и являюсь таким привлеченным рецензентом. И стоят передо мной две задачи.

Первая: не пройти мимо рукописи, достойной опубликования. Увы, на сотню присылаемых рассказов едва ли один отмечен печатью таланта. И если он подходит нам по содержанию, верьте, он будет опубликован. Не буду голословным: за последние пять лет (1981—1985) в «Уральском следопыте» напечатали свою фантастику 50 авторов, 32 из них — новички для журнала, а для четырнадцати наша публикация вообще была первой.

Вторая моя задача — ответить автору. Развернутым письмом-рецензией или кратко. Понятно, следует изложить причины, по которым рукопись отклонена. Если рассказ мне нравится, я сообщаю автору, что буду рекомендовать его редакции. При этом вынужден делать оговорку, что в портфеле редакции годами ждут очереди добротные НФ рассказы. Ведь у нас в стране профессионально (или близко к тому) пишут фантастику свыше пяти сотен авторов. И очень многие адресуются в наш журнал.

«К СОЖАЛЕНИЮ, ОТВЕТЫ РЕДАКТОРОВ ДВУХСТРОЧНЫЕ...»

Это потому, что в функции литературно-художественных журналов литературная учеба не входит. Можно грамотного человека научить писать стихи, но «выучить на поэта» нельзя. Искусством создавать литературные произведения каждый должен овладеть сам, развивая необходимые навыки внимательным чтением и неустанной работой. Это полностью относится и к фантастике, родной сестре поэзии.

В рецензии мы стараемся, пусть кратко, разъяснить автору, что у него плохо. Многолетний опыт рецензирования позволил мне выделить четыре наиболее типичных недостатка, присущих начинающим фантастам.

Недостаток первый — отсутствие собственной темы. Мыслей нет, сообщить читателю нечего, а написать, тем более напечататься, очень хочется. Но о чем, когда уже обо всем другие успели написать? А что, если?.. И автор делает наивную и всегда безрезультатную попытку подменить содержание формой. И появляется:

«Я выбрал легкий и очень удобный нейтринный поляризатор со сменным пульверизатором на кварковой основе и приладил к нему прессио-компенсирующий обозревательный экран с пи-кварзарной установкой».

«Четырехмерная модель деформирует кванты пространства. От зоны возбуждения распространяются волны. Они пересекают метagalaktiku за суки. Модель формируется в каждой точке пространства заново и передвигается во вселенной».

И так по всему тексту, вовсе не пародийному. Но можно ли всерьез воспринимать этот эклектический вздор?

Недостаток второй — действие в рассказе происходит за рубежом. Не имея личного опыта, начинающий автор всецело находится под впечатлением переводной литературы, и отсюда совершенно неизбежный налет

вторичности, стойкое ощущение, что уже где-то читал подобно.

Третий недостаток — малая грамотность. Будем справедливы, большинство наших корреспондентов, даже школьники шестых — восьмых классов, пишут правильным литературным языком. Это приятно, это обнадеживает. Но поступают и столь безграмотные сочинения, что трудно удержаться от стога: двоичник ты несчастный! Между тем этот двоичник может иметь и высшее образование, о чем не забывает сообщить в сопроводительном письме. Малограмотность не останавливает. Как признается один корреспондент: «Вчера мне в голову ударила идея сесть за стол, написать рассказик». Сел. Написал. Прислал. Читаю, удивляюсь. Более того, как написано в одном рассказе, «от удивления рот мой раскрылся настолько, сколько позволили человеческие возможности». Еще бы ему не раскрыться. Посмотрите, что пишут!

«Ну и рожа! Типический тип обывателя».

«Дядюшка хохотал так, словно его мучил заворот кишечков».

«Его взгляд доставлял ей ужасное наслаждение и информацию».

«Голова у тебя гениальна, но в большом дефиците».

«— Как,— подскочил второй и застыл в изумлении».

«Пределы солнечной галактики». «Солнечная система звезд». «Уже пять световых лет и тысячи килопарсеков» (для справки: в парсеке 2,3 световых года).

«Расставив ноги, полулежал, запахнув руки в карманы».

«И он вошел с тормозящей время мыслью».

Я не называю авторов этих цитат, хотя мог бы и назвать, не погрешив против этики: в конце концов, они претендовали на публикацию... Каюсь, к малограмотным не испытываю сочувствия. Молодой человек, за десять лет не научившийся грамотно излагать свои мысли, — дремучий лентяй и бездельник. И весь тут сказ.

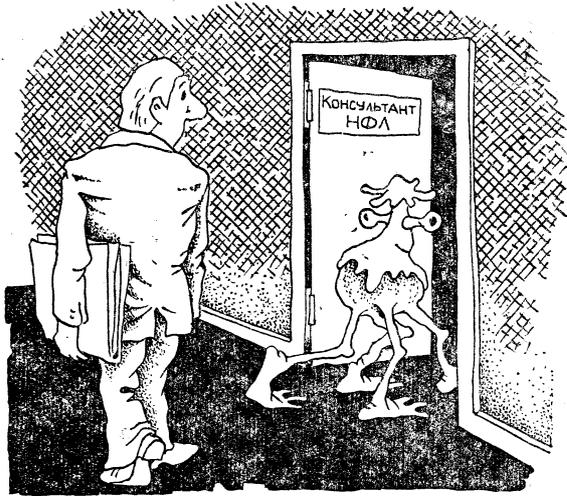
Четвертый главный недостаток, точнее порок, — все она же, лень! Лень перечитать и выправить самим же написанное. Сотворил с ходу, в один присест, — и тут же, ничтоже сумняшеся, отослал в журнал. Да еще с припиской: извините за ошибки, некогда было исправлять. Нет, мы не подозреваем автора в ехидной злонамеренности, но такая приписка к рассказу, написанному от руки, неразборчиво и как попало, носит, по сути, издевательский характер. Человек полагает, что кто-то будет за него исправлять его ошибки. Наивность? Или иждивенческое стремление переложить на другого свою заботу?

Вообще, широко распространено мнение, что литературный труд легок и под силу любому лентяю. Ошибочное мнение. Как правило, первое найденное слово непригодно для печати. Мог бы, но не хочу приводить хрестоматийные примеры каторжной работы писателей над текстом. Из расспросов и опыта знаю: чтобы довести рукопись «до кондиции», ее надо переписать минимум пять раз.

«ХОЧУ ЗНАТЬ, КАК Я ПИШУ. ПРОЧТИТЕ ЭТОТ РАССКАЗ...»

Мы читаем все рассказы, а куда денешься! И в ответах даем им оценку. Другое дело, что автор не всегда с нашей оценкой согласен. Автор держит в запасе два аргумента. Первый — рецензент может ошибаться. И второй: «Я написал не хуже того, что публикуется, а меня не печатают!» Оба аргумента существенны и заслуживают рассмотрения.

Действительно, оценка литературного труда всегда

субъективна. Рецензия — это как бы слепок с литературных пристрастий рецензента, его вкусов, его квалификации. Понимая это, добросовестный рецензент (а он всегда добросовестен: иначе нельзя) искренне стремится быть максимально объективным. Мною, например, владеет страх: а вдруг неверной рецензией я «зарезу» будущего Лема или, не дай бог, Ларионову! В случае сомнений я, бывает, напоминаю автору о его праве послать рукопись в другой журнал. И в третий. Писатели, те порой знакомы между собой, рецензенты — никогда. И если уж все три сказали — это плохо, то им следует верить, сговора не было.

Действительно, порой приходит рассказ, ничем не хуже многих опубликованных. Его можно печатать и... можно не печатать. В этом случае журнал предпочтает от публикации воздержаться, ибо заведомое равенство на средний уровень в принципе неприемлемо для любого журнала.

Что мы отвергаем в любом случае?

Мы не печатаем «черную» фантастику, фантастику безысходности, безнадежности. Обычно она пишется на зарубежном или общепланетном материале и предвещает неизбежную гибель человечества, планеты Земля, а то и даже всей нашей галактики. Предсказываемая катастрофа может иметь экологический характер — этот мотив звучит все чаще, она может возникнуть в результате экспансии либо просто безответственных экспериментов жителей других планет. Впрочем, разновидностей «черной» фантастики много. Проанотирую для примера один из подобных рассказов.

...Хозяйка под вечер посылает мужа на охоту. Мясо в холодильнике кончилось, детям завтра утром перед школой дать нечего. Муж, сгустя, что охота с ружьем запрещена, берет нож, выходит на темную улицу и садится в засаду за мусорным ящиком. Ждет. И вот — шаги по асфальту. Все ближе, ближе. Муж выскакивает из-за ящика и... падает, сраженный ударом дубины по голове. Удачливый прохожий берет его за ноги, там, где ботинки, и тащит к себе домой. Холодильник, значит, будет полон в другом доме.

Такой вот ничего себе сюжет. Не стану комментировать, спрошу только: зачем бы мы стали это печатать, неужели автор всерьез надеялся на публикацию?

Мы не печатаем фантастику, в которой инопланетяне выступают как благотворительная сила. Они решают за нас наши земные проблемы, устанавливают мир на земле и в человеках благоволение, ликвидируют голод и болезни, учат нас, неразумных, уму-разуму, словно мы сами не сможем на своей планете навести порядок! Эта-

кая неосознанная надежда на господа бога, модернизированной вера во второе пришествие. Она, кстати, весьма убедительно высмеяна Стругацкими.

Поступает множество, но мы их принимаем, рассказы о том, что контакта с инопланетянами нет, поскольку мы с вами не созрели для контакта. Такие, значит, мы убогие. А мы ведь созрели. У нас каждый школьник готов к контакту, даже если он не член КЛФ. Это мое высказывание так же умозрительно, как и противоположное ему, но оно хотя бы не имеет уничтожительного для нас, землян, оттенка.

Журнал не печатает рассказы о беспросветных мерзавцах. Вот аннотация одного такого рассказа, написанного в разухабистой манере.

...Работник патруля времени из века 550-го попадает в век 19-й. В костюме кавалергарда — прямо на бал. Танцует с красавицей, у которой муж. «Поймите меня правильно, — говорит патрульный. — Я не расист, но это ж был не то мулат, не то негр. Шуплый такой, кучерявый». Так вот, этот мулат приревновал патрульного к своей жене и вызвал на дуэль. Что делать, пришлось мулата пристрелять. Нехорошо, сам знаю. Как бишь его там звали? Вспомнил! Пушкин.

Просто, знаете, оторопь берет. Какое безправственное, извращенное воображение надо иметь, чтобы имя Пушкина (ведь Пушкина, товарищи!) сделать предметом литературных спекуляций? А может быть, автор просто лишен понятия, о чем можно и о чем нельзя писать?

Мы не печатаем фантастику с сексуальными эпизодами. Такой среди рукописей начинающих немного, но попадает. Вообще же фантастика — наиболее целомудренный жанр, к чести и авторов и любителей ее.

Запретных тем в фантастике, конечно, нет. Но специфика молодежного журнала определяет и выбор тематики. Фантастика пишется для людей и о людях, является частью литературы, как, скажем, поэзия. Поэтому и остальные требования к ней те же, что к любому литературному произведению.

Часто задают вопрос: а как надо писать? Я его тоже задавал многим писателям и пришел к выводу, что писательское дело — дело личное, сугубо интимное и не терпит ни советов, ни вмешательства. Однако могу сформулировать несколько правил. Напоминаю, что заметки носят субъективный характер. Тому, кто уже опубликовался, они не помогут, ему уже ничто не поможет. А начинающим, возможно, пригодятся. Вот они:

— идея произведения должна быть значительнее его содержания;

— рассказ должен сообщать читателю что-то новое, поучительное или забавное, или предупреждать о чем-то, или звать к чему-то. Если нечего сказать — не пиши;

— технические детали нельзя заимствовать из популярных и широко известных статей. Не надо писать о Наске, Паленке, шести колоннах Баальбека, хрустальной черепе майя. Трудно, но постарайтесь не писать о Тунгусском метеорите;

— не пиши на зарубежные темы, пиши о том, что знаешь. Если ничего не знаешь, ничего не пиши;

— следи за языком, язык твой — враг твой, языковая небрежность непростительна;

— избегай длиннот;

— избегай литературных, смысловых и словесных штампов. Читатель пошел искушенный, он не упустит случая обхихикать автора;

— думай о читателе и, как я уже говорил, написанное перепиши пять раз.

Вот и все. А как писать, о том никто не знает.

«НЕ НА МАШИНКЕ, НУ И ЧТО...»

От наличия машинки талант никак не зависит. Самые великие произведения были написаны пером. Гусиным. Но в то время и позже в школе был предмет — чистописание. И это существенно облегчало труд работников редакций. А сейчас разбирать чужой почерк просто мучительно. Если же таких почерков десятки? Врагу не пожелаю! Потому все редакции выдвигают обязательное требование: рассказ должен быть напечатан на машинке через два интервала, слева поля 4 см, двадцать девять строк на странице. Но у начинающего автора, как правило, нет машинки, зачастую и нет возможности напечатать на стороне. Что нам остается? Входим в положение и, скрипя зубами, читаем написанное от руки... Спрашивал и узнал: во многих журналах смотрят только то, что напечатано на машинке.

«ПЕРЕШЛИТЕ ЭТО В ДРУГОЙ ЖУРНАЛ...»

Вот чего мы не делали и делать не будем. Да и куда послать? Систематически фантастику публикуют, как известно, немногие журналы, в портфеле у каждого из них — переизбыток рукописей. Толстые журналы печатают фантастику редко и неохотно, в основном — когда возникает необходимость поднять тираж...

Каждый редактор отлично знает, что вся художественная литература — выдумка, исключений быть не может. Но об этом как-то не принято говорить вслух. Фантастика шокирует тем, что прямо заявляет: «Да, я выдумана. Во мне чудо, во мне тайна, поэтому меня любят и дети, у которых сохранился хороший вкус. А еще во мне, фантастике, достоверность высокого порядка, поэтому я — литература, поэтому я — искусство».

Все прочие жанры художественной литературы пишут либо о прошлом, либо о настоящем, о будущем — отбываются редко, а вот фантастика впрямую говорит о будущем. И говорит в лучших своих произведениях с убедительной достоверностью. Вспомним «Туманность Андромеды», где зримо показано коммунистическое общество, или, скажем, повести «Трудно быть богом», «Далекая Радуга».

Фантастика является действенным средством коммунистического воспитания молодежи. Но чтобы в полной мере осуществлять эту свою функцию, она должна быть именно литературой. Именно художественной — без каких-либо скидок.

Рисунки С. Ашмарина

Природа не признает шуток.
Она всегда серьезна,
Всегда правдива,
Всегда строга,
Всегда права.
Ошибки и заблуждения
Исходят от людей.

Вольфганг ГЕТЕ

Куда стреляет рогатка?

Вадим ЧАЗОВ

В МЫШИНОЙ СЕМЬЕ

Жила-была рыжая мышка-полевка. Жила она в норке на опушке маленькой рощицы, около клеверного поля. Недалеко было и до луга, покрытого разнотравьем, и до болотца. Корму ей тут хватало, да и много ли ей надо было его, если сама она весила не больше 20—25 граммов.

В ту самую пору, когда луг расстился ковром, сотканным из тысяч цветков, по которому носились полчища сборщиков цветочного нектара и пыльцы — шмелей и ос, именно в это время у мышки родилось шестеро малышей.

Родились они слепыми, беспомощными и совсем крохотными, но росли быстро: на пятые сутки прозрели, на десятые стали бойко передвигаться по ходам родного дома и еще через два дня пытались отыскать корм за пределами своей норки.

Луг и поле скоро привлекли их внимание; здесь они грызли все, что поддавалось их зубам: корешки и стебли растений, не брезговали куколками и личинками шмелей, а иногда и самими насекомыми, разоряя шмелиные поселения. Разозленные шмели яростно отстаивали свои жилища, и малышам нередко приходилось спасаться бегством, но, забыв урок, они снова продолжали охоту.

Промелькнула теплая пора, поблекли краски поникших растений, доверху наполнили медом свои запасники-чаши трудолюбивые шмели, заметно повзрослели мышата. Только их стало теперь меньше, одного в сумерках спала ботлотная сова, другого подкараулила бродячая кошка.

Внешне они выглядели вполне взрослыми мышами. Мать теперь они видели совсем редко — в соседнем отнорке у нее заводилась новая семья...

В ШМЕЛИНОЙ СЕМЬЕ

С самого начала весны шмелиная семья поселилась в норке, заброшенной полевыми мышами. Расширив и почистив новые владения, шмели тотчас приступили к укреплению их «парадной» части и маскировке жилища снаружи.

Ярко светило теплое, весеннее солнце, все в природе обновлялось, в жизни животных и растений наступила брачная пора — пора ухаживаний и песен, ярких нарядов и ритуальных игр.

Не забыли по этому поводу принарядиться и наши шмели. Теперь их глазастую голову обрамлял ярко-желтый ворсистый воротничок, талию опоясал охристый пояс, нижняя часть туловища — в ярко-оранжевой юбочке.

Старой шмелихе, перезимовавшей в этом году, было не до нарядов: надо было срочно заниматься устройством подземных камер для будущего расплода, и вот она усердно строит соты, в каждую ячейку которых будет отложено 7—8 яичек, через несколько суток из них вылупятся слепые безногие червяки. С их появлением у шмелихи еще добавится забот: личинок надо кормить. И шмелиха тащит им нектар цветов, богатый углеводами, и цветочную пыльцу, содержащую белковые вещества. И тут природа маленько схитрила: чтоб привлечь побольше насекомых-опылителей к цветкам-кладовым, она вырядила их в праздничные одежды, позаботившись о том, чтобы свежесть их наряда, как и привлекающий насекомых аромат, сохранялись с весны до глубокой осени. Таков красный клевер, его душистые пуповые головки всегда привлекательны для шмелей.

Туда и летала наша шмелиха, совершая за светлое время суток несколько сот полетов от жилища до поля и обратно. Это не меньше 50—60 километров.

Ученые уверены в том, что шмели-фуражиры успевают побывать за одну минуту не менее как на 15—25 растениях в поисках нектара и пыльцы.

И вот тут-то, как говорится, услуга за услугу: если продуктовой базой для насекомых является содержащее цветков, то единственный путь к выживанию у многих растений — опыление, которое с успехом и совершается пчелами, осами и шмелями. Перелетая с цветка на цветок, шмели и им подобные переносят пыльцу с тычинок одного растения на рыльца пестиков других растений. Такая взаимозависимость — явление довольно частое в природе. Попутно с опылением совершается и другое. Так, например, температура венчика цветка всегда на три-пять градусов выше окружающей среды, значит, здесь можно укрыться при непогоде. В то же время, укрытые телом шмеля, завязи цветка созревают скорее.

Но вернемся в шмелиный дом, здесь через 10—12 суток личинки превратятся в куколок и еще примерно через столько же времени из куколок вылупятся молодые шмелята.

И наверное, накануне их отлета старая шмелиха, как и всякая мать, дает им последние наставления: и как следует проникать внутрь венчика цветка, чтобы вдоволь напиться сладкого нектара, и как собрать пыльцу, осевшую на ворсистой спинке, бережно соскребая ее передними лапками и укладывая в корзиночки задних лапок-обножек. И как, летя домой с бесценной ношей, следует оберегаться злейших врагов — сорок, ворон, большой синицы, которые прямо на лету, догнав свою жертву, вспарывают брюшко и высасывают драгоценное содержимое... Впрочем, не шмелиха, а природа наградила молодых шмелей инстинктом, побуждающим делать все как надо.

В КОШАЧЬЕЙ СЕМЬЕ

Это была хорошая кошачья семейка: большая кош-ка-мать и три пушистых разномастных котенка.

Самым бойким и любознательным был тот, кото-рый родился первым. Он стал гоняться за бабочками, ло-вить свой хвост и преследовать собственную тень. Иногда он крадучись пробирался даже к клеверному полю.

Однажды, когда мать и братья расположились на своем любимом месте — между грядок гороха грелись на солнышке, он заметил, как совсем близко заколыхались стебли высокого чертополоха.

Котенок припал к земле и немного прополз... Было страшно и интересно, шерстка на загривке и около хво-стика встала дыбом, маленькие усы дрожали от напря-жения, все упругое тельце вытянулось пружинкой, и он уже был готов... Но что-то больно ударило его по го-лове, он дико подпрыгнул, мявнул и упал. Голова ко-тенка была залита кровью... Мать бросилась к нему, жа-лобно мяукая, она порывисто облизала его.

А в это время из предательского куста показался парнишка, он закладывая в рогатку очередной камешек, предназначенный на этот раз для большой кошки.

Повторению этого позорного поступка на этот раз помешал чей-то голос: «Ванька, ты что там делаешь? Опять с рогаткой?»

Мальчишка бросился наутек...

Прошло дня три. Несчастный котенок не умер, толь-ко вместо правого глаза у него зияла впадина. Теперь он стал заметно отставать в развитии от сверстников: похудел, стал нуглив и как-то не по-кошачьи неловок. Жизнь его наполнили опасности. Например, услышав даже небольшой шум со стороны потерянного глаза, он опрометью бросался в сторону, натываясь, а иногда и больно ударяясь об окружающие предметы. И вот од-нажды (лучше бы этого не было), услышав рев прибли-жающегося автомобиля, котенок бросился в сторону и, наткнувшись на столб, стал карабкаться вверх. Он лез все выше и выше, пока одна из его лапок не уцепилась за провод, а вторая попала на другой, и... смерть сразила его мгновенно.

Как будто бы на этом и заканчиваются все события, но...

Помните, как сказал поэт: природа всегда строга, всегда правдива... Но какому же незримому пути осуществляется эта строгая правота обиженной при-роды?

Не стало только одного кота, который при самом маломальском аппетите мог бы уничтожить за один ме-сяц 15—20 мышей. Каждая мышка в сутки съедает 15—20 граммов корма. В этом рационе есть и шмели (помните мышиные лабегги?). Каждый шмель весит 100—150 мг, значит, за одно только лето наши мышки могут «осветить» до трехсот шмелей, не считая того, что они, мышки-то, в это время еще и размножаются. А один шмель за минуту посещает 15—25 растений. Пусть нам попал шмелек не из раторопных, он едва укладывается «в норматив»: десяток цветков в минуту. Но, стало быть, вся шмелиная бригада за лето в поисках меда, пыльцы и нектара сумела бы посетить (значит, опылить) не ме-нее 15 млн. растений.

Даже если только треть из них нуждается в опыле-нии (как в единственном средстве для продолжения своего рода), то и тогда этих растений вполне хватило бы для выращивания бычка весом 200 килограммов.

Круг замкнулся: рогатка — кот — мыши — шмели клевер — бычок! И выходит, метил-то парнишка в кош-ку, а кроме нее убил еще и БЫКА!

КРАСНОКЛЮВЫЕ ЭМИГРАНТЫ

Алексей ИВАНОВ

В эту осеннюю поездку в Среднюю Азию мне пред-стояло немало остановок и встреч. Особенно интриговала одна из них. Перед выездом из Арзамаса я получил пись-мо от своего давнего друга Михаила Кузьмича Сапож-никова: «Ускорь выезд в Чимкент, здесь тебя ожидает сюрприз...»

И вот Чимкент — вокзал, объятия. Вижу тихую зе-леную улочку Готвальда, одноэтажные домики, садики с ульями.

Приятно быть у Михаила Кузьмича и его супруги Елены Григорьевны — все она успевает, всегда найдет ласковое слово.

Наступил вечер, я вышел на крыльцо. И вдруг где-то рядом запел скворец. И когда — не в солнечный день, а в темный вечер октября!

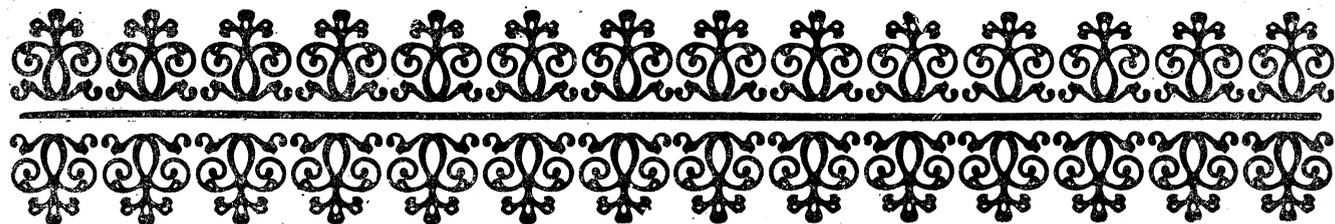
Утром открыл форточку, слышу — скворец опять поет. Мой друг пояснил: эти скворцы поют круглый год. Никуда не улетают. Что же за чудо — скворцы?

Сапожников рассказал: «Это случилось осенью 1975 года, когда скворцы уже улетели. День был воск-ресный, погода стояла солнечная. Вдруг небо потемнело. Над городом нависла туча... птиц! Она стала опускаться на город, на крыши, на деревья, на заборы, на телег-рафные провода. А за этой тучей — новая, за ней — третья. Народ заспешил в дома, на некоторых напал су-еверный страх. Зрелище было потрясающее! Пришельцы подпускали близко, их можно было свободно рассмат-ривать, по размерам они не отличались от наших серых скворцов. И такие же серенькие, только оперенье без ме-таллического блеска и клюв — красненький. У крыльев снизу по три белых пера. Вскоре мы убедились, что они поют осенью и даже зимой. Пришла весна, красноклю-вые так же, как и местные скворцы, занялись гнездова-нием. Только устремились в горы, где много нор. При-шельцы образовали там колонии, но иные птицы свои гнездовья устраивали под крышами, карнизами домов, на чердаках. Самки откладывали по 7—8 яиц, а местные скворчихи — по 5—6 штук. Теперь у красноклювых еще одно название — певчие», — закончил рассказ Михаил Кузьмич.

Ареал пернатых эмигрантов за последние годы зна-чительно расширился, теперь они появились уже в Ферганской долине и в других районах Узбекистана. Надо надеяться, что красноклювые (певчие) скворцы за-селят и другие районы. Первое время считали, что но-воселы прилетели из Афганистана, и прозвали их «аф-ганцами». Версия не подтвердилась. Этот вид скворцов обитает в юго-западной части Китая, в Кашгарии. Высо-та в тех местах над уровнем моря значительно выше, значит, климат — суровее, следовательно, пришельцы на-ходятся в более благоприятных условиях. Потому, ве-роятно, и не улетают на зимовье.

На этот вид скворцов уже обратили внимание люби-тели певчих птиц. И красноклювые певцы появились в Караганде, в Сибири.

На территории СССР из 103 видов скворцов прожи-вает постоянно 6, теперь вот прописывается седьмой вид.

КЕДРАЧИ ТРИФОНА МАТВЕЕВИЧА

Владимир СТАХЕЕВ

Человек самобытный, быть может, даже и чудак — человек делает нашу жизнь веселее и ярче.

...Есть в Юргамышском районе Курганской области крохотная деревенька Озерки. Среди других глядится чисто промытыми оконцами один бревенчатый домик. Живет здесь Трифон Матвеевич Плотников — один из таких вот «чудаков», по мнению многих. Натуры доброй, по характером боевой и задорный, он не обижается, когда его так называют.

— Ну какой же пенсионер на свою не очень великую пенсию отправится за тысячи километров в Сибирь за какими-то саженцами кедра! — рассуждают одни.

— Мало того, — удивляются другие, — привезет он этих маленьких кедрочков сотни две-три, а то и четыре — и тут же раздарит их знакомым и незнакомым людям!

А те, кого природа обделила добротой, — и вовсе усмехаются:

— Бескорыстным показать себя хочет. Ждет, чтобы о нем в газетке пропечатали!

Трифон Матвеевич посмеивается да удивляется:

— Чудные, право, люди есть. Сибирский кедр — ну разве это не краса земная! Надо, чтобы он везде рос — могуч, крепок и широк — как душа русская!

И смотришь, опять жена собирает своего немолодого уж супруга в дорогу дальнюю. Встретят знакомые Трифона Матвеевича, бодро вышагивающего с чемоданчиком в руке:

— Опять в края сибирские?

— Надо, кедр уж заждался меня, ребятки.

Когда поиссякли невеликие пенсионные сбережения, Трифон Матвеевич пришел в областное общество охраны природы:

— Выручайте, друзья.

Здесь поняли седого посетителя. С того времени он ездит в кедровые питомники Сибири уже как лицо командированное. В коллективе Анджееро-Судженского питомника, куда особенно часто приезжает зауральский энтузиаст, давно его знают и всегда с радостью помогают:

снабдят саженцами, расспросят, как прижилась предыдущая партия деревьев, дадут в дорогу брошюры, добрые советы.

Сидим с Трифоном Матвеевичем на берегу тихого озера. Мой собеседник — босиком, в длинной навыпуск рубахе и в свои семьдесят лет — живой, как ртуть! То сбегает домой — жена наказала караулить уху, то горопит к берегу проверять наживку на удочке, то бежит отгонять кур, клюющих червяков в жестянке. И успевает говорить со мной:

— Сколько всего посадил кедров? Скажу точно, сам считал — пять тысяч штук. Много? Нет, бражок, не много. Надо хотя бы еще столько же!

— Почему кедрами занялся на пенсии? — переспрашивает Трифон Матвеевич. — Это история отдельная.

Отец Трифона — Матвей Антонович — тоже был особенный человек. Любили его в Озерках за добрый нрав, за честность. И потому доверяли Матвею самое святое дело — нарезать землю. Каждый хозяин двора вытягивал из шапки билет с номером земельного надела. Матвей Антонович однажды попросил у деревенского схода дать ему самую бросовую землю, какая останется после раздела.

Отговаривали его и шуткой, и здравым советом:

— Брось, Матвей, не дури! Вон лог только остался с ручейком да поляна вся в кочках возле него! У тебя же семья немалая, о чем ты думаешь?

— Вот и отдайте мне лог с кочкам! — упрямо отвечал Матвей.

Раз так настаивает — отдали ему и лог, и кочки. А через два года не узнали односельчане этого места. Оазис, да и только! В широком логу разлилось зеркало пруда, а где были кочки — там колосилось поле пшеницы, обсаженное по краям березками. В пруд Матвей запустил мальков карася, и вскоре ребятинки, а затем и взрослые, облюбили берега.

Матвей Антонович поставил рыбакам условие:

— Карася в пруду много, прижился он хорошо. Но чтоб и внучатам нашим досталась эта красота, ловить только на удочку и не больше, чем по ведру в день!

Пруд этот кормил деревню до самой войны. В сорок первом Матвей Антонович проводил на фронт всех троих сыновей, а вскоре занемог.

Пруд без догляда зарос, весной в паводок некому было подладить плотину, и ее вскоре размыло совсем. Рукотворный уголок снова стал глинистым логом с ручейком.

Перед смертью Матвей Антонович оставил один наказ:

— Закончится война, придут домой сыновья. Пусть пруд для людей восстановят, и пусть сядят, сядят лес. Я любил лес.

Из троих сыновей с войны вернулся только один — младший, Трифон. Константин и Геннадий погибли. Заветные отца передали младшему, и он запомнил его накрепко. Но жизнь сложилась так, что выполнить отцовский наказ Трифон Матвеевич смог только на пенсии.

Когда он посадил первый десяток кедров росточком

до колена, походил за ними, что за ребятами малыми, то прикипел к ним накрепко. Памятью об отце, павших на полях родной земли братьях и стали 5000 кедров, рассаженных лично Трифоном Матвеевичем за последние годы.

— Пять тысяч — много это или мало? — спросил у лесоводов из Уральского лесотехнического института.

Они мне отказались верить... Оставалось посоветовать им съездить в Юргамышский район, в деревню Озерки. 3500 юных кедров зеленеют вблизи деревни Раздольной, еще возле детского дома в селе Кипели, также в самом райцентре, ну и, конечно, в Озерках. За огородами родной деревни Трифон Матвеевич заложил кедровый питомник площадью около гектара, огородил его.

Планы у лесовода-любителя большие. Собирается снова в Кемеровскую область, чтобы привезти несколько тысяч саженцев сибирского кедра и рассадить их вблизи Кургана, в районах области. А спроси Трифона Матвеевича о его любимом дереве — будет рассказывать часами.

Идем с Трифоном Матвеевичем околицей деревни. Торная дорога вывела к пруду, густо поросшему по берегам ивами. Плавали желтые листья по воде, скользили по темной глади резвые чирки.

— И кто же пруд восстановил?

— Да я и восстановил, — добродушно ответил мой спутник. — Конечно, пришлося не раз нанимать бульдозеристов, но все-таки пруд опять жив, и даже краше, чем сорок лет тому назад.

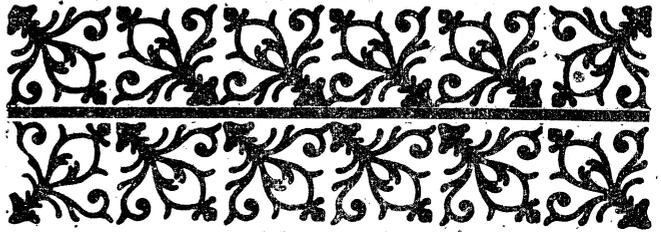
Соорудил плотину Трифон Плотников только одному ему известными способами и средствами: отказывал себе во многом, экономил, чтобы привезти и засыпать в тело плотины около 40 самосвалов глины да распланировать тракторами насыпь. Но как-то бы ни было — радость на душе у него большая. Наказ отца — вот он: пруд глубок, чист, плещутся дикие утки, и рыбу мальчишки ловят.

Конечно, было бы наивным представлять жизнь этого интересного человека сплошной идиллией пенсионера с причудливкой. Кому-то другому, с иным характером — не таким неунывающим и добродушным, как у Трифона Матвеевича, — пожалуй, и не выдержать всех его хлопот и забот. Если уж не все понимают — зачем все это нужно Плотникову, то бережет его труд и вовсе далеко не каждый.

— Разве забором защитишь дерево. Его может защитить только совесть людская, — грустно качает головой Трифон Матвеевич.

Выпишет в лесхозе столбы для изгороди — их растащат, привезет штакетник — его кто-нибудь увезет... Но надо выписать на несколько часов грузовики или конную подводу, чтобы привезти доски для изгороди, купить билет до Кемерово или съездить в Юргамыш к секретарю райкома, который очень помогает и поддерживает лесовода из Озерков, — все эти стариковские хлопоты Трифону Матвеевичу милы, и без них, он считает, жизнь была бы серой и скучной.

...Перед тем как распрощаться, мы зашли с хозяином домика в горницу. Трифон Матвеевич достал с полки русскую тальяночку, какой теперь уже мало где увидишь, и неожиданно молодым крепким голосом затянул старинную уральскую песню. Лукаво прищурился глаза и раскачивая в такт седой головой, он пел про лесное раздолье, родную сторонушку...

В УРМАНЕ

Василий СНИГИРЕВ

На краю урмана из-под корней разлапистых лип вытекает говорливый ручеек, через две сотни шагов его не перешагнешь, не переедешь. На низкие берега брошены две сучковатые вершины смолистой сосны, на них ряд осиновых жердей, пришитых коваными гвоздями, — мостик. Переедешь по нему — направо видны выруб, на-лево небольшой домик, на юг от которого большая поляна, заставленная ульями. Пчелиные домики раскрашены в броские цвета, и от играющего набора красок пасека выглядит огромным цветником.

Тесовая крыша прикрывает дом пчеловодов, спустившийся навес полога удлинен: под ним прячется от дождя и солнца столярный верстак с инструментами по дереву и железу.

Жителей здесь трое: пчеловод Федор Петрович, его помощник Иван Семенович и сторож Матвей Демидович. Из меньших братьев — ленивый кот да две небольшие, злобные на зверя собачки.

Матвей Демидович помогал пчеловодам, мастерил шкатулки из березовых напывов, вырезал зверей и птиц из корней и прикорневых сплетений. В поисках древесного сырья старик исхаживал немалые версты и по урману, и по перелескам, и по глухим провалам лесных речушек. Весной в одном из походов отнял у ворон ползузаклеванного зайчонка, а еще через неделю нашел полуживого малыша дикой козы. Так на пасеке появились новые жители, смешные и забавные молочники.

Летом жизнь на пасеке шла спокойной, наполнявшей весь день нестложной работой, а весной и к началу осени, когда заканчивался медосбор, жизнь хозяйства резко менялась: добавлялись к трудовому дню тревожные ночи, поединки с лесными грабителями — медведями. За последние два десятка лет не было ни одного сезона, чтобы эти косматые бродяги не уничтожили два-три десятка медовых домиков. Хитрость пчеловодов в охране совхозного богатства паталкивалась на недюжинную сообразительность Топтыгиных. Не раз приезжали городские охотники, но взять зверя не могли, а сами пчело-

воды, имея разрешение на отстрел, палили только вверх, не надеясь на верность своих пуль.

Пробовали ограждать пасеку проволокой с навязанными на нее погремучками — не помогало: хитрые звери делали подкопы под нее. Пришла мысль осветить пасеку ночью, и развешивали по периметру поляны с десятков фонарей «летучая мышь», с вечера до утра тратили керосин, три ночи подряд отпугивая косматых бродяг, а на четвертую из-под самого яркого фонаря улей был отнесен в сторону и разграблен начисто.

Решили испытать еще одну хитрость: с полночи в трех углах пасеки включали транзисторы, настроенные на разные волны. Опыт удался: целую неделю разбоя не было, а на восьмой день двухкорпусный улей был разворочен прямо под висевшим на сучке транзистором.

Собачки поднимали почти всегда запоздалый шум, и выстрелы уже не помогали. Особой находчивостью и смелостью отличался бурый гигант. Он имел отметину: правое ухо у него было раздвоено: может, пуля охотника прошла выше лба, или собратья разодрали. Обычно медведи без лишнего шума уступали дорогу хозяевам пасеки и спокойно удалялись в урман, а бурый гигант при встрече даже не спешил укрыться в лесу. Отойдя шагов с полсотни, он с достоинством наблюдал, как неважно чувствующий себя пчеловод или сторож уходил прочь с его пути.

Той осенью, в конце августа, дед Матвей пошел в лес на поиски березовых наплывов. Он углубился в багровые заросли версты на три, когда до него донеслись глухой рев и стоны какого-то крупного зверя. Пройдя еще с сотню шагов, старик стал прислушиваться, — опять тяжелые хрипы. Сняв с плеча одностволку, старик медленно стал продвигаться на эти необъяснимые звуки. Он вышел на край широкой поляны, пересек глубокий распадок, поднялся на взгорок, через просветы деревьев увидел поляну поменьше, затянутую мелким осинником. На ней росло несколько высоких берез, вершина одной из них сильно шаталась в одном направлении. На земле шагах в десяти от березы сидел большой медведь, на его шее была петля стального тросика, второй конец которого и был прикручен к вершине дерева.

Грозное рычание зверя переходило в бессильный хрип. Держа ружье наготове, дед Матвей приблизился к медведю шагов на тридцать. От полного удушья Топтыгина спасал четвертной гвоздь, вставленный в тросик в поперечном направлении. Было ясно, что трос этот ставили браконьеры на сохатого, но он каким-то образом сполз к земле, и медведь случайно залез в смертельную для себя ловушку.

Матвей Демидович без труда узнал в пленнике знакомого ему бурого гиганта. Медведь, тяжело дыша, то валился набок, то снова садился, но встать уже не мог. Из полуоткрытой пасти на передние лапы, на землю текла кровавая слюна. Весь подлесок вокруг березы был

выдран и изгрызен. Перерытая земля образовала цирковую арену, по которой не первый день, наверное, ходил вокруг березы на смертельной привязи хозяин урмана. Попробовав освободиться от стального поводка, бурый гигант еще раз с силой натянул его — свалился. Старик еще сократил расстояние и сейчас в пятнадцати шагах посмотрел на зверя. Медведь пытался поднять голову, но она бессильно падала на окровавленную землю. Старику было ясно, что часы этого лесного бродяги сочтены.

— Ну что, приятель, в страшную беду ты попал, вот и сведем мы счеты за многолетние грабежи. Постелим твою шкуру, Мишенька, во всю нашу горенку на пасеке, — сказал старик и пошел от черного круга. Не успел он сделать и пяти шагов, как услышал сзади себя страшный рык и почувствовал дыхание зверя на своем затылке. Матвей Демидович проворно отпрыгнул за тонкую осинку и... увидел медведя сидящим на земле: видимо, Топтыгин услышал запах своего извечного врага, напряг последние силы, пытаясь порвать стальную жилу, не смог, сел на зад и снова повалился на землю.

На пасеке сторож рассказал о страшной находке, и разгорелся между мужиками спор...

Как только забрезжил рассвет, пчеловоды и сторож были у задыхающегося бурого гиганта, они принесли ружья, мощные кусачки и пудовую бадью с сотовым медом. У обреченного зверя только и хватило силы поднять голову и издать слабый злобный рык. Срубив крепкие рогатины, Федор Петрович с Иваном Семеновичем придавили лапы медведя, испытывая его оставшуюся силу. Бурый пытался отбросить тяжелые стяги, но явно чувствовалось, что силы у двух крепких мужиков больше, чем у измученного медведя. Принесли и поставили бадью с медом. Теперь Матвей Демидович с Федором Петровичем с силой держали рогадинами ноги зверя, а Иван Семенович с трех приемов перекусил стальной поводок и сдернул петлю с шеи медведя. Пяťясь, держа наготове оружие, все трое отступали шаг за шагом от лежащего зверя...

Через три дня Матвей Демидович принес с черного круга нетронутую бадью с медом и стальную удавку...

Порядочно лет прошло с тех пор, прекратились медвежьи набеги на пасеку. Случайное ли это совпадение, или прав оказался дед Матвей? Это он убедил пасечников — вызволить бурого из петли, чтобы тот поведал сородичам: держаться подальше от тех мест, где пахнет медом и проволокой.

ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАРОМ ШОСКОМЕ

Артур Конан Дойл

Рисунки Н. Павлова

Шерлок Холмс долго смотрел в небольшой кабинетный микроскоп. Затем стремительно выпрямился и торжествующе посмотрел на меня.

— Это клей, Уотсон! — воскликнул он. — Вне всякого сомнения, это клей. Взгляните сами.

Я нагнулся к окуляру и навел на резкость.

— Видите ворсинки? Это твид. Беспорядочная серая масса — пыль. Слева — частицы эпителиальной ткани. А вот коричневые пятна в центре — не что иное, как клей.

— Охотно верю вам, Холмс, — смеясь, ответил я. — Но что, собственно, из этого следует?

— Это же неопровержимая улика, — пояснил Холмс. — Помните случай в Сент-Панкрасе? Возле мертвого полицейского была найдена кепка. Обвиняемый отрицает, что она принадлежит ему. А ведь он делает рамы для картин и наверняка часто пользуется клеем.

— Вы взялись за расследование этого дела?

— Нет, им занимается мой приятель Меривейл. Он попросил ему помочь. После того, как я раскрыл фальшивомонетчика, обнаружив в швах его манжет остатки цинка и меди, в Скотланд-Ярде, кажется, начали понимать, что такое микроскоп. — Холмс нетерпеливо взглянул на часы. — Обещал зайти новый клиент, однако что-то он запаздывает. Кстати, Уотсон, вы что-нибудь понимаете в игре на скачках?

— Приходится. Ведь это увлечение стоит мне почти половины пенсии¹.

— В таком случае назначаю вас своим консультантом — меня интересует кое-кто из «Терфа»². Например, сэр Роберт Норбертон. Известно ли вам что-нибудь об этом человеке?

— Пожалуй. Живет он в Старом Шоскоме. Это я точно знаю, поскольку сам провел там целое лето. А ведь вам однажды чуть было не пришлось с ним познакомиться.

¹ Имеется в виду пенсия за ранение, полученное Уотсоном на военной службе.

² «Терф» — лондонский аристократический клуб завсегда-таев скачек, основан в 1868 г.

³ «Гранд нэшл» — крупнейшие скачки с препятствиями; проводятся ежегодно весной на ипподроме Эйнтри близ Ливерпуля.

— Неужели?

— Да, когда в Ньюмаркете сэр Роберт избил кнутом Сэма Брюэра, известного ростовщика с Керзон-стрит. Бедняга еле ноги унес.

— Как видно, личность занятная. И часто он так развлекается?

— Надо сказать, за ним репутация опасного человека. Это один из самых бесстрашных наездников Англии. Несколько лет назад он занял второе место на «Гранд нэшл»³. Есть такие люди, которым суждено родиться не в свой век. Ему бы жить во времена регентства — человек атлетического сложения, боксер, азартнейший игрок на скачках, не знающий соперников любовник и, судя по всему, безнадежный должник.

— Отлично, Уотсон. Превосходный портрет. Кажется, я понял, о ком идет речь. А что вы можете рассказать мне о Старом Шоскоме?

— Не более того, что он расположен в самом центре Шоскомского парка. Там же находятся знаменитые Шоскомские конюшни и небольшой ипподром.

— А имя старшего тренера, — добавил Холмс, — Джон Мейсон? Пусть моя осведомленность не удивляет вас, Уотсон. Письмо, которое вы видите в моих руках, именно от него. Однако вернемся к Шоскому. Мне повезло, что вы так много знаете об этой местности.

— Шоском — родина знаменитой породы спаниелей, — продолжал я. — Вы услышите об этом на любой выставке собак. Шоскомские спаниели — гордость всей Англии. И уж конечно, самой хозяйки Старого Шоскома.

— Жены сэра Роберта Норбертона?

— Сэр Роберт никогда не был женат, что, пожалуй, и к лучшему. Он живет при овдовевшей сестре, леди Беатрисе Фолдер.

— Вы хотите сказать, она живет при нем?

— Нет, я не оговорился. Старый Шоском принадлежал ее покойному супругу, сэру Джеймсу. На владение им сэр Роберт и не претендует. Его сестра обладает правом на поместье лишь до конца жизни, потом оно перейдет брату мужа. А пока она получает с недвижимости ренту.

— И сэр Роберт, как я понимаю, тратит все эти деньги?

— Или почти все. Человек он бесцеремонный и, по всей видимости, зачастую ставит сестру в неловкое положение. Она же тем не менее прощает ему все выходки. Но что все-таки произошло в Шоскоме?

— Мне и самому не терпится об этом узнать. А вот и человек, который, я надеюсь, удовлетворит наше любопытство.

Дверь раскрылась, и в комнату вошел высокий мужчина. Его чисто выбритое лицо выражало непреклонность и строгость — качества, присущие, как правило, людям, которым приходится усмирять лошадей или юнцов. Во власти мистера Мейсона были и те и другие. И, надо признать, он выглядел вполне достойным представителем своей профессии. Джон Мейсон сдержанно поклонился и сел на стул, предложенный ему Холмсом.

— Вы получили мое письмо, мистер Холмс?

— Да, но я ровным счетом ничего не понял.

— Я не очень-то привык изъясняться на бумаге. К тому же я сам не могу разобраться в том, что происходит у нас в Старом Шоскоме. Поэтому и решил встретиться с вами лично.

— Ну что ж, мы к вашим услугам.

— Начну с того, мистер Холмс, что человек, у которого я работаю — сэр Роберт, — окончательно потерял рассудок.

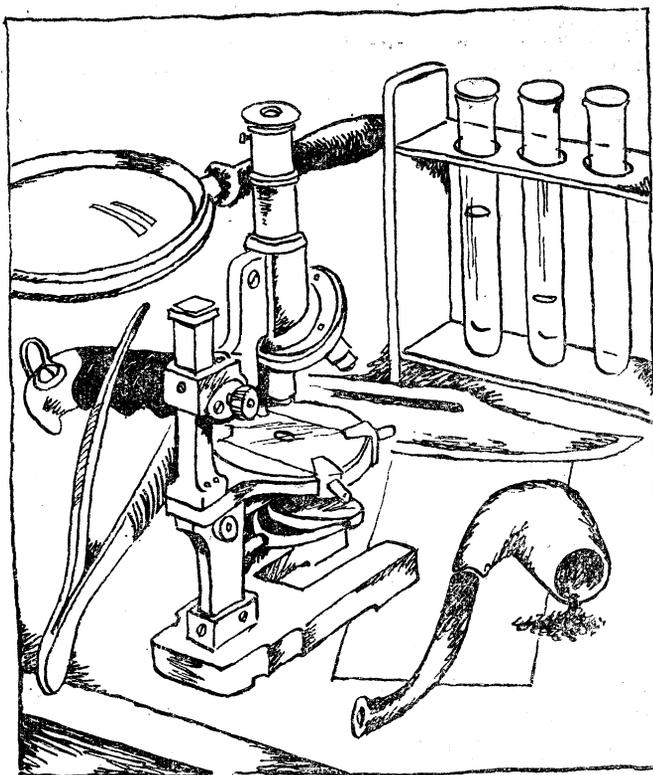
Холмс удивленно поднял брови.

— Вы не ошиблись адресом? Ведь это Бейкер-стрит, а не Харли-стрит¹. Однако что же привело вас к столь странному выводу?

— Знаете ли, сэр, если человек раз или два поступает не совсем обычно, это еще как-то можно объяснить. Но когда все, что он делает, вызывает подозрение, тут уж поневоле начнешь сомневаться в его умственных способностях. Думаю, Шоскомский Принц и увлечение скачками довели его до такого состояния.

— Шоскомский Принц — тот самый жеребец, которого вы тренируете?

— Лучше его в Англии не найти, мистер Холмс. Кто-кто, а я-то знаю наверняка. Буду с вами откровенен. Я знаю вас и мистера Уотсона как людей благородных и уверен, что все сказанное мною останется в этих стенах. Сэру Роберту просто необходимо выиграть на предстоящих больших скачках. У него нет другого выхода — ведь он по уши в долгах. На Принца поставлено все, что ему удалось достать или одолжить. При чем поставлено на очень выгодных условиях. Это

сейчас ставки опустились до сорока, а когда сэр Роберт вступил в игру, они достигали почти сотни.

— Но разве это возможно, если конь настолько хорош, как вы говорите?

— Насколько он хорош, известно очень немногим. Сэр Роберт ловко обвел «жучков» вокруг пальца. Вместо Принца на круг выводят его брата. Они похожи, как две капли воды. Но в галопе Принц обходит его за фарлонг² на два корпуса. Сэр Роберт теперь только о скачках и думает. Ведь от их исхода зависит его будущее. Кредиторы его тоже с нетерпением ждут скачек. И если Принц не оправдает надежд, сэр Роберт пропал.

— Да, поистине отчаянная игра. Но почему вы решили, что сэр Роберт сошел с ума?

— Во-первых, для этого достаточно его видеть. Сомневаюсь, что он спит ночами. Он проводит на конюшне все время. Это плохо сказывается на его психическом состоянии. У него такой безумный взгляд! А его поведение по отношению к леди Беатрисе?

— А что такое?

— Они всегда были самыми близкими друзьями. У них и вкусы во всем схожи, и лошадей она любила не меньше сэра Роберта. Каждый день в один и тот же час она приезжала посмотреть на них. И особенно любила Принца. А тот,

¹ Харли-стрит — улица в Лондоне, где находятся приемные ведущие врачей-консультантов.

² Фарлонг — мера длины, равная 201,17 м, обычно используется на скачках.

как заслышит, бывало, ее экипаж, даже уши поднимал. И каждое утро он рысью выбегал к ней за своим обычным кусочком сахара. Но теперь всему этому пришел конец.

— Почему же?

— Она словно потеряла всякий интерес к лошадям. Вот уже неделя, как она равнодушно проезжает мимо и даже не здороваются.

— Вы полагаете, между братом и сестрой произошла ссора?

— Да, ссора, причем серьезная и в самой неприглядной форме. Посудите сами, ведь он даже лишил сестру любимого пса. На днях он отдал спаниеля старику Барнсу, хозяину «Зеленого дракона». Это в Крендалле, милях в трех от Шоскома.

— Действительно, странный поступок.

— Конечно! Как она вообще терпит его присутствие, при ее-то здоровье! У нее и сердце слабое, и водянка. А сэр Роберт каждое утро по два часа проводил в ее комнате. Хотя, собственно, чему удивляться?! Что бы ни случилось, сестра всегда оставалась на редкость преданным ему другом. Но сейчас прекратились и эти утренние визиты. Сэр Роберт даже близко не подходит к сестре. А она так переживает! Стала угрюмой и замкнутой. Она стала пить, мистер Холмс, пить запоем!

— А до размолвки за ней этого не водилось?

— Бывало, конечно, заглядывала в рюмку. Но теперь, по словам дворецкого Стивенса, у нее ни один вечер не обходится без целой бутылки. За всеми этими переменами, мистер Холмс, кроется что-то весьма скверное. И потом, зачем хозяин каждую ночь ходит в старый церковный склеп? И что за человек поджидает его там всякий раз?

Холмс от удовольствия потер руки.

— Продолжайте, мистер Мейсон, ваш рассказ становится все более интересным.

— Дворецкий первым заметил, что сэр Роберт куда-то уходит. Было около полуночи, и дождь лил, как из ведра. Следующей ночью я спать не ложился. Смотрю — и правда: хозяин куда-то собирается. Мы со Стивенсом решили за ним проследить. Однако задача была не из легких. Плохо бы нам пришлось, заметь он нас в ту ночь. Если сэру Роберту что-нибудь не по душе, он сразу пускает в ход свои могучие кулаки, не разбираясь, с кем имеет дело. Потому-то мы и боялись подойти слишком близко, но все же заметили, куда он направляется. А направлялся он к склепу, где его поджидал какой-то человек.

— Что это за склеп?

— В парке, сэр, есть развалины старинной часовни. Она такая древняя, что возраст ее определить невозможно. Под часовней находится

склеп. Он пользуется дурной славой — там якобы живут привидения. Днем это просто унылый, мрачный, забытый богом уголок, а ночью там страшно. Среди местных жителей немного найдется смельчаков, которые рискнули бы пойти туда после захода солнца. А вот хозяин не боится. Он вообще очень смелый человек. Но что понадобилось ему там, да еще в ночное время?

— Постойте, — сказал Холмс. — Вы упомянули еще какого-то человека. Не мог ли это быть кто-нибудь из конюхов или слуг? Нужно найти его и расспросить как следует.

— Этот человек не из наших.

— Почему вы так решили?

— Потому что я видел его вблизи, мистер Холмс. Это было уже следующей ночью. Сэр Роберт возвращался назад. Он прошел мимо нас, а мы со Стивенсом, притаившись в кустах, дрожали как зайцы, — ночь выдалась лунная, и было довольно светло. Потом слышим — тот, другой, идет. И когда сэр Роберт был уже далеко, мы вышли из нашего укрытия и притворились, будто просто прогуливаемся при луне. Подходим к этому типу как ни в чем не бывало, а я и говорю: «Здорово, приятель, что-то я тебя не узнаю?» Он, видно, не слышал, как мы подошли, и, когда обернулся, лицо у него было такое, словно он черта рогатого увидел. Завопил не своим голосом и побежал что было сил. Должен признать, бегаёт он отлично. Через минуту его и след простыл. А кто он, мы так и не выяснили.

— Вы хорошо его рассмотрели при лунном свете?

— Да, сэр. Могу поклясться, я узнал бы эту подлую тварь. Но что общего может быть у них с сэром Робертом?

Холмс погрузился в свои размышления.

— С кем еще общается леди Беатриса Фолдер? — спросил он наконец.

— Вот уже пять лет в их доме служит горничной Кэрри Ивэнс.

— Она, конечно, предана своей хозяйке?

— Предана-то предана, — смущенно ответил мистер Мейсон. — Только вот кому?..

— Ах вот как!

— Мне не хотелось бы обсуждать поведение своих хозяев.

— Понимаю, мистер Мейсон. Ситуация предельно ясная. Насколько я знаю со слов доктора Уотсона, сэр Роберт не пропускает мимо ни одной юбки. А вы не думаете, что причина ссоры с сестрой кроется именно в этом?

— О его отношениях с горничной давно всем известно.

— А вдруг леди Беатриса раньше не замечала этого? Представим, что сестра внезапно узнает

об их скандальной связи. Она хочет избавиться от горничной, а брат протестует. Что она, женщина больная и беспомощная, может сделать против его воли? А ненавистная горничная по-прежнему остается с ней. Леди отказывается разговаривать с братом, а сэр Роберт в отместку отбирает ее любимого спаниеля. Все сходится?

— Сходится, но не все.

— Вот именно, не все. Какое отношение имеет этот скандал к ночным визитам в старый склеп? Они никак не вписываются в нашу сюжетную линию.

— Вы правы, сэр. Кроме того, существует еще одно обстоятельство, объяснить которое я не могу. Зачем сэру Роберту понадобилось раскапывать мертвецов?

Холмс насторожился.

— Мы обнаружили это вчера, уже после того, как я вам написал. Вчера сэр Роберт уехал в Лондон, а мы со Стивенсом решили осмотреть склеп. Сначала ничего необычного мы не увидели, но потом в углу нашли труп человека.

— Я надеюсь, вы сообщили об этом в полицию?

Наш посетитель мрачно улыбнулся.

— Едва ли это могло бы их заинтересовать. Там были только истлевшие кости и череп. Им бог знает сколько лет. Но могу поклясться, и Стивенс подтвердит, что раньше тот угол был пуст. Кто-то сложил туда кости и прикрыл их сверху доской.

— Что вы с ними сделали?

— Ничего, сэр. Оставили все как было.

— Вы поступили осмотрительно. Так вы говорите, вчера сэр Роберт был в Лондоне? Он уже вернулся?

— Он должен приехать сегодня.

— А когда сэр Роберт отдал собаку?

— Ровно неделю назад. В то утро бедный пес как-то особенно жалобно завывал, стоя у старого колодца, а сэр Роберт, как всегда, был не в духе. Он схватил собаку, и я подумал, уж не собирается ли он ее убить. Но он отдал ее Сенди Бейну, нашему жокею, и, заявив, что не желает больше терпеть ее здесь, распорядился отвезти спаниеля в «Зеленый дракон» старому Барнсу.

Холмс закурил свою самую старую, давно не чищенную трубку и на некоторое время задумался.

— Я все-таки не совсем понимаю, мистер Мейсон, — сказал он наконец, — чем могу быть вам полезен. Нет ли у вас чего-либо более конкретного?

— Быть может, вот это покажется вам более конкретным? — ответил посетитель.

С этими словами он достал из кармана свер-

ток и, осторожно развернув его, показал часть обуглившейся кости.

Холмс осмотрел ее с интересом.

— Где вы это нашли?

— В подвале, под комнатой леди Беатрисы, находится котельная. Некоторое время отопительной системой не пользовались, но не так давно сэр Роберт стал жаловаться на холод, и тогда снова затопили. Наш истопник Харви — это мой человек — приходит ко мне сегодня утром и говорит, что нашел кость, когда выгребал золу. Ему как-то сразу не понравился вид этой вещицы.

— Признаться, мне тоже, — сказал Холмс. — Что вы скажете по этому поводу, Уотсон?

Кость сильно обгорела, но все же относительно ее анатомической принадлежности у меня не было никаких сомнений.

— Это часть бедренной кости человека, — ответила я.

— Совершенно верно. — Холмс перешел на деловой тон. — Когда обычно производится чистка печи?

— Харви чистит ее по утрам, а потом уходит.

— Значит, ночью в котельную может попасть кто угодно?

— Да, сэр.

— А с улицы есть вход?

— Один вход с улицы, другой — из той части дома, где расположена комната леди Беатрисы.

— Темное это дело, мистер Мейсон. Темное и, главное, грязное. Вы говорите, сэра Роберта не было дома прошлой ночью?

— Не было, сэр.

— Значит, жег кости не он.

— Верно, сэр.

— Как называется гостиница, которую вы упомянули?

— «Зеленый дракон».

— А как в ваших краях обстоит дело с рыбалкой?

Трудно представить, как изменилось при этих словах Холмса лицо нашего почтенного гостя, решившего, по-видимому, что к его и без того беспокойному окружению добавился еще один ненормальный.

— Насколько я знаю, сэр, в ручье у мельницы есть форель, а в озере Холл водится щука.

— Неплохо. Мы с Уотсоном — завзятые рыбаки, не правда ли, Уотсон? В дальнейшем можете обращаться к нам в «Зеленый дракон». Думаю, мы будем там сегодня к вечеру. Едва ли стоит объяснять, почему ваши визиты в «Зеленый дракон» будут нежелательны, мистер Мейсон. Но вот записка от вас без труда попадет к нам, да и я вас легко разыщу, если вы понадобится. На месте мы детально ознакомимся с обстановкой, и тогда я сообщу вам свое мнение...

Итак, ясным майским вечером мы с Холмсом расположились в пустом пассажирском вагоне первого класса. Местом назначения нашего путешествия был Шоском, маленькая станция, где и поезда-то останавливаются только «по требованию». Багажную полку занял наш внушительных размеров походный скарб, состоявший из множества удочек, катушек и корзин. По прибытии в Шоском мы наняли извозчика и вскоре оказались в старомодной гостинице, где нас встретил сам хозяин, весельчак Джозия Барнс. Он с радостью согласился принять участие в обсуждении наших планов по истреблению рыбы в окрестных водоемах.

— Говорят, озеро Холл славится неплохими щуками. Думаете, у нас есть шанс?.. — поинтересовался Холмс.

Лицо нашего хозяина сразу стало серьезным.

— Вряд ли, сэр. Скорее есть шанс самому оказаться в озере, прежде чем вы что-нибудь поймаете.

— Это почему же?

— Сэр Роберт опасается «жучков». Ему явно не понравится, что поблизости от его ипподрома станут разгуливать двое посторонних. Сэр Роберт прекрасно знает, чем это может закончиться.

— Я слышал, его лошадь будет выступать на предстоящем дерби¹.

— Да, отличный жеребец. Мы все деньги на него поставили, и сэр Роберт тоже. Кстати, — он задумчиво взглянул на нас, — вы сами-то не играете на скачках?

— Что вы, нет. Мы всего лишь утомленные лондонской суетой горожане. Вот приехали подышать свежим беркширским воздухом.

— Ну, тогда лучшего места вам не найти. Чего-чего, а свежего воздуха у нас предостаточно. Но помните, что я вам сказал про сэра Роберта. Он из тех, кто сперва лезет в драку, а уж только потом разбирается, что к чему. Держитесь подальше от парка.

— Конечно-конечно, мистер Барнс. Мы непременно последуем вашему совету. Кстати, какой у вас чудесный спаниель! Он скулил там, в холле, когда мы проходили.

— Да, сэр, отличный пес. Настоящий шоскомской спаниель. Другого такого во всей Англии нет.

— Я сам очень люблю собак, — сказал Холмс. — Если не секрет, сколько вы за него отдали?

— Что вы, сэр! Он стоит куда больше, чем я мог бы заплатить. Мне подарил его сэр Роберт. Вот и приходится пока держать пса на привязи, а то, того и гляди, сбегит назад к хозяевам...

— Вот и у нас появляются козыри, Уотсон, — заметил Холмс, когда хозяин гостиницы ушел. — Нелегко их будет разыграть, но, думаю, в самое ближайшее время нам это удастся. Между прочим, насколько я понял, сэр Роберт все еще в Лондоне. Так что опасности получить тяжелые увечья практически нет. Почему бы нам сегодня же ночью не обследовать запретную территорию? Мне нужно проверить кое-какие догадки.

— У вас есть версия, Холмс?

— Пока ничего особенного, Уотсон, кроме того, что около недели назад здесь произошло событие, коренным образом изменившее самый уклад жизни в усадьбе. Но что за событие? Свои предположения мы можем строить лишь на основе его последствий. А они удивительно противоречивы. Однако и это нам на руку. Безнадежными как раз бывают только серенькие, не отмеченные интересными обстоятельствами случаи. Итак, попробуем подвести итоги. Брат прекращает навещать любимую, притом больную, сестру. Отдает ее любимца спаниеля. Заметьте, ее спаниеля! О чем это говорит?

— О том, что сэр Роберт ее возненавидел.

— Возможно, но есть и другая вероятность.

¹ Дерби — ежегодные скачки лошадей-трехлеток на ипподроме «Эпсом-Даунс» близ Лондона; дистанция 2400 м.

Проанализируем ситуацию с момента их ссоры, если, конечно, таковая была. Леди почти не покидает своей комнаты, меняет привычки, показывается только в сопровождении горничной во время прогулок, не останавливается более у конюшни, чтобы проведать свою любимую лошадь, и чересчур увлекается спиртным. По-моему, все.

— Кроме истории со склепом.

— Это другая линия в наших рассуждениях. Всего их две, и, я попрошу вас не путать их. Линия А: она касается леди Беатрисы и представляется нам в весьма и весьма мрачных тонах, не правда ли?

— Честно говоря, я не совсем понимаю...

— Ладно, теперь обратимся к линии Б, которая касается сэра Роберта. Его одолевает безумное желание выиграть дерби. Он погряз в долгах, рискует в любую минуту стать банкротом, а тогда его лошади перейдут к кредиторам. Человек он смелый и отчаянный. Живет на иждивении сестры. Горничная сестры — его покорная рабыня. С этой стороны у нас все в порядке, верно?

— А склеп?

— Ах да, склеп! Предположим... понимаю, что мое предположение может показаться вам ужасным, однако это гипотеза, выдвигаемая лишь для того, чтобы быть опровергнутой... предположим, что сэр Роберт просто убил свою сестру.

— Это исключено, мой дорогой Холмс!

— Конечно, Уотсон, конечно. Сэр Роберт — человек благородного происхождения. Но ведь в семье, как говорят, не без уroda. Давайте-ка поразмыслим над моим предположением. Совершив убийство, бежать он не может, пока за душой у него нет ни гроша, деньги же он получит лишь в случае победы Принца на скачках. Вот он пока и выжидает. Но сэру Роберту необходимо, во-первых, избавиться от трупа, а во-вторых, сделать отсутствие сестры незаметным для других. Иначе говоря, нужен человек, который выдавал бы себя за нее все это время до скачек. Учитывая, что горничная сестры — его доверенное лицо, осуществить последнее совсем не сложно. А труп сестры либо спрятан в старом склепе, либо сожжен, свидетельством чему может служить улика, предъявленная нам Джоном Мейсоном. Что вы на это скажете?

— Пожалуй, все это вполне вероятно, если допустить правильность вашего чудовищного предположения.

— Думаю, завтра, Уотсон, мы с вами проведем один небольшой эксперимент, способный рассеять некоторые из наших сомнений. А пока, в оправдание нашей репутации завзятых рыболовов, давайте-ка пригласим нашего хозяина на стаканчик его же собственного вина и побеседуем с ним о промысловых достоинствах местных водоемов.

Одним словом, попробуем войти к нему в доверие. Попутно разведем, что поговаривают относительно интересующего нас дела местные жители...

Утром Холмс «обнаружил», что мы забыли блесну, и это послужило нам оправданием, чтобы воздержаться от рыбалки. Около одиннадцати мы отправились на прогулку, предварительно испросив у Барнса разрешение взять с собой черного спаниеля.

— Вот мы и у цели, — сказал Холмс, когда мы подошли к высоким воротам парковой ограды, увенчанной геральдическими грифонами. — По словам Барнса, леди выезжает на прогулку около полудня. Экипаж замедлит ход, пока будут открывать ворота. Как только он выедет, вы, Уотсон, обратитесь к кучеру с каким-нибудь вопросом. На меня внимания не обращайтесь. Я встану за кустами и буду наблюдать оттуда.

Ждать пришлось недолго. Минут через пятнадцать мы увидели, как по длинной аллее к воротам быстро приближается большое открытое ландо желтого цвета, запряженное парой великолепных серых лошадей. Холмс, стоявший с собакой за кустами, присел. Я с беспечным видом помахивал тростью, оставаясь на дороге. Появился смотритель и открыл ворота.

Лошади замедлили шаг, и я успел хорошо рассмотреть ехавших в коляске. Слева сидела молодая женщина весьма вызывающей, на мой взгляд, внешности. Справа от нее расположилась особа преклонного возраста. Она была сутула, лицо и плечи покрывало множество платков и шалей, что свидетельствовало о слабом здоровье. Когда экипаж выехал за ворота, я повелительным жестом остановил кучера и спросил у него, как найти сэра Роберта.

В этот самый момент из-за кустов появился Холмс и спустил с поводка спаниеля. С радостным лаем пес бросился к коляске и вспрыгнул на ступеньку. Но неожиданно бурная радость сменилась у него неистовой яростью, и он со злостью вцепился в черную юбку.

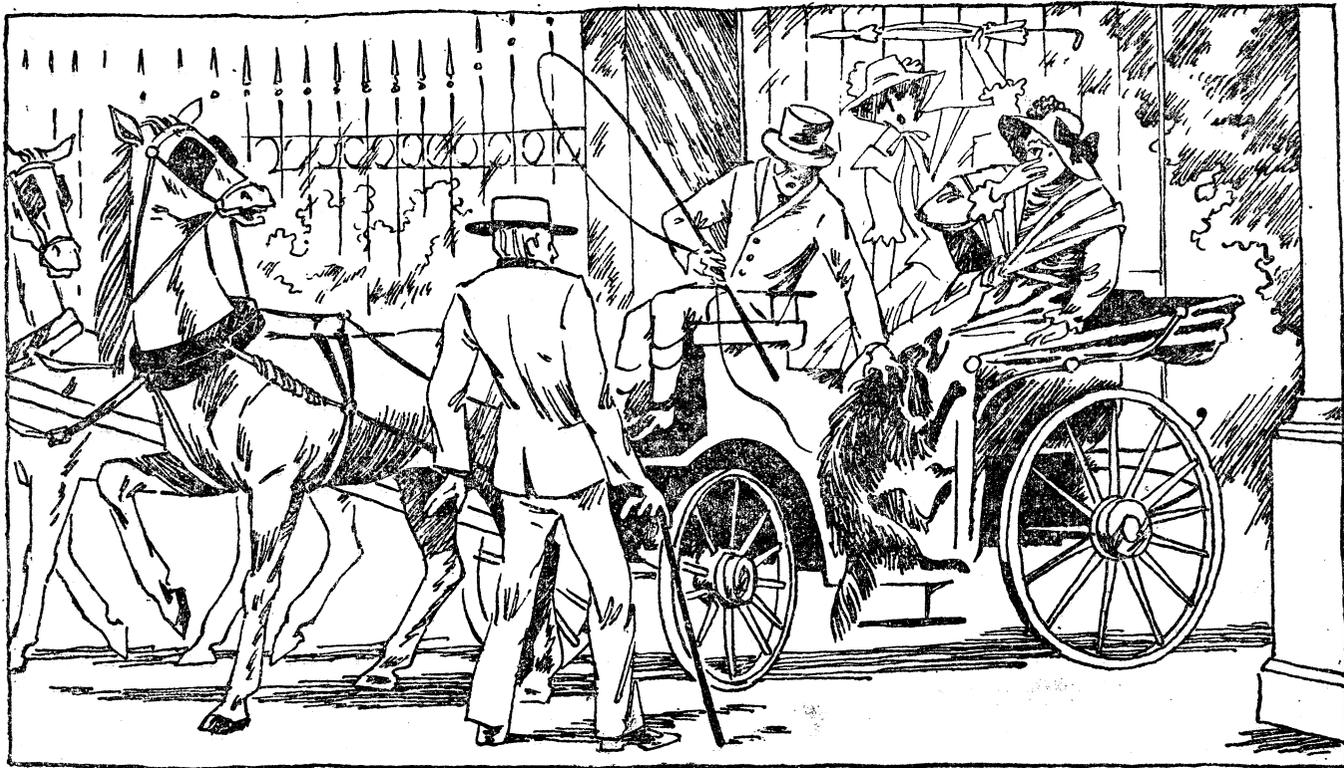
— Поехали! Поехали! — послышался хриплый крик.

Кучер хлестнул лошадей, карета умчалась, оставив нас одних посреди дороги.

— Что ж, Уотсон, эксперимент удался, — сказал Холмс, пристегивая к поводку возбужденную собаку. — Пес принял даму за свою хозяйку, но оказалось, что это вовсе не так. Собаки не ошибаются.

— Но я слышал мужской голос! — воскликнул я.

— Совершенно верно! У нас в руках еще один козырь, Уотсон. Но от этого игра не становится менее рискованной.

У моего друга, по-видимому, не было пока других планов, и мы наконец смогли опробовать наши рыболовные снасти в ручье у мельницы, а на ужин отведать замечательной местной форели. Вечером к Холмсу вернулась жажда деятельности. И вот мы снова оказались на дороге, которая утром вывела нас к воротам парка. У ограды маячила высокая темная фигура. То был наш лондонский посетитель Джон Мейсон, шосскомский тренер.

— Добрый вечер, джентльмены,— приветствовал он нас.— Я получил вашу записку, мистер Холмс. Сэр Роберт все еще не вернулся, но, насколько я знаю, его ждут сегодня вечером.

— Склеп далеко от дома?— спросил Холмс.

— С четверть мили.

— Тогда нам нечего бояться.

— Вам-то конечно, мистер Холмс. А я надолго отлучиться не могу— как только сэр Роберт придет, мне сразу придется отчитываться за Принца.

— Понятно. В таком случае мы с Уотсоном будем действовать сами. Вы только отведите нас в склеп.

Несмотря на непроглядную тьму безлунной ночи, Мейсон уверенно вел нас через пастбищные уголья, пока, наконец, перед нами не вырос черный силуэт древней часовни. Мы проникли в нее через дыру, на месте которой когда-то был

вход, и наш проводник, спотыкаясь о валявшиеся повсюду обломки старой кладки, направился в угол здания, где оказалась лестница, ведущая в склеп. Он чиркнул спичкой, и нашим взорам открылся весьма унылый вид. Это было мрачное зловонное место. Вдоль ветхих, осыпающихся стен из грубо обтесанного камня стояло множество гробов, некоторые из них были свинцовые, другие— каменные. С одной стороны склеп завершался крестовым сводом, едва различимым в темноте над нашими головами. Холмс зажег фонарь, желтый свет которого несколько оживил эту печальную картину. Его лучи тускло отражались в металлических пластинках на гробовых крышках; многие из них были украшены грифоном с короной— геральдическим знаком этого старинного рода, представители которого привыкли расставаться с воздаваемыми им почестями лишь у врат в царство Смерти.

— Вы говорили о каких-то костях, мистер Мейсон. Укажите это место, и мы не станем вас больше задерживать.

— Вот здесь, в углу.— Тренер пересек склеп и вдруг застыл от неожиданности, когда фонарь осветил место, к которому он направлялся.— Но их здесь нет,— произнес он.

— Так я и предполагал,— усмехнулся Холмс.— Думаю, пепел от них до сих пор покоится в той

самой печи, которую и раньше использовали с подобной же целью.

— Но кому и зачем понадобилось сжигать кости человека, умершего сотни лет назад?

— Именно здесь мы и хотим найти ответ на этот вопрос,— сказал Холмс.— Однако наши поиски, боюсь, могут затянуться. Так что вы возвращайтесь назад, мистер Мейсон. К утру, я думаю, тайна будет разгадана.

Когда Джон Мейсон ушел, Холмс принялся внимательно осматривать каждый гроб. Начал он с самых древних, оказавшихся еще саксонскими. После них нас ожидали многочисленные гробницы с нормандскими именами Гуго и Одо. Наконец мы добрались до сэра Уильяма и сэра Дениса Фолдеров, живших в XVIII веке. Примерно через час после начала поисков Холмс дошел до свинцового гроба, стоявшего в конце ряда у самого входа в склеп. Я услышал, как он радостно вскрикнул, и по его торопливым, но уверенным движениям понял, что цель достигнута. С помощью лупы Холмс тщательно обследовал края тяжелой крышки. Потом он достал из кармана небольшой консервный нож, служивший ему отмычкой, просунул его в щель и поддел крышку, которая держалась, как оказалось, лишь несколькими зажимами. Крышка с громким треском поддалась. Но едва она приоткрылась, частично обнаружив содержимое гроба, как случилось непредвиденное.

В часовне над нами раздались быстрые уверенные шаги. Под сводом готической арки блеснул свет, а затем появился человек. Это было жуткое зрелище — великан, ослепленный яростью. Большой фонарь, который он держал перед собой, снизу освещал его волевое лицо. Окинув склеп гневным взглядом, он с лютой ненавистью устался на нас с Холмсом.

— Кто вы такие, черт побери? — прогремел его голос.— И что вам нужно в моих владениях? — Затем, не дождавшись ответа, он сделал несколько шагов по направлению к нам и замахнулся тяжелой тростью, которую держал в руке.— Отвечайте! — закричал он.— Кто вы такие? Что вы здесь делаете? — Сэр Роберт приготовился нанести удар.

Однако этот жест ничуть не смутил Холмса. Он шагнул навстречу.

— У меня к вам тоже есть вопрос, сэр Роберт,— произнес Холмс самым что ни на есть спокойным тоном.— Что это такое? И как это здесь оказалось?

С этими словами он обернулся и распахнул крышку гроба, стоящего позади. В ярком свете фонаря я увидел обернутый в простыню труп женщины. Нос и подбородок заострились и своими очертаниями напоминали жуткую гримасу

ведьмы. С выцветшего, уже разлагающегося лица на нас смотрели мутные остекленевшие глаза.

Вскрикнув, баронет отшатнулся назад и оперся о каменный саркофаг.

— Как вы узнали?..— удивленно воскликнул он, но вскоре вновь обрел прежнюю уверенность.— И какое вам до этого дело?

— Мое имя — Шерлок Холмс,— представился мой друг.— Оно, возможно, вам известно. Однако не это сейчас важно. Мой долг, как и долг каждого честного человека,— быть всегда на страже закона. Боюсь, вам за многое придется ответить.

На мгновение в глазах сэра Роберта вновь вспыхнул гнев, однако спокойный голос и непоколебимая уверенность Холмса в своей правоте заставили его сдержаться.

— Как перед богом, мистер Холмс, я не сделал ничего дурного,— произнес сэр Роберт.— Признаю, все факты против меня, но иначе поступить я не мог.

— Буду рад, если все окажется именно так, как вы говорите. Однако без объяснений в полиции вам не обойтись.

Сэр Роберт пожал плечами.

— Ну что ж, не обойтись так не обойтись. Пойдемте ко мне, попробую хоть вам объяснить, как обстоит дело.

Спустя четверть часа мы были в доме. Судя по множеству стволов вороненой стали в застекленных витринах, комната, в которую привел нас сэр Роберт, была оружейной залой. Сэр Роберт оставил нас на некоторое время, а когда вернулся, вслед за ним вошли двое: вулгарного вида молодая женщина, которую мы видели в экипаже, и невысокого роста мужчина с крысиным лицом и какой-то вороватой внешностью, оба в полнейшем замешательстве, так как баронет не успел, видимо, объяснить им, какой оборот принимают события.

— Вот.— Сэр Роберт указал на них.— Это мистер и миссис Норлетт. Под своей девичьей фамилией Ивэнс миссис Норлетт в течение последних лет служила горничной и была доверенным лицом моей сестры. Только эти люди могут подтвердить то, что я намерен вам сейчас рассказать.

— Что вы делаете? Все ли вы обдумали, сэр Роберт? — воскликнула женщина.

— Лично я снимаю с себя всякую ответственность,— сказал ее муж.

Сэр Роберт презрительно взглянул на него.

— Всю ответственность я беру на себя,— произнес он.— Итак, мистер Холмс, прошу вас выслушать мой рассказ о том, что произошло в Старом Шоскоме. Хотя, думаю, вы и сами весьма основательно вникли в суть дела, иначе мы бы

не встретились с вами в часовне. По всей видимости, вам уже известно, что к предстоящему дерби я готовлю «темную лошадку», и от ее успеха зависит мое будущее. Меня может спасти только выигрыш. О неудаче на скачках я и думать не смею!

— Вас можно понять, — заметил Холмс.

— Я полностью зависим от своей сестры, леди Беатрисы. Ни от кого не секрет, что Старый Шоском находится в ее владении лишь пожизненно. Я же — с головой в руках кредиторов. Случись моей сестре умереть, и эти стервятники вмиг будут здесь. Они все растащат. Они отберут у меня конюшни, лошадей, все. Но, мистер Холмс, моя сестра действительно умерла неделю назад!

— И вы никому не сказали.

— А что мне оставалось делать?! Я был на грани полного разорения. Если бы мне удалось скрыть факт ее смерти всего на три недели, я был бы спасен. Этот человек — муж горничной — по профессии актер. Вот нам и пришло в голову — вернее, мне пришло в голову, — что он ненадолго мог бы перевоплотиться в мою сестру. Все дело было лишь в том, чтобы раз в день выезжать на прогулку в ландо, — ведь в комнате у сестры, кроме горничной, никто не бывал. Так я все и

устроил. А сестра моя действительно умерла от водянки, которой давно страдала.

— Это решит судебная экспертиза.

— Ее врач подтвердит, что симптомы уже давно предвещали такой исход болезни.

— И как же вы поступили?

— Труп нельзя было оставлять в доме. В первую же ночь мы с Норлеттом перенесли его в колодезную будку. Тем колодезем давно уже никто не пользуется. Но за нами увязался спаниель сестры. Он не переставая тявкал под дверь, и вскоре я понял, что придется искать более безопасное место. Спаниеля я отдал, а труп мы отнесли в церковный склеп. Я не вижу в своих действиях ничего предосудительного, мистер Холмс. Разве я оскорбил память покойной сестры?

— Лично мне ваше поведение, сэр Роберт, кажется непростительным.

Баронет утомленно покачал головой.

— Вы вправе осуждать мои действия, — со вздохом произнес он. — А как бы вы сами поступили на моем месте? Сидели бы сложа руки и наблюдали, как рушатся все ваши надежды и планы? Гробница одного из предков мужа сестры в старом склепе, который до сих пор служит священной усыпальницей их рода, показалась мне вполне достойным местом для временной могилы.

Мы вскрыли один из гробов, извлекли его содержимое и поместили туда труп сестры. Впрочем, вы и сами видели. Извлеченные из гроба мощи мы не могли, конечно, оставить тут же, в склепе. Мы с Норлеттом перенесли их в дом, где по ночам он жег их в котельной. Вот и все, мистер Холмс. Вам удалось выжать из меня даже больше того, что я хотел рассказать.

Холмс сидел, глубоко задумавшись.

— В вашем повествовании есть одно слабое место,— произнес он наконец.— Ставки на скачках, а следовательно, и ваши надежды на будущее могли обернуться удачей и в том случае, если бы кредиторы завладели вашим имуществом.

— Но ведь Принц рассматривался бы как его часть. И какое им дело до моих ставок? Вероятнее всего, они вообще не стали бы выставлять Принца на скачках. Мой главный кредитор, к сожалению,— мой злейший враг. Сэм Брюэр — отъявленный негодяй. Я его уже однажды выдрал кнутом в Ньюмаркете. Думаете, он протянул бы мне руку помощи?

— Что ж, сэр Роберт,— сказал Холмс, поднимаясь.— Дело это, несомненно, должно быть передано в полицию. Считаю своим долгом сообщить обо всем происшедшем, а дальнейшее от меня зависеть не будет. Что касается моральной и этической сторон вашего поведения, то это уже не моя сфера деятельности. Однако сейчас почти полночь, Уотсон. Нам пора возвращаться в нашу скромную обитель.

Окончилась эта необычная история для сэра Роберта куда более удачно, чем он того заслуживает. Шоскомский Принц действительно выиграл дерби, а его предприимчивый хозяин заработал на этом восемьдесят тысяч фунтов. Кредиторы действительно повременили с расплатой до окончания скачек, когда и получили свое сполна. Оставшихся денег сэру Роберту хватило, чтобы восстановить достойное положение в обществе. И полиция, и медицинский эксперт отнеслись к его действиям весьма снисходительно, лишь выразив в мягкой форме порицание за несвоевременную регистрацию смерти сестры. А счастливый обладатель призовой лошади благополучно пережил этот удивительный поворот судьбы, суть которого теперь уже перестала быть тайной. Он и теперь подает надежды беспечно окончить свой век не ранее, чем достигнув почтенного возраста.

С английского перевел А. ЛЕВЕНКО

Демидовская премия

Лев ДАНИЛОВ

В дореволюционной России на протяжении многих лет наиболее престижной и почетной премией за научные труды считалась Демидовская. Учредил ее владелец уральских и сибирских чугуноплавильных заводов Павел Николаевич Демидов (1798—1840).

17 апреля 1831 года было опубликовано положение о награждении Демидовской премией. П. Н. Демидов обязался ежегодно вносить в Академию наук по 20 тысяч рублей ассигнациями (5714 рублей серебром) для учреждения больших премий по пять тысяч рублей и малых по 2500 рублей, чтобы «содействовать к преуспеянию науки, словесности и промышленности в своем отечестве».

В положении указывалось, что на получение премий могут претендовать только оригинальные, выполненные на русском языке сочинения, а удостоенные наград сочинения должны быть напечатаны в России. Если те или иные научные работы удаивались премии, то для напечатания их автору выдавалось дополнительно еще пять тысяч рублей.

Присуждение премий предоставлялось Академии наук. Действительные члены Академии не могли выдвигать свои работы на соискание награды. Результаты оглашались ежегодно 17 апреля.

Из суммы процентов с капитала ежегодно соискателям лучших рецензий присуждали две золотые медали достоинством 12 и 8 червонцев каждая.

После смерти Демидова по его завещанию деньги поступали в Академию наук еще 25 лет, то есть до 1865 года включительно.

За 1832—1865 годы Академия наук рассмотрела 903 присланных сочинения. Было присуждено полных премий — 55, половинных — 220, отмечено почетными отзывами — 123, выданы суммы на издание 27 рукописей, 47 человек награждены золотыми медалями.

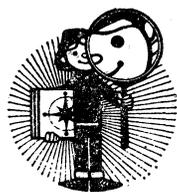
Среди лауреатов Демидовской премии были химик Д. И. Менделеев, математик П. Л. Чебышев, филолог А. Х. Востоков, путешественник Ф. П. Врангель, хирург Н. И. Пирогов, физиолог И. М. Сеченов.

Изобретатель-самоучка П. А. Зарубин дважды (в 1854 и 1856 годах) был удостоен премии за изобретение планиметра-самоката, жатвенной машины, пожарного насоса, прибора для измерения глубины моря.

Демидовской премией в 1841 году была отмечена классическая работа П. П. Аносова «О булатах».

В 1867 году полная Демидовская премия была присуждена профессору В. С. Якоби за изобретение гальванопластика.

В подавляющем большинстве лауреаты Демидовской премии составляли гордость русской науки.

МИР
НА ЛАДОНИ

Сад камней на берегу Миасса

На Южном Урале известен минералогический музей под открытым небом — Ильменский заповедник имени В. И. Ленина. А вскоре в Челябинске примет посетителей еще один такой музей, только рукотворный. И хотя по своим масштабам он во многие сотни раз меньше своего знаменитого на весь мир собрата, по многообразию экспонируемых минералов будет богаче заповедного.

Создание подобных музеев — дело многолетнее, но и сегодня музей уже обретает свое лицо.

В Челябинском саду камней на каждой глыбе закреплена табличка-паспорт, что это за минерал, откуда он родом. И украшают глыбы-экспонаты деревья и кусты из тех мест, откуда они доставлены.

Некоторые минералы нельзя хранить под открытым небом, а другие настолько редки, что не то что глыбы, а и кусочек со спичечный коробок — великая ценность. Для них отведено отдельное здание. В порядке улицы Труда, снесенном под сквер-музей, оставлен старинный особняк. В нем и размещен филиал областного краеведческого музея — геологический.

Органный зал

Это краснокирпичное здание в центре челябинского детского парка Алое поле воздвигалось в начале века как православный храм. Затем здание перестроили, сделали его трехэтажным. На верхнем разместился планетарий. А на двух других этажах были и музей, и шахматная школа, и типография, и картинная галерея...

Сегодня памятник истории и культуры — великолепное творение известного русского архитектора А. Н. Померанцева — обретает третью жизнь, превращаясь в органнй зал.

Особые трудности встали перед реставраторами при восстановлении

куполов. Технология-то безвозвратно утеряна. Чего вроде хитрого, куда сложнее конструкции собирали монтажники «Востокметаллургмонтажа». Ан нет! Все как надо, а чуть-чуть не так. Переделали, и еще чуть-чуть не так. И так вот «чуть-чуть» на всех тринадцати куполах...

Внутри здания работы тоже закончены. Все здесь сделано в лучшем виде. Все вроде? Нет. В будущем здесь еще предстоит деликатная работа — реставрация фресок. Под многолетними наслоениями побелок обнаружены старые росписи, не все, оказывается, они погублены. Исполнение фресок мастерское. Была даже выдвинута версия — не по эскизам ли В. М. Васнецова? Словом, подобно нет ни в Челябинске, ни в области. Вот и решили реставрировать. А пока фрески законсервированы.

Реставраторы ушли из обновленного здания. Оно готово стать храмом искусства — принять нового хозяина — орган. Изготовлен он фирмой «Ойле» в ГДР после тщательных замеров акустики здания.

Супертяжеловозы

Иначе не назовешь продукцию Челябинского машиностроительного завода автотракторных прицепов. Они уникальны, подобных не производит ни одно предприятие страны. Массовая продукция завода — прицепы для перевозки самых различных грузов — под тяжести в десятки тонн. А вот те, которым по плечу грузы более ста тонн — супертяжеловозы, — изготавливаются по специальным заказам.

Ветераном среди тяжеловозов является прицеп грузоподъемностью в 300 тонн. В свое время он служил строителям канала Иртыш — Караганда. Отработав на канале, челябинский «супер» отправился на Памир помогать в строительстве Нурекской ГЭС. По сложным горным дорогам на нем перевозили сюда сверхтяжелые агрегаты, в том числе и гидротрансформатор весом более трехсот тонн.

Незаменимы супертяжеловозы там, где нет железных дорог, а также при перевозке неделимых тяжелых грузов, которые на железнодорожных платформах не перевезешь из-за чрезмерного веса и габаритов.

В XII пятилетке продукция завода обновится на 90 процентов. Сегодня основные заказчики завода — нефтяники Сибирского Севера. Для них уже собран прицеп грузоподъемностью 450 тонн. На нем

перевозят блоки насосных станций высотой в пятиэтажный дом. Для Ямбургского газового месторождения проектируется «отряд» супертяжеловозов, способных перевозить грузы в 300—600 тонн.

Гусеничный мастодонт

Стальными конями называли в тридцатые годы первые отечественные тракторы. Челябинские были среди них самые мощные — 65 лошадиных сил. Так как же назвать трактор Т-800, что создается сейчас в объединении «ЧТЗ имени В. И. Ленина», его мощностю в 12 раз больше — 800 лошадиных сил? Стальной мамонт.

Первые челябинские тракторы предназначались для вспашки тяжелых черноземов востока страны, и новый гигант имеет восточную ориентацию. Он необходим для освоения подземных кладовых Сибири. Менее мощная техника просто не в состоянии одолеть на местных разрезах скалы и вечную мерзлоту.

Модель разрабатывалась в конструкторском бюро тяжелых тракторов под руководством В. Л. Вершинского. Четверть века назад коллектив бюро сконструировал одну из лучших советских машин — дизель-электрический трактор ДЭТ-250. До сих пор он пользуется большим спросом на мировом рынке. Столь долговечная популярность говорит сама за себя. Ожидается, что новая машина будет также на уровне лучших мировых стандартов, а по некоторым параметрам и превосходить их. Испытания уже показали, что по абсолютной производительности Т-800 в 1,6 раза превосходит аналог — последнюю модель фирмы «Катерпиллер».

Сейчас идут испытания челябинского гиганта. Три машины были выпущены к открытию XXVII съезда партии. В серийное производство Т-800 намечено запустить в конце пятилетки. А конструкторы одновременно с доработкой этой модели создают новый вариант — трактор мощностью более тысячи лошадиных сил.

Там, на Лисьей горе...

Марлис РАФИКОВ

ЕСТЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, ЧТО К НАБЛЮДЕНИЮ ЗА КОМЕТОЙ ГАЛЛЕЯ ПОЛТОРА ВЕКА НАЗАД ТЩАТЕЛЬНО ГОТОВИЛИСЬ И В УРАЛЬСКОМ ГОРОДЕ НИЖНЕМ ТАГИЛЕ, КОТОРЫЙ ТОГДА НАЗЫВАЛСЯ НИЖНЕТАГИЛЬСКИМ ЗАВОДОМ ДЕМИДОВЫХ.

В библиотеке Нижнетагильского горно-металлургического техникума, которому исполнилось 275 лет, сохранились старинные книги по астрономии. Значит, его воспитанники интересовались небесной механикой. Если бы в Нижнем Тагиле не было знатоков астрономии, то едва ли в 1775 году крепостной механик-самоучка Е. Г. Кузнецов мог построить и запустить свои знаменитые астрономические часы, которые сейчас стоят в музее.

В пользу факта тагильских наблюдений за кометой Галлея в 1835 году говорят и следующие документальные данные. В тот именно год на Лисьей горе, которая выстается над городом, была создана небольшая обсерватория. Пока единственное письменное подтверждение этому — письмо полковника С. А. Юрьевича, которое он послал из Нижнетагильского завода своей жене в Саратов 28 мая 1837 года: «Высокая гора с обсерваторией (разрядка моя. — М. Р.), вся в ярком огне бесчисленного множества плашек, поразила глаза наши...» Позднее, в 1837 году он опубликовал свои дорожные письма, написанные во время путешествия по России в качестве флигель-адъютанта наследника престола. Юрьевич упоминает о том, что, проводящая компанию во главе с цесаревичем в путешествие, Николай I повелел, «...чтобы видели вещи так, как они есть». Значит, полковник в своем письме, повинаясь официальному наставлению императора, пишет о том, что видел собственными глазами.

И еще: широко известен рисунок В. А. Жуковского, который он сделал во время того путешествия. Поэт был наставником наследника престола и неотступно следовал за ним. Этот бесценный рисунок из его путевого дневника — достоверный

документ. На нем безошибочно узнается Лисья гора со сторожевой башней на ней, которая в таком виде была возведена почти за двадцать лет до приезда столичных гостей. На рисунке рядом с башней видно какое-то сооружение. Не есть ли это обсерватория (или павильон обсерватории), упоминаемая в письме Юрьевича?

Эту мысль подтверждает и то обстоятельство, что иллюминация на горе отразилась «...в водах большого резервуара», то есть на водной глади Нижнетагильского пруда. Лишь этот водоём близко подступает к подножью Лисьей горы.

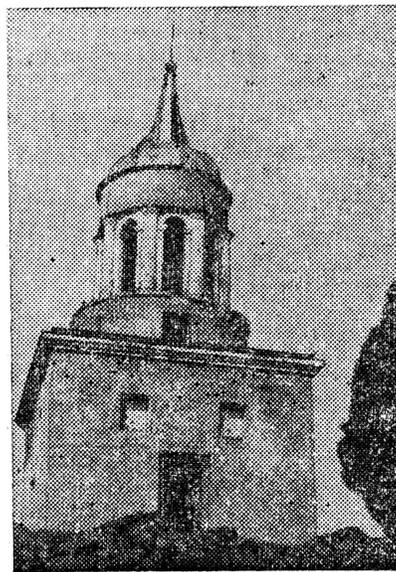
В то же время в Нижнем Тагиле работал крепостной художник Раев. Ему было поручено написать виды Демидовских заводов. И он оставил воспоминания об этой феерической картине в день посещения Нижнетагильского завода значительными гостями: «Особенно обратила внимание... иллюминация Лисьей горы, которая возвышается почти посреди Тагила, она вся была уставлена смолистыми бочками, кострами и плошками; когда все это загорелось и на вершинах дальних гор горели костры, в то время случилась темная ночь и представилась дивная картина: конечно, кто не знал прежде, что существует среди города высокая гора, тому покажется эта масса огня чем-то до чрезвычайности странным, и всех более был поражен этой фантастической картиной наш славный поэт Василий Андреевич Жуковский».

Но обсерватория на Лисьей горе могла служить не для астрономических, а, к примеру, для магнитных или же метеорологических наблюдений? В письме Юрьевича не указано ее назначение.

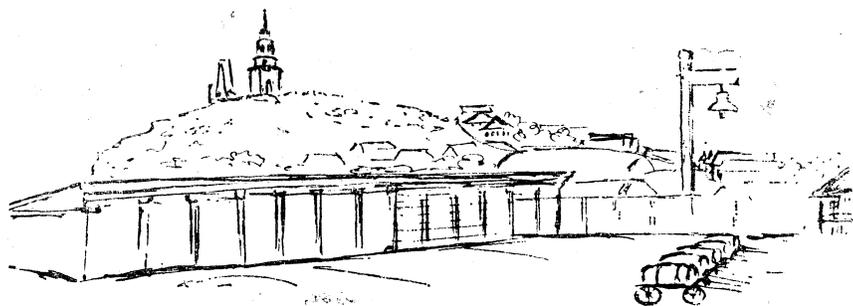
Метеорологическая станция в Нижнем Тагиле, как говорится в книге И. Я. Кривошекова «Словарь Верхотурского уезда», была организована в 1839 году. Она была снабжена термометром, гигрометром, дождемером и другими приборами. Что касается магнитной обсерватории, то в 1837 году ее в Нижнем Тагиле не существовало. Подтверждением тому может служить статья «Об учреждении в России постоянных обсерваторий для

магнитных и метеорологических наблюдений», опубликованная в «Горном журнале» за 1836 год. Из нее явствует, что в начале 1834 года было дано указание об учреждении первых «семи обсерваторий для произведения магнитных и метеорологических наблюдений, важность изучения коих в новейшее время столь много занимает ученых Европы». На Урале они были организованы только при заводах Екатеринбургском, Богословском и Златоустовском. И все. О Нижнетагильском заводе — ни слова.

Есть и косвенные доказательства существования астрономической обсерватории в Нижнем Тагиле полтора века назад. Время жизни заводовладельца Павла Демидова приходится на первую половину XIX века. Начиная с 1830 года, он — почетный член Петербургской Академии наук — ежегодно вносил в ее фонд по 20 тысяч рублей «на награды за лучшие по разным частям сочинения в России» и по 5 тысяч рублей «на издание увенчанных АН рукописных творений». Из этих сумм, начиная с 1832 года, академия ежегодно присуждала Демидовские пре-

Сторожевая башня на Лисьей горе

Лисья гора с обсерваторией. Копия рисунка В. А. Жуковского.

мии. Такая деятельность П. Демидова, поощряющая всяческие новшества, дает повод судить о том, что он мог позволить соорудить к появлению кометы Галлея в 1835 году небольшую астрономическую обсерваторию для наблюдений за ней. Ведь Демидов любил хвастать разными «диковинками» своих владений.

Время появления кометы, как известно, было вычислено заранее. И с живым любопытством ожидалось его подтверждение. К тому же, в памяти многих еще была свежа удивительно яркая комета, которая с марта 1814 года до августа 1812 года блистала на небосводе, — ей приписали роль предвестницы нашествия войск Наполеона в Россию. Эту неповторимую по красоте картину, возможно, наблюдал и Павел Демидов, которому в то время было тринадцать лет.

Еще один факт в пользу астрономической обсерватории. С давних пор в Нижнетагильском историко-революционном музее хранится уникальный экспонат — зрительная труба. По конструкции она похожа, как предполагают специалисты, на работу английского мастера Рамсде-

на, который в конце XVIII века делал превосходные точные инструменты. А как заморский мини-телескоп мог попасть на Урал? В Англии у Демидова было немало купцов и банкиров, через которых он направлял свое железо заказчикам. А наиболее доверенным среди них был банкир в Гулле Спенс. Так что было через кого получить нужную зрительную трубу. Ведь в 1836 году Спенс прислал Демидову даже модели нескольких английских паровозов. Словом, так или иначе, но каким-то образом английский астрономический инструмент попал в свое время в Нижний Тагил. Учитывая проявляемый интерес к комете Галлея при ее появлении в 1835 году, будем придерживаться версии, что этот мини-телескоп был приобретен именно к знаменательному событию. Если это так, то его нужно было установить на высоком месте. Таким местом и стала Лисья гора, которая возвышается над уровнем моря без малого на 250 метров. Возникает вопрос: а для чего нужно было громоздкое сооружение, которое встало на этой горе рядом со сторожевой башней? Не надо забывать, что ко-

мете Галлея начали наблюдать в октябре — ноябре (ее наиболее яркий период при подходе к Солнцу). Естественно, в такое время года на вершине горы, обдуваемой ветрами, долго не усидеть. Наверное, поэтому и было решено соорудить павильон-обсерваторию.

Может возникнуть и следующий вопрос: кому Галлея наблюдали в 1835 году, а высокие гости были в Нижнем Тагиле спустя полтора года. Но ведь, судя по астрономическим данным тех лет, комету Галлея можно было наблюдать до середины следующего года, когда она удалялась от Солнца. И уж коли обсерватория была сделана, ею затем могли пользоваться ученики заводского училища для изучения небесной механики. Тем более, служилые люди Демидова были бережливыми и расчетливыми, так просто такое сооружение-диковинку не могли сломать. Возможно, обсерватория была специально оставлена до приезда цесаревича.

Давайте будем придерживаться догадки, что астрономическая обсерватория в Нижнем Тагиле в 1835—1837 годах (возможно, и позднее) была. Если это так, то она была и первой астрономической обсерваторией на Урале. Вполне возможно, что данная гипотеза об обсерватории натолкнет кого-либо из краеведов на поиск. И, быть может, в архивах удастся обнаружить документ о ней. Ведь «выдал» же в 1984 году Государственный архив Свердловской области чертеж первого паровоза Черепановых!

Поскольку обсерватория была, о чем свидетельствуют рисунок В. А. Жуковского и письмо С. А. Юрьевича, значит, со временем могут отыскаться и документы.

Фото автора

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

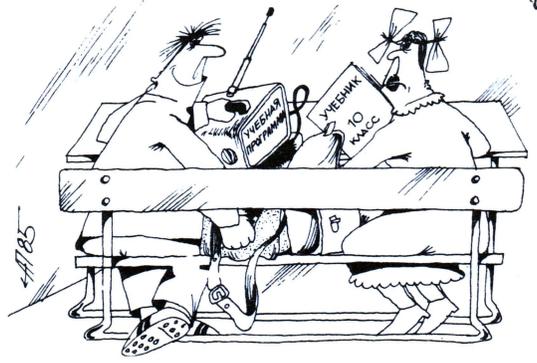
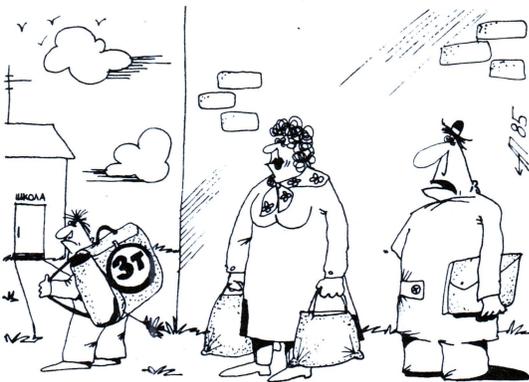
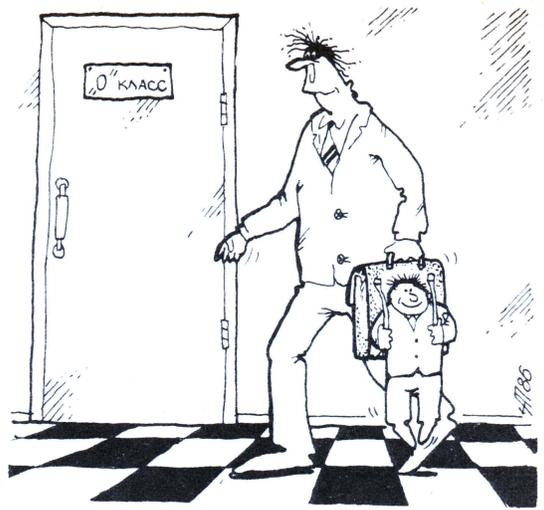
Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБИШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бураигулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в.
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 30.06.86 г. Подписано к печати 08.07.86. НС 11163. Формат бумаги 84×108^{1/16}. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 385 000 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 475. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

ЧИТАЙТЕ В 1987 ГОДУ

С недавних пор на страницах журнала утвердился диалог-клуб «Подросток». В будущем году редакция вынесет на обсуждение читателей, прежде всего учащихся школ и ПТУ, такие темы, как «Сто вопросов о музыке», «Интеллект — дело наживное», «Спутник в жизни», «Игра в жизни подростка».

Мы уже сообщали, что по инициативе редакции проводится журналистско-пропагандистская акция «Рубежи Отечества». Материалы об этой акции, главным образом о жизни пограничных застав, будут регулярно публиковаться на страницах «Уральского следопыта».

Наука и поиск — понятия неразрывные. Своим звучанием ряд публикаций отдела науки и техники будет перекликаться с материалами раздела «Фантастика» — речь пойдет о новых горизонтах науки, об открытиях и гипотезах, которыми полон сегодняшний мир.

...Старинному сибирскому городу Тобольску в 1987 году исполняется четыреста лет. Город-крепль является одним из форпостов русской государственности на востоке, отсюда многие энтузиасты-первопроходцы уходили осваивать просторы Сибири. Редакция намеревается подготовить тематический урало-сибирский номер: зарождение первых городов, становление топливно-металлургической базы Урало-Кузбасс в годы первых пятилеток, роль уральских и сибирских полков в обороне Отечества.

Естественно, в номере найдут отражение и яркие примеры обновления сегодняшней Сибири.

В «Краеведческой копилке», в других разделах отдела краеведения будут широко представлены страницы истории нашего края, нашей страны.

Природа и человек — эта тема всегда была близка «Уральскому следопыту». Немало откликов, особенно от школьников, приходит в редакцию на материалы рубрики «О братьях меньших», которую мы намерены продолжить и в 1987 году.

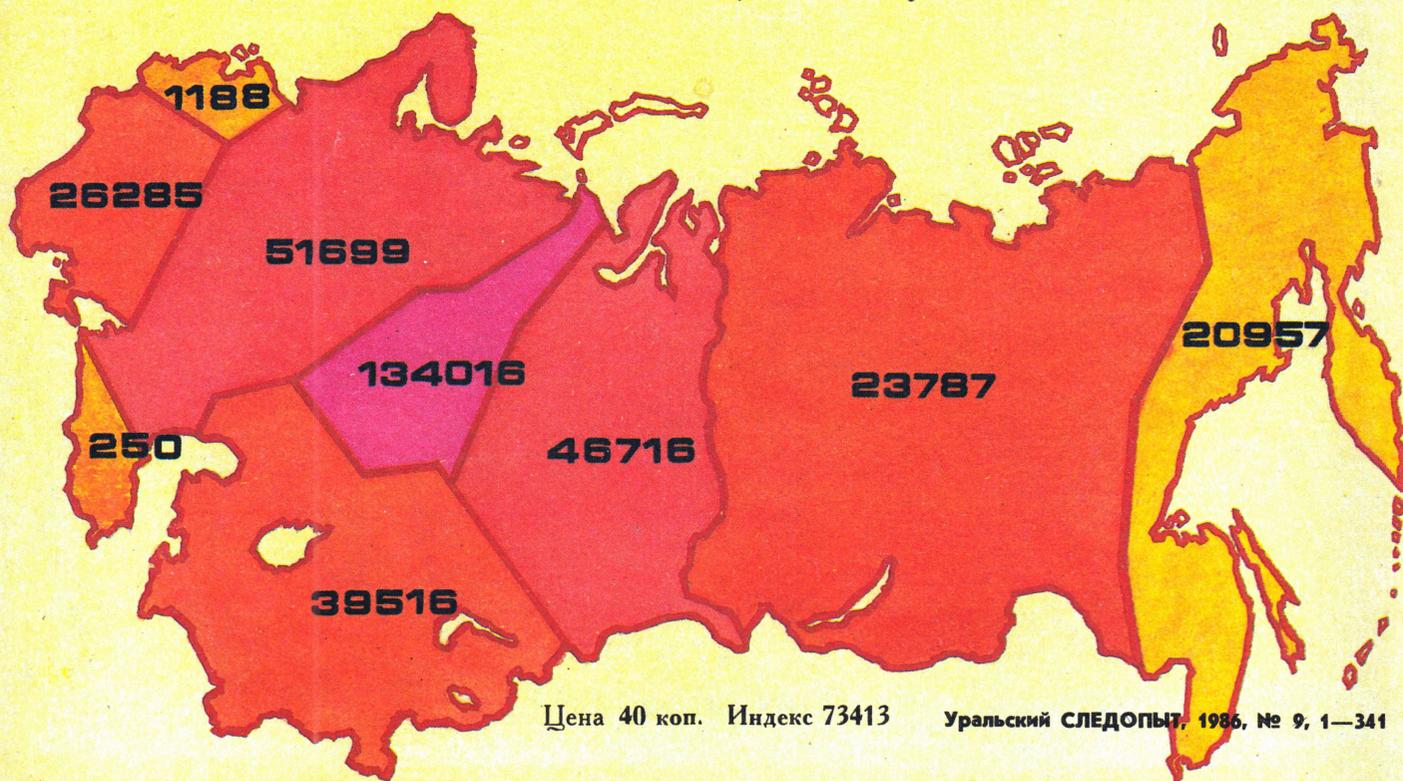
По многочисленным просьбам наших читателей подготовлена к печати новая редакция «Народного календаря».

Разумеется, содержание журнала будущего года нельзя уместить в жесткие рамки определенных рубрик-направлений. Следопытская хроника, рассказы бывалых людей, заметки коллекционеров, очерк о собирательнице и хранительнице русских песен Елене Сапоговой, занимательная и любопытная информация «Мир на ладони» — эти и другие материалы придут к читателям журнала.

ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ АГЕНТСТВАМИ «СОЮЗПЕЧАТЬ» ПОВСЕМИСТО И БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

ИНДЕКС ЖУРНАЛА 73413, ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД 4 РУБ. 80 КОП.

На схеме — число подписчиков журнала по регионам страны в 1986 году.

Цена 40 коп. Индекс 73413

Уральский СЛЕДОПЫТ, 1986, № 9, 1—341